

ОЧЕРКИ И ЗАВОЕВАНИЕ

U 163 *сн*
14

Х И В Ы.

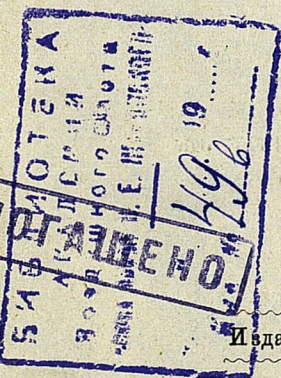
Ж. 52

355.48

ЖС 52

(Съ 9-ю картинами).

Е. Желябужскаго.

Издание народнаго журнала „Грамотей“.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій переулокъ, № 9.

1875.

322.18

322.18

322.18

Дозволено цензурой. Москва, 29 января 1873 года

9-20220-41

2007067209

Генераль-адъютантъ К. П. Фонъ-Кауфманъ 1,
завоеватель Самарканда и Хивы.

Сейдъ Мухамедъ-Рахимъ,
ханъ хивинскій.

ОЧЕРКИ ХИВЫ.

I.

Съ конца XVI столѣтія Русскіе узнаютъ о существованіи Хивинскаго ханства, а уже съ слѣдующаго вѣка начинается рядъ вооруженныхъ столкновеній. Къ сожалѣнію, наши походы были крайне неудачны, — побѣда оставалась на сторонѣ Хивинцевъ, вслѣдствіе чего противники наши дѣлались еще болѣе самонадѣянными.

Первый походъ въ Хиву произошелъ совершенно случайно и безъ всякихъ приготовленій: поселившіеся на берегахъ Яика (Урала) казаки, грабившіе и раззорявшіе въ то время всѣхъ и все, что только попадало имъ подъ руку, поймали однажды нѣсколькихъ хивинскихъ купцовъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Россію. Ограбивъ ихъ до послѣдней рубашки, казаки допытали Хивинцевъ, что и какъ въ ихъ странѣ. Свѣдавъ о богатствахъ Хивы и о томъ, что лѣтомъ тамъ войско распускается, отчаянные казаки, не долго думая, скоро собрались и, въ количествѣ до тысячи человекъ, безъ всякаго обоза и только съ тѣмъ, что могло помѣститься въ сѣдлѣ, отправились на поживу. Скоро проскакали они Киргизскую степь и, воспользовавшись совершеннымъ отсутствіемъ хивинскаго войска, уничтожили дотла одинъ изъ лучшихъ степныхъ городовъ — Ургенчъ. Нагрузивъ съ тысячу телѣгъ богатою кладью и похитивъ нѣсколько сотенъ женщинъ и дѣвушекъ, каза-

ки возвратились было уже обратно, какъ вдругъ, неожиданно-негаданно, были настигнуты Хивинцами и отрѣзаны отъ воды. Пришлось выдержать непримѣрную и ужасную борьбу. Недостатокъ въ водѣ и палящій зной солнца заставилъ казаковъ утолять жажду высасываньемъ крови изъ убитыхъ товарищей*). Нѣсколько дней отчаянно защищаясь и бросивъ все взятое въ Ургенчѣ, казаки, въ числѣ только ста человѣкъ, успѣли пробиться къ рѣкѣ Аму-Дарьѣ, но и здѣсь, въ дремучихъ камышахъ, ихъ вновь настигли Хивинцы и уничтожили окончательно, такъ что преданіе объ этомъ походѣ осталось изъ сочиненія одного знатнаго хивинскаго сановника, да переходящей изъ рода въ родъ удадой пѣсни самихъ уральскихъ казаковъ.

Второй походъ въ Хиву былъ предпринятъ отважнымъ атаманомъ яицкихъ казаковъ — Нечаемъ. Отправившись *пытать счастье*, казаки вновь раззорили нѣсколько городовъ и побрали много добра и женщинъ, и снова, на обратномъ пути, были всѣ до одного уничтожены настигнутыми ихъ Хивинцами.

Третья попытка окончилась для казаковъ еще печальнѣе. Застигнутые суровою зимою съ ужасными вьюгами, они были доведены до такого отчаяннаго положенія, что вынуждены были, чтобы не всѣмъ умереть голодною смертію, по жребію убивать одного изъ своихъ товарищей и питаться его мясомъ. Но страданія горсти удалцовъ этимъ еще не кончились: тѣ, которые спаслись отъ голодной смерти, были полонены Хивинцами и обращены въ рабовъ.

II.

Прежде, чѣмъ продолжать описаніе дальнѣйшихъ походовъ нашихъ въ Хиву, скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи этого гнѣзда разбойниковъ.

*) «Вѣстникъ Европы», 1873 г., кн. 8-ая, статья О. И. Лобысевича.

Средняя Азія, гдѣ находится, между прочимъ, и Хивинское ханство, была въ сѣдой древности колыбелью всѣхъ нашихъ индо-европейско-арійскихъ племенъ, т. е. большей части Европейцевъ, Индійцевъ и Персовъ. Изъ Средней же Азіи пришли когда-то въ Россію и наши праотцы—Славяне. Въ Среднюю Азію предпринималъ, какъ извѣстно, свой знаменитый походъ и царь Александръ Македонскій. Оттуда шло религіозное просвѣщеніе Персовъ до магометанства и тамъ же были хрістіане и хрістіанская епископія въ началѣ VI столѣтія. Что же касается собственно Хивинскаго ханства, то періодъ его процвѣтанія начинается съ XI вѣка. Въ это время правители Хивы распространили свое владычество далеко на югъ. Одинъ изъ нихъ, Алла-Эдинъ, завладѣлъ Китайскимъ Туркестаномъ, Самаркандомъ, Бухарою и другими значительными мѣстностями, и только глубокіе снѣга спасли калифа багдадскаго отъ побѣдоноснаго оружія хивинскаго хана. Въ своей заносчивости, Алла-Эдинъ принялъ титулъ *„тѣни Божіей на землѣ“*, а его мать, бывшая главною совѣтницей и помощницей, — *„обладательницы міра“*. Но могущество Хивы продолжалось не долго, а именно до столкновенія съ Чингизъ-ханомъ, послѣ котораго она начала падать, и въ настоящее время *) это одно изъ небольшихъ среднеазіатскихъ ханствъ, величиною съ нашу какую-либо изъ большихъ губерній. Но, несмотря на крайне ограниченное пространство, Хива постоянно наносила вредъ своимъ сосѣдямъ, грабила ихъ и заслоняла путь для торговли изъ Европы въ Китай и Индію. Полудикія орды кочевниковъ не давали караванамъ ѣхать спокойно, грабили ихъ и полонили.

Благодаря тому, что Хива лежитъ среди непроходимыхъ песчаныхъ степей и ими защищена, какъ неприступною

*) Ханство Хивинское лежитъ по обоимъ берегамъ широкой рѣки, Аму-Дарьи, къ югу отъ Аральскаго моря и къ востоку отъ Каспія.

крѣпостью, — хивинскій ханъ не страшился досаждать сосѣдямъ, и чрезъ него намъ почти невозможно было удерживать въ порядкѣ Киргизовъ: захочетъ ханъ — и взбунтуется всѣ степи. Мало того, сколько русскихъ купцовъ и рыболововъ томилось въ плѣну въ Хивѣ, а Персіянъ — рабовъ считали тамъ тысячами! Всѣ вообще рабы обременены были тяжелыми работами, и жизнь ихъ въ неволѣ была хуже, какъ говорится, собачьей.

III.

Возвращаемся къ исторіи нашихъ походовъ. Когда Хива подпала подъ сильное вліяніе Бухары, то одинъ изъ хивинскихъ хановъ, по имени Шаніазъ, въ 1700 году отправилъ своихъ посланцевъ къ Петру Великому съ просьбой принять всѣ его владѣнія въ подданство Россіи. Грамматою отъ 30 іюля того же года Государь изъявилъ на то свое соизволеніе, но подчиненіе со стороны Хивы ограничилось только на словахъ. Снова въ 1713 году прибылъ въ Россію знатный Туркменъ Ходжа-Нефесъ. Онъ разсказалъ нашему правительству объ изобилии золотаго песка при устьѣ Аму-Дарьи и сообщилъ, что узбеки, господствующіе въ Хивѣ, опасаясь Россіи, засыпали то устье, которымъ Аму-Дарья впадала прежде въ Каспійское море; но что, по его мнѣнію, можно безъ большаго труда уничтожить запруживающую насыпь и возвратить рѣкѣ ея прежнее естественное теченіе. Сообщение Хаджа-Нефеса и подтвержденіе губернатора сибирскаго о золотомъ пескѣ, встрѣчающемся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хивинскаго ханства, подали поводъ Петру Великому отправить экспедицію подъ начальствомъ кн. Бековича-Черкесскаго.

Цѣль отправленія была выражена Государемъ въ указѣ сенату отъ 29 мая 1714 года, гдѣ между прочимъ гово-

рилось: „послать въ Хиву съ поздравленіемъ на ханство *), а оттолѣ ѣхать въ Бухару къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее—провѣдать про городъ *Пркетъ*, сколько далека оный отъ Каспійскаго моря и нѣтъ ли какихъ рѣкъ оттолѣ, или хотя не отъ самаго того мѣста, однакожъ, по близости, въ Каспійское море“.

При указѣ Петръ далъ Бековичу собственноручныя наставленія (инструкціи), какъ дѣйствовать при исполненіи возложеннаго на него порученія. Воеводѣ казанскому повелѣно было для Бековича отправить въ Астрахань и далѣе въ Каспійское море полторы тысячи солдатъ, выдать пять тысячъ рублей и исполнять всѣ требованія его безъ всякаго замедленія. Въ слѣдующемъ году кн. Бековичъ-Черкесскій, проплывъ вдоль сѣвернаго берега Каспія, высадился у Тюбъ-Караганскаго мыса. Здѣсь молодой посолъ спрашивалъ Туркменъ о прежнемъ руслѣ Аму и плотинѣ, измѣнившей ея естественное теченіе. Большинство спрошенныхъ кочевниковъ подтвердили показаніе Ходжа-Нефеса; тогда, для большей увѣренности въ показаніяхъ Туркменъ, кн. Бековичъ отправилъ съ Ходжа-Нефесомъ двухъ, находящихся въ его отрядѣ, дворянъ — развѣдать дѣло на мѣстѣ. Черезъ 17 дней верблюжьяго хода **) посланные достигли землянаго вала, а затѣмъ долины, которая, по увѣрененію кочевниковъ, служила когда-то русломъ Аму. Идя три дня по этой долинѣ, посланные встрѣчали на пути своемъ слѣды селеній, городовъ и оросительныхъ канавъ. Последнее обстоятельство наглядно подтверждало показанія Ходжа-Нефеса. Дворяне хотѣли было продолжать по долинѣ путь свой вплоть до Каспія, но Нефесъ отговорилъ ихъ идти далѣе,

*) Въ это время на ханскій престолъ вступилъ новый правитель Ширгазы.

**) Отъ 25 до 33 верстъ въ день.

не ручаясь за безопасность со стороны кочующихъ Киргизъ. Съ возвращеніемъ посланныхъ, кн. Бековичъ отправилъ къ Государю и за сообщенныя свѣдѣнія былъ пожалованъ въ капитаны. Вскорѣ Петръ послалъ вторично Бековича за Каспійское море, давъ ему и на этотъ разъ собственноручныя письменныя наставленія, въ которыхъ между прочимъ повелѣвалось: построить близъ стараго теченія рѣки крѣпость на тысячу человекъ; тщательно осмотрѣть прежнее русло Аму и если удастся, то спустить воды этой рѣки по ея прежней ложбинѣ; близъ плотины устроить также городъ, но только тайно отъ Хивинцевъ. Прийдя въ Хиву, склонить хана къ вѣрности и подданству, общая ему наследственное достоинство правителя; предложить ему русскую гвардію, но только подъ условіемъ содержать ее на счетъ ханства. Утвердившись въ Хивѣ, предложить хану послать туземцевъ, къ которымъ должны присоединиться и двое изъ Русскихъ, вверхъ по рѣкѣ, въ Иркеть, для осмотра золотыхъ росыпей. При содѣйствіи же хана послать купчину въ Индію, приказавъ послѣднему описывать свой путь и постараться розыскать кратчайшее и удобнѣйшее сообщеніе Индіи съ Каспіемъ. Изъ Хивы отправиться въ Бухару и постараться хана послѣдней согласить если не въ подданство, то по крайней мѣрѣ къ дружбѣ, и такъ какъ въ Бухарѣ ханы тоже терпятъ возмущеніе отъ своихъ подданныхъ, то и ему предложить русскую гвардію. Для выполненія предпріятія, молодому капитану назначенъ былъ отрядъ изъ 4 тысячъ пѣхоты и 100 человекъ конницы. Для посылки въ Индію былъ прикомандированъ флотскій офицеръ Кожинъ.

Послѣ того, какъ всѣ приготовленія къ походу были окончены, кн. Бековичъ, въ сентябрѣ 1716 года, отплылъ изъ Астрахани къ прежнему мѣсту высадки, заливу Тюбъ-Караганскому. Достигнувъ берега, капитанъ отправилъ

одного посланца въ Хиву, а другаго въ Бухару. Черезъ нѣкоторое время онъ съ войскомъ поплылъ далѣе къ Красноводскому заливу, оставивъ одинъ полкъ сооружать крѣпость въ Тюбъ-Караганѣ. По прибытіи въ Красноводскъ, подѣ личнымъ наблюденіемъ самого начальника отряда, началась постройкой еще новая крѣпость. Но сооруженіе еще не было окончено, какъ до кн. Бековича начали доходить недобрыя вѣсти: калмыцкій ханъ прислалъ къ нему своего гонца, съ предупрежденіемъ относительно трудности пути въ Хиву, по отсутствію воды и корма. Вслѣдъ затѣмъ отъ нашего посланца въ Хивѣ было получено увѣдомленіе, что его съ провожатыми содержатъ подѣ карауломъ и что де ханъ собираетъ войско и готовится выступить въ походъ противъ Русскихъ. Хотя положеніе нашего отряда было незавидное, но отважный капитанъ не трусилъ; собравъ подкрѣпленія въ Астрахани, онъ высадился у Гурьева городка и командировалъ оттуда мелкіе отряды для усиленія гарнизоновъ вновь сооруженныхъ крѣпостей. Мало того, онъ въ первыхъ числахъ іюня 1717 года съ своимъ отрядомъ углубился въ степи.

Черезъ недѣлю пути наше войско достигло рѣки Эмбы и еще черезъ два дня вышло на большую караванную дорогу, идя по которой, на 5-й день вступило на Усть-Юртъ. Въ семь недѣль нашъ отрядъ прошелъ 900 верстъ — и достигъ урочища Карагачъ (въ 4-хъ дняхъ пути отъ Хивы). Здѣсь, по инструкціи Петра Великаго, слѣдовало соорудить третью крѣпость.

Изъ Карагача кн. Бековичъ командировалъ посольство къ правителю Хивы, съ намѣреніемъ вторично предупредить его въ томъ, что онъ идетъ съ мирными предложеніями, а отнюдь не воевать. Но и это посольство было посажено подѣ караулъ, а ханъ вслѣдъ затѣмъ выслалъ противъ Русскихъ свои полчища. Непріятель встрѣтилъ нашъ отрядъ

у Карагача. Произошло двухдневное сраженіе, въ которомъ Хивинцы были разбиты на-голову. Тогда ханъ, увѣрившись, что въ открытомъ полѣ ему не побѣдитъ нашъ отрядъ, прибѣгнулъ къ вѣроломству. Для этого онъ отправилъ къ кн. Бековичу посла, которому наказалъ увѣрить его, что нападеніе на нашъ отрядъ произошло помимо воли хана, и что, напротивъ, онъ искренно желаетъ мира. Обманутый Бековичъ поддался уловкѣ хана и приступилъ къ мирнымъ переговорамъ; были даже заключены предварительныя условія, и въ лагерь хана, по восточному обычаю, обмѣнялись, съ обѣихъ сторонъ, подарками. Ханъ клялся въ ненарушимости мирныхъ условій цѣлованіемъ Корана *) и затѣмъ просилъ Бековича раздѣлить его отрядъ на нѣсколько частей, чтобъ удобнѣе было его размѣстить по квартирамъ. Кн. Бековичъ, не подозрѣвая устроенной ловушки, довѣрчиво раскассировалъ свое войско на нѣсколько частей, которыя и были разведены хивинскими чиновниками по разнымъ направленіямъ. Но лишь только на-

*) Коранъ—священная книга магометанъ, имѣющая различныя названія, ниспосланная, по словамъ Магомета, Богомъ, чрезъ архавгела Гавріила, и служащая мусульманамъ въ одно время и церковнымъ и гражданскимъ судебникомъ. Коранъ раздѣляется на 30 книгъ, заключающихъ въ себѣ 114 главъ. Это—собраніе разсказовъ, видѣній, заповѣдей, совѣтовъ, внушенныхъ восточными мѣтѣями; многое въ немъ заимствовано изъ священныхъ книгъ еврейскихъ и христіанскихъ. Вотъ ученія, заключающіяся въ Коранѣ: Существуетъ только одинъ Богъ; Онъ имѣетъ помощниковъ—ангеловъ и пророковъ, изъ которыхъ главнѣйшіе: Авраамъ, Моисей и Иисусъ, а выше всѣхъ Магометъ. Коранъ повелѣваетъ вѣрить въ безсмертіе, въ воскресеніе мертвыхъ для страшнаго суда и въ предопредѣленіе. Самыя неотъемлемыя заповѣди: обрѣзаніе и молитва, которую каждый вѣрующій долженъ совершать пять разъ въ день, независимо отъ общей молитвы, совершаемой въ четвергъ; подаваніе милостыни, которая должна составлять не менѣе $\frac{1}{10}$ части доходовъ; пожертвованія и воздержаніе отъ нѣкоторыхъ родовъ мяса и всѣхъ крѣпкихъ напитковъ и пр. Многоженство повелѣвается Кораномъ.

ши отряды отошли другъ отъ друга на нѣкоторое разстояние, какъ Хивинцы бросились на нихъ и начали истреблять. Князь Бековичъ-Черкесскій заплатился первый: съ него содрали кожу и сдѣлали чучело.

Туркмены, узнавъ о гибели нашего отряда, приступили къ осадѣ вновь возведенныхъ нами крѣпостей на Каспійскомъ морѣ. Сила соломѣ ломить, а потому и горсть гарнизона не выдержала натиска туркменскихъ полчищъ и принуждена была оставить крѣпости. Такъ окончился несчастный походъ капитана Бековича.

IV.

Послѣ Петра Великаго мы не особенно домогались утвердить свое вліяніе въ Хивѣ, и до конца тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія къ обузданію ея не было принято серьезныхъ мѣръ. Наконецъ, наше правительство, убѣдившись, что путемъ переговоровъ ничего не добьешься отъ Хивы, задумало снарядить экспедицію для завоеванія ханства, и въ мартѣ 1839 года былъ Высочайше утвержденъ журналъ особаго комитета *о воинскомъ на Хиву посылѣ, дабы принудить хана Хивы силою оружія выдать всѣхъ Русскихъ и предоставить караванной торговлѣ нашей полную свободу.* На экспедицію назначено было около 2 милл. руб. ассигнаціями и 12.000 червонныхъ.

Въ ноябрѣ 1839 года всѣ приготовления къ походу были окончены и 14 числа этого мѣсяца объявлена была въ Оренбургскомъ краѣ декларация (объявленіе) о причинахъ и цѣли похода. Приводимъ текстъ этого интереснаго и малоизвѣстнаго документа.

„Командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, оренбургскій военный губернаторъ, по случаю выступленія съ воинскимъ отрядомъ противу Хивы, считаетъ необхо-

димымъ обнародовать во вѣренномъ ему краѣ нижеизложенную декларацію о причинахъ и цѣли военныхъ противъ Хивы дѣйствій.

„Съ давняго уже времени вниманіе правительства устремлено на враждебныя противъ Россіи расположенія ханства Хивинскаго. Прилегая къ степямъ подвластныхъ Имперіи Киргизъ-Кайсаковъ, Хива, въ продолженіе многихъ лѣтъ, непрерывными дерзостными поступками оказываетъ явное неуваженіе къ державѣ, съ которою имѣла всегда торговыя сношенія.

„Торговля съ Россіей доставляла Хивѣ необходимыя средства для ея существованія; Хивинцы постоянно пользовались у насъ важными выгодами и правами, наравнѣ съ торговцами прочихъ областей Средней Азіи, и за все сіе Хива платитъ намъ однимъ вѣроломствомъ. Съ безпримѣрнымъ дерзновеніемъ она нарушаетъ ежедневно спокойствіе племенъ, кочующихъ близъ ея предѣловъ, преграждаетъ торговыя съ ними сообщенія прочихъ азіатскихъ владѣній, останавливаетъ идущіе въ Россію и возвращающіеся изъ оной бухарскіе караваны, облагаетъ ихъ непомерною пошлиною, насильственно принуждаетъ заходить въ свои владѣнія, гдѣ произвольно и безъ всякаго права отбирается отъ беззащитныхъ купцовъ значительная часть ихъ товаровъ. Наглость Хивинцевъ простирается еще далѣе: не только бухарскіе караваны, идущіе въ Россію, но даже караваны собственно русскіе не могутъ безопасно проходить чрезъ степи. Такъ, снаряженный въ Оренбургъ караванъ, состоявшій изъ товаровъ нашихъ купцовъ, былъ совершенно разграбленъ высланными изъ Хивы вооруженными хищниками. Ни одинъ русскій торговецъ не можетъ появиться въ Хивѣ безъ опасенія лишиться жизни или подвергнуться заточенію. Хивинцы дѣлаютъ частыя набѣги на отдаленныхъ отъ линіи Киргизовъ, поступив-

шихъ еще при Абулхаиръ-ханъ въ подданство Россіи, раззоряють ихъ аулы, обременяють разными поборами, вознуютъ противъ законной власти, даютъ убѣжище непокорнымъ и наконецъ, къ довершенію всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствій, явно задерживаютъ въ Хивѣ множество Русскихъ, томящихся тамъ въ жестокомъ рабствѣ. Число сихъ несчастныхъ ежегодно увеличивается; по наущеніямъ Хивинцевъ, дѣлаются на Каспійскомъ морѣ въ иныхъ мѣстахъ безпрестанныя нападенія на мирныхъ и беззащитныхъ промышленниковъ, которыхъ увлекаютъ въ Хиву и повергаютъ тамъ въ тяжкую неволю.

„Бѣдственная судьба сихъ несчастныхъ не могла не обратить вниманія нашего правительства, поставляющаго одной изъ священныхъ обязанностей — огражденіе спокойствія и безопасности подданныхъ Имперіи. Но великодушіе, съ какимъ оно предваряло Хивинцевъ о неминуемыхъ послѣдствіяхъ преступныхъ ихъ дѣйствій, не имѣло успѣха. Они не вняли сдѣланнымъ имъ внушеніямъ; они не постигли снисходительности Россіи къ ихъ заблужденію. Напротивъ того, они возмечтали, что хищничества ихъ останутся безъ всякаго наказанія. Въ этой самонадѣянности, они дерзнули построить внѣ своихъ предѣловъ, близъ караваннаго пути, ведущаго въ Бухару, двѣ крѣпости, дабы съ большею наглостію и безотвѣтственностью притѣснять торговцевъ; они усилили свои преступныя набѣги и грабежи и въ большей еще степени стали упорствовать въ непримиримой враждѣ своей противъ Россіи.

„Надлежало принять мѣры, болѣе сообразныя съ ихъ понятіями. Испытано было еще послѣднее средство къ ихъ вразумленію: прибывшіе въ Россію хивинскіе торговцы были задержаны на линіи и условіемъ ихъ освобожденія объявлено немедленное возвращеніе русскихъ невольниковъ и прекращеніе всѣхъ непріязненныхъ проступковъ.

Но и сія мѣра оказалась недѣйствительною. Послѣ трехлѣтняго ожиданія едва 100 человекъ возвращены въ Россію, между тѣмъ какъ нынѣшнею весною захвачено вновь на одномъ Каспійскомъ морѣ до 200 рыбо-промышленниковъ.

„Наконецъ истощились всѣ средства убѣжденія. Охраненіе выгодъ Россіи, безопасность ея торговли, спокойствіе ея вѣрноподданныхъ—все требуетъ нынѣ мѣръ болѣе рѣшительныхъ, болѣе надежныхъ: того же требуетъ и самое достоинство Имперіи.

„Сіи справедливыя и основательныя уваженія побудили Государя Императора повелѣть отправить военный отрядъ противъ Хивы, дабы силою оружія обезпечить на будущія времена права и пользы руссійскихъ подданныхъ, положить конецъ грабежамъ и насиліямъ, избавить томящихся въ Хивѣ невольниковъ, внушить должное уваженіе къ имени русскому и упрочить то вліяніе, которое неоспоримо принадлежитъ Россіи и которое одно можетъ служить залогомъ сохраненія мира въ сей части Азіи“.

Одновременно съ обнародованіемъ деклараціи началось и выступленіе войскъ въ степь. Сначала дѣло шло наладъ, но съ середины похода, отъ холода и крайней усталости, начали въ войскѣ обнаруживаться болѣзни.

19 декабря отрядъ пришелъ на Эмбу. Здѣсь главнокомандующій, генераль Перовскій, рѣшилъ дать продолжительный отдыхъ совершенно изнуренному отряду. Только 30 декабря началось дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ. Но какъ ни велики были трудности похода до сихъ поръ, онѣ были ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя предстояли отряду впереди, за Эмбою. Снѣга становились еще глубже, еще непроходимѣе. Главнокомандующій, предвидя необыкновенныя трудности похода, увѣдомилъ о томъ депешю министра иностранныхъ дѣлъ.

„Переходъ отъ Эмбенскаго укрѣпленія до Усть-Урта, 260 верстъ, будетъ для отряда, писалъ онъ,—тяжелъ; глубокіе снѣга затрудняютъ ходъ и изнуряютъ верблюдовъ отъ безкормицы. Колонна*), выступившая тому 4 дня, прошла только двадцать вертъ; отъ этого—потеря времени, провіанта и верблюдовъ. Опасаюсь, что вынужденъ буду бросить понтоны**) и всѣ повозки. Получено извѣстіе изъ Оренбурга, что двухмѣсячный запасъ провіанта, который, по моему распоряженію, долженъ быть въ Ново-Александровскѣ, туда не прибылъ. Это обстоятельство крайне для насъ невыгодно. На этотъ провіантъ рассчитывалъ я для обратнаго пути и даже, въ случаѣ крайности, т. е. при сильной потерѣ верблюдовъ на Усть-Уртѣ, предполагалъ воротить на Ново-Александровскъ, а потомъ на Хиву.

„Обстоятельства, которыхъ никакіе расчеты предвидѣть не могли, оказываются противными успѣху экспедиціи; но мы идемъ впередъ съ полнымъ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить волю Государя Императора“.

Дѣйствительно, положеніе отряда было крайне затруднительное. Ко всему этому присоединилось неповиновеніе Киргизовъ. Въ ту минуту, когда отрядъ уже готовъ былъ тронуться въ путь, болѣе трехъ сотъ верблюдчиковъ наотрѣзъ отказались за нимъ слѣдовать, ссылаясь на сильные морозы и на запрещеніе ихъ религіи воевать противъ единовѣрцевъ. Толпа, несмотря на увѣщанія, увеличивалась съ минуты на минуту: отряду грозила голодная

*) Колонна—строй, въ которомъ части войска расположены одна за другой.

**) Понтонъ — небольшая лодка, служащая для наведенія мостовъ черезъ рѣки. Для этого разставляютъ понтоны въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго и соединяютъ ихъ балками, на которыя настилаются доски.

смерть въ степи, въ 500 верстахъ отъ русской границы. Пришлось разстрѣлять двухъ зачинщиковъ возмущенія, и только эта мѣра подѣйствовала на остальныхъ: они просили помилованія и рѣшились идти далѣе. Тѣмъ не менѣе, путь былъ труденъ. Движеніе отряда замедлялось глубокимъ снѣгомъ, въ которомъ вязли люди, лошади и верблюды. Путь приходилось прочищать лопатами; но только-что успѣвала пройти передовая часть, какъ буранъ *) уже заметалъ слѣдъ и остальные ряды принуждены были снова прокладывать себѣ дорогу по цѣлику. Верблюды скользили по оледенѣвшей поверхности снѣга, а многіе изъ нихъ уже и не вставали: изъ Оренбурга выступило 10.450 верблюдовъ, изъ Эмбы—8.980, изъ Акъ-Булака—5.188, а на полпути осталось только 3.988 головъ. Положеніе съ часу на часъ становилось все ужаснѣе и ужаснѣе. Здѣсь, на перепутьи, Перовскій долженъ былъ рѣшиться на одно изъ двухъ: или идти впередъ, или заблаговременно вернуться назадъ. Потеря верблюдовъ, лошадей и даже людей была бы въ обоихъ случаяхъ одинакова; слѣдовательно, вопросъ заключался въ томъ, куда выгоднѣе придти съ истощенными запасами, измученными людьми и малочисленнымъ отрядомъ вьючныхъ животныхъ — домой, или въ непріятельскую землю; снѣга должны были замѣниться ростепелью, а надежды на добычу корма не было никакой. Очевидно, разсудокъ указывалъ принять первое рѣшеніе, и Перовскій 1-го февраля повернулъ назадъ.

„Товарищи! говорилъ онъ въ приказѣ, — скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимоверными трудностями, одолевая пре-

*) Буранъ—снѣговая метель.

пятствія, которыя встрѣчались въ необычайно-жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь намъ и всѣ кормежи. Намъ не было даже отрады встрѣтиться съ непріателемъ, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилѣли,—и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ожидать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливыѣ. Мы утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ“.

8 іюня отрядъ прибылъ въ Оренбургъ. Въ теченіе похода умерло изъ отряда 1.054 человекъ, да въ Оренбургѣ сдано въ госпиталь 609 человекъ больныхъ.

Такъ окончилось на первый разъ наше предпріятіе касательно Хивы; но цѣль все-таки же была отчасти достигнута. Ханъ освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, общалъ не стѣснять нашихъ торговцевъ и не позволять болѣе Туркменамъ грабить и захватывать русскихъ.

Послѣ неудачнаго похода Перовскаго, Хива, удовлетворивъ до нѣкоторой степени требованія нашего правительства, оставалась, повидимому, съ нами въ дружественныхъ отношеніяхъ. Вниманіе же Россіи до конца шести-

десятихъ годовъ было обращено на другое средне-азіатское ханство: въ это время мы заняли низовья Сыръ-Дарьи, открыли плаванье по Аральскому морю и, двигаясь вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, завоевали Ташкентъ *), Самаркандъ и многіе другіе важные города. Когда же мы значительно приблизились къ владѣніямъ хана хивинскаго, то онъ сталъ открыто заявлять себя врагомъ нашимъ: такъ, въ 1869 году, недовольные введеніемъ въ Киргизской степи новаго положенія, султанъ-эсауль-ханъ Араслановъ и Мунайтмасовъ со всѣми своими однородцами откочевали въ Хиву и не только удостоились покровительства хана, но Араслановъ былъ возведенъ въ достоинство киргизскаго

*) Съ подчиненіемъ Большой орды, Россія пришла въ близкія соприкосновенія съ Коканскимъ ханствомъ. Построенное нами, въ 1854 году, укрѣпленіе Вѣрное отстояло всего въ 180 верстахъ отъ ближайшей коканской крѣпости Пишпека, начальники которой собирали съ Дикокаменныхъ Киргизовъ подати, несмотря на то, что послѣдніе въ то время были подчинены Россіи, но Коканцы не принимали этого обстоятельства въ расчетъ, волновали кочевниковъ и поощряли грабежи Черныхъ Киргизовъ въ Большой ордѣ, уже въ дѣйствительности принадлежащей Россіи. По этому поводу крѣпость Пишпекъ была взята нами и разрушена въ 1860 году. При извѣстіи о паденіи крѣпости, Коканцы, въ огромныхъ силахъ, выступили къ нашему укрѣпленію Вѣрному, чтобы взять его и прогнать наши войска за рѣку Или. Подполковникъ Колпаковский, начальник Большой орды, съ горстью храбрецовъ встрѣтилъ коканскія скопища въ 50 верстахъ отъ Вѣрнаго и разбилъ непріятеля на голову. На слѣдующій годъ, Колпаковский взялъ возстановленный Коканцами Пишпекъ и снова разрушилъ его.

Въ 1864 году русское правительство рѣшилось соединить рядомъ крѣпостей Сыръ-Дарьинскую линію съ укрѣпленіемъ Вѣрнымъ и тѣмъ самымъ оградить Киргизскую степь отъ вліянія и грабежей съ юга. Для осуществленія этого плана генераль Черняевъ долженъ былъ завоевать значительную коканскую крѣпость Ауліета. При извѣстіи о наступленіяхъ Русскихъ, Алимъ-Куль, человекъ способный и чрезвычайно дѣятельный, бросился со всѣми силами Коканскаго ханства на генераловъ Черняева и Веревкина. На первыхъ порахъ его дѣйствія были на столько

хана и, при содѣйствіи хивинскаго правительства, не разъ обращался къ нашимъ мирнымъ Киргизамъ съ приглашеніями перейти въ подданство Хивы и съ воззваніями, въ родѣ слѣдующаго:

Во-первыхъ, во имя Бога, а во-вторыхъ — пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе!

„Онъ!

„Всевышній Богъ, который есть жемчужина моря со-
вершенства, перлъ меча шаригата (вѣра), роза сада исти-

счастливы, что наши войска не только едва отбѣснили его, но даже одинъ изъ полковъ Оренбургскаго отряда, выдвинувшійся случайно впередъ, былъ спасенъ только благодаря необычайнымъ усиліямъ со стороны храбраго генерала Черняева. Затѣмъ, когда обстоятельства принудили Алимъ-Кула отбѣжать въ Коканъ и передать командованіе войсками другому, Черняевъ подступилъ къ Чекменту и совершенно разбилъ коканскія войска, защищавшія эту крѣпость. „Имѣя въ виду, говоритъ А. К. Гейнсъ ¹⁾, что близость отъ новопроведенной государственной границы Ташкента, города со 100.000 жител., едва ли обезпечивала безопасность этой границы, генералъ Черняевъ, пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ паденіемъ Чекмента, штурмовалъ Ташкентъ, но былъ отбитъ съ большою потерей“ ²⁾. Однако этотъ совершенно непредвидѣнный случай не ослабилъ дѣятельность генерала Черняева и онъ слѣдующею же весною снова подступилъ къ Ташкенту. Свѣдавъ о приближеніи русскаго войска, Алимъ-Кулъ поспѣшилъ имъ навстрѣчу; но на этотъ разъ счастье ему измѣнило: несмотря на громадныя полчища Коканцевъ, непріятель былъ разбитъ, причемъ палъ на полѣ сраженія и самъ Алимъ-Кулъ. Затѣмъ послѣдовало, во главѣ генерала Черняева, взятіе и вступленіе въ Ташкентъ.

¹⁾ А. К. Гейнсъ написалъ очеркъ Средней Азии, служащій поясненіемъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ картинъ, касающихся природы Туркестана, жизни его обитателей и характера нашихъ тамъ военныхъ дѣйствій; картины эти написаны талантливымъ художникомъ В. В. Верещагинымъ, и такъ какъ онѣ касаются и Хивы, то мы о нихъ поговоримъ въ концѣ настоящей статьи.

²⁾ По словамъ г. Гейнса, головы Русскихъ, павшихъ при штурмѣ Ташкента, были посланы въ Коканъ и тамъ выставлены на шестахъ передъ дворцомъ. Затѣмъ эти головы были препровождены въ Кашгаръ, на показъ тамошнему владѣльцу, Якубъ-беку.

ны, соловей цвѣтника тариката (секта), свѣча фонаря постоянства, чаша общества великодушія, пособие отъ болѣзни просящаго,—да сохранить отъ всѣхъ бѣдствій!

„Великодушнымъ и храбрымъ, адаевского рода, биямъ (начальникамъ) и всѣмъ, отъ малаго до великаго, передаемъ слѣдующее:

„Сынъ Гаита, Хошвагъ-батырь, сообщилъ намъ о вашемъ добромъ здоровьѣ и благополучіи, что насъ очень обрадовало. Мы слышали о войнѣ вашей съ Русскими. Если это правда, то намъ желательно, чтобы вы объ этомъ извѣстили насъ письменно. Если же вы рѣшаетесь воевать во славу Божию и во имя вѣры пророка—да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе,—уповая единственно на самого питающаго всѣхъ (Бога), то это послужитъ поводомъ къ

Повелитель (эмиръ) Бухары, считавшій Коканъ подчиненнымъ себѣ владѣніемъ, вздумалъ остановить успѣхи русскаго оружія и двинуться къ Сырь-Дарьѣ, но прибывшій, на мѣсто Черняева, генералъ Романовскій разбилъ Бухарцевъ и, чтобъ отдѣлить Коканъ отъ земель бухарскаго эмира, взявъ Ходжентъ, а генералъ Крыжавовскій отбилъ у Бухарцевъ двѣ ихъ значительнѣйшія крѣпости—Ура-Тюбе и Джизакъ.

Къ концу 1866 года наши предѣлы распространились далеко на югъ и изъ новопріобрѣтеннаго края образованъ былъ особый округъ, съ главнымъ городомъ Ташкентомъ. Этотъ новый округъ, подъ названіемъ Туркестанскаго, открытъ въ іюлѣ 1867 года, и управленіе имъ ввѣрено генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману 1-му. Главный начальникъ Туркестанскаго округа стремился къ водворенію мира съ сосѣдями; онъ заключилъ торговый договоръ съ коканскимъ ханомъ, но бухарскій эмиръ медлилъ заключить ирныя условія и въ началѣ 1868 года собиралъ уже многочисленныя войска для священной войны (газаватъ) противъ Русскихъ. Главнокомандующій, узнавъ о враждебныхъ намѣреніяхъ бухарскаго правительства, рѣшился смирить эмира. Въ концѣ-концовъ лучшая часть владѣній Бухары съ священнымъ для мусульманъ городомъ Самаркандомъ была завоевана и присоединена къ Россіи. Въ итогѣ, мы приобрѣли самый лучший уголь Средней Азіи и часть знаменитой долины Міанкаль, славящейся по своей плодородности и скученности населенія.

тому, что сыны трехъ ордъ соединятся всѣ вмѣстѣ и сядутъ на своихъ коней (вооружатся), и въ такомъ случаѣ вамъ надлежитъ послать письма ко всѣмъ знатымъ лицамъ, пребывающимъ какъ въ разныхъ областяхъ, такъ и въ Большой и Малой ордахъ. Событіе, которое должно совершиться въ общій намъ вѣкъ, мы должны считать за счастье: убьемъ, — прославимся воинами, сражающимися противъ невѣрныхъ, а убьютъ насъ, — тогда причислятъ насъ къ числу мучениковъ. Мы представляемъ себѣ слѣдующую мысль: зачѣмъ намъ, заискивая сей безконечный міръ, лишаться той счастливой доли, которая назначена каждому въ будущей жизни? Радуюсь, что вы, почтеннѣйшіе, уже приступили къ дѣлу, мы денно и ночью пребываемъ, послѣ каждого намаза (пятитремерное богослуженіе), въ молитвѣ о вашемъ здоровьѣ и просимъ Всемогущаго Создателя предопредѣлить намъ свиданіе съ вами. Аминь. О, Господи міровъ! Въ заключеніе же свидѣтельствуемъ вамъ наше почтеніе ¹⁾“.

Этого еще недостаточно; на стремленія ваши за послѣдніе годы войти съ Хивой въ мирныя сношенія и заключить равноправныя торговыя обязательства ханъ Мухамедъ-Рахимъ отвѣчалъ генералъ-адъютанту Кауфману ²⁾

¹⁾ «Вѣстникъ Европы» за 1873 г., кн. 8-я, статья О. И. Лобысевича. Изъ этого воззванія мы выпустили бранныя слова, которыми ругали Русскихъ.

²⁾ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ 1-й (покоритель Самарканда и Хивы) родился въ 1818 году. Образованіе онъ получилъ въ главномъ Инженерномъ училищѣ, по выходѣ изъ котораго долгое время служилъ на Кавказѣ, участвуя во многихъ сраженіяхъ, при чемъ былъ два раза раненъ. Въ 1859 году Константинъ Петровичъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры, а черезъ два года назначенъ директоромъ канцеляріи военнаго министра.

На мѣсто Муравьева, въ 1865 году, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края и главнокомандующимъ Виленскаго округа, гдѣ пробылъ до 1867 года, когда былъ

(которому повелѣно было сноситься со всѣми правителями средне-азіатскихъ ханствъ) до неприличія дерзкими письмами и не только не исполнялъ нашихъ законныхъ требованій, но высылалъ цѣлыя шайки грабителей въ нашу степь и къ нашимъ укрѣпленіямъ. Грабежи Хивинцевъ бывали по-временамъ на столько дерзки, что прекращались сообщенія Ташкента съ Оренбургомъ. Такой образъ дѣйствій со стороны Хивинцевъ не могъ долго оставаться безнаказаннымъ. Громова тучи уже тяготѣли надъ Хивою...

Здѣсь мы пока остановимся излагать подробности нашего завоеванія Хивы, чтобы познакомить читателей съ характеромъ степей, климатомъ, населеніемъ и промышленностью Туркестана и ханства Хивинскаго.

VI.

Отъ восточнаго берега Каспія до Хивинскихъ и Бухарскихъ владѣній лежатъ весьма обширныя степи, по которымъ кочуютъ дикіе Туркмены. Степь эта представляетъ низменную и почти голую пустыню: въ большей части степи растительность мелка, скудна и не скрываетъ ни малѣйшей неровности почвы. Къ дорогѣ выступаетъ сначала низкая сѣро-пепельная полынь, устилающая, какъ мохомъ, голую степь. Немного далѣе изъ плотно прилегающей къ землѣ полыни выпрыгиваютъ высокіе стебельки. Еще далѣе кое-гдѣ зазеленѣютъ кустики кипца, подниметъ свою подвижную головку полынь и распуститъ желтые сучки морковникъ. Иногда изъ характернаго куста длинныхъ зелено-палевыхъ листьевъ вытянется полтора-ар-

переведенъ въ Туркестанскій округъ и назначенъ туда главнокомандующимъ. По повелѣнію Государя Императора, имя Кауфмана начертано на мраморной доскѣ въ Инженерной академіи, съ надписью: Самаркандъ, 1868 года. За взятіе Хивы онъ награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени.

шинный чій (растеніе, полезное въ степяхъ, какъ любимый корень верблюдовъ и какъ матеріалъ для плетенья матовъ, которыми обкладываютъ внутренность юртъ ¹⁾). Еще нѣсколько видовъ—вотъ и все, что растетъ на однообразной степной поверхности. Между растеніями замѣтны лысины голой земли, на которыхъ въ части степей, прилегающей къ древнимъ полуразрушеннымъ городамъ, легко отличишь кусочки сланцевъ, а иногда крупныя зерна гранита ²⁾ и порфира ³⁾. Въ центральныхъ же частяхъ степная почва состоитъ изъ красной глины или песку пропитаннаго солью. Равнины и холмы однообразно растягиваются и поднимаются, уступая мѣсто другимъ пустыннымъ равнинамъ и другимъ холмамъ. Поднимаешься на возвышенность,—трава рѣдѣетъ и будто прижимается къ землѣ; спустишься въ прогалину,—растенія сгущаются, разнообразятся, дѣлаются выше и красивѣе... Или подъѣдешь къ высохшему руслу ручья, который живетъ только весной,—и куда какъ ярка (замѣчаетъ г. Гейнсъ) и богата кажется зелень ложбины, по сравненію съ бурой травой степи! Въ кои вѣки доберешься и до такого ручья, въ омутахъ котораго вода держится даже лѣтомъ. Такой ручей, который непременно нанесенъ на подробной картѣ подъ именемъ рѣки, даетъ много жизни. Вдали или вблизи, но около воды непременно стоятъ аулы ⁴⁾, состоящіе изъ тѣсно сплотившихся юртъ, обложенныхъ потемнѣвшими

¹⁾ Юрта—палатка или шалашъ.

²⁾ Гранитъ — одна изъ древнѣйшихъ и самыхъ твердыхъ горныхъ породъ, изъ которыхъ состоятъ вообще всѣ самые высокіе горные хребты, и составляетъ главную массу основанія земной коры.

³⁾ Порфиръ—камень, обыкновенно красно-кроваваго цвѣта, съ крапинками, происходящими отъ другихъ минераловъ, находящихся въ немъ.

⁴⁾ Аулы—нѣсколько юртъ, расположенныхъ одна около другой.

войлоками. Непривычному человѣку юрты съ перваго раза покажутся кучками насыпной земли ¹⁾. Попадаются юрты и около искусственно вырытыхъ колодцевъ. Мы уже упоминали, что Туркменскія степи въ большинствѣ страдаютъ отсутствіемъ рѣкъ, а потому единственными источниками для добыванія воды въ этихъ степяхъ служатъ вырытые колодцы, но и въ нихъ, сплошь и рядомъ, вода, кромѣ своего плохого качества, отличается горько-соленымъ вкусомъ.

„Первое живое существо, которое увидишь, приближаясь къ аулу, это верблюды, пасущіеся на солонцеватыхъ, по видимому совершенно безплодныхъ, степяхъ. Медленно подниметъ верблюдъ свою голову съ земли и его умные глаза выразятъ недоумѣніе при видѣ людей, не похожихъ на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ. Увидя, что эти люди приближаются къ нему, онъ сдѣлаетъ неловкій скачокъ въ бокъ и, судорожно согнувши свой жалкій хвостъ, побѣжитъ по равнинѣ, нескладно сгибая ноги и ныряя всѣмъ корпусомъ въ воздухъ. Отбѣжавъ, онъ долго будетъ поворачивать голову за проѣзжими и, когда совсѣмъ успокоится, медленно побредетъ по степи, неловко ступая своими мозолистыми ногами. Воздухъ около ауловъ пропитанъ запахомъ навоза. Въ чистомъ степномъ воздухѣ далеко слышенъ этотъ характерный запахъ, перемѣшанный съ гарью, выдавая тѣмъ присутствіе аула, хотя бы онъ и былъ спрятанъ за камышами и прогалинами“ ²⁾.

Около самаго аула бродятъ злѣйшія собаки со стоячими ушами, кпадающіяся на всякаго человѣка, не похожаго на Туркмена. Какъ только раздастся лай, изъ аула на встрѣчу проѣзжему непременно поскачетъ нѣсколько всадниковъ, для того, чтобы разузнать какія-либо новости. Распросивъ путешественниковъ, они скачутъ въ сосѣдніе аулы, чтобы

¹⁾ А. К. Гейнсъ: «Очерки Средней Азіи».

²⁾ Тамъ же.

подѣлиться новостями, и черезъ день на нѣсколько десятковъ верстъ кочевники узнають, что тамъ-то, молъ, проѣхало столько-то путешественниковъ, на такихъ-то лошадяхъ и такъ-то они были одѣты. Словомъ, новости—это страсть средне-азіатца!

Климатъ Туркестанскихъ степей хотя и весьма сухой, но вообще здоровый. Зима не продолжительная, но годами бываетъ крайне сурова. Лѣтомъ дождей почти не выпадаетъ, а отъ жаровъ растительность въ большинствѣ выгораетъ и оживаетъ только осенью. Жаръ, по замѣчанію путешественниковъ, доходитъ до такой степени, что солнечные лучи раскаляютъ сухой песокъ на полъ-аршина глубины и онъ становится на столько горячимъ, что даже самый дикій житель Средней Азіи, привыкшій ко всякимъ невзгодамъ и считающій въ теплое время года всякую обувь излишнею, вынужденъ бываетъ привязывать къ подошвамъ по куску кожи, въ видѣ сандалій ¹⁾. А. К. Гейнсъ рассказываетъ, что лѣтомъ, когда солнце свѣтитъ ярко, въ степи почти постоянно можно наблюдать разнообразныя миражи ²⁾. Первоначально окраина неба будто начнетъ

1) Сандаліи—подошвы, прикрѣпляемые къ ногамъ ремнями; въ древнія времена онѣ замѣняли нынѣшнюю обувь.

2) Миражъ или марево есть явленіе, состоящее въ томъ, что въ глазахъ путешественника вдругъ являются вдали, на безлюдномъ и безводномъ пространствѣ—города, озера и т. п., но, по мѣрѣ приближенія, призракъ исчезаетъ. Нѣкоторые объясняли это явленіе обманомъ зрѣнія, утомленнаго однообразною мѣстностью, знойною атмосферой и воспаленнымъ воображеніемъ, представляющимъ въ то же время давно ожидаемое; но миражъ является глазамъ не одного путешественника, а цѣлому каравану, и не только въ степяхъ, но и на морѣ,—поэтому упомянутое объясненіе невѣрно. Въ настоящее время доказано, что миражъ есть слѣдствіе преломленія лучей въ атмосферѣ, наполненной густыми парами, гдѣ отражаются очерки предметовъ, находящихся внѣ горизонта, и дѣлаются видимы, потому что отражаются въ воздухѣ выше горизонта.

застилаться густымъ, но полупрозрачнымъ паромъ. Этотъ паръ постепенно становится гуще и непрозрачнѣе, ползетъ по землѣ, разливается у подножія далекихъ холмовъ, стелется параллельно ¹⁾ горизонту ²⁾ длинными полосами, отдѣляя возвышенія отъ своихъ основаній. Онъ струится и переливается, искажая формы предметовъ до того, что невозможно узнать ихъ очертаній: то кажется, что тамъ, впереди, огромный лѣсъ, растущій на водѣ, то какая-то темная, неопредѣленная масса, въ родѣ горъ и громаднѣйшихъ зданій. Подъѣзжаешь ближе, и на мѣстахъ большихъ лѣсовъ и горъ оказываются какая-нибудь юрта, табунъ лошадей, маленькіе бугорки. Въ очень теплые и яркіе дни марево охватываетъ половину горизонта, почти всегда рисуя большой лѣсъ, растущій на зыбкой, будто вода, почвѣ.

Въ степяхъ случаются иногда страшные ураганы, и вотъ какъ описываетъ ихъ Вамбери: „Вдругъ проводникъ указалъ намъ на приближавшееся облако пыли и велѣлъ поспѣшно сойти съ верблюдовъ. Животныя уже знали, что это былъ теббадъ; съ громкимъ ревомъ опустились они на колѣна, вытянули свои длинные шеи, припали къ землѣ и старались спрятать головы въ песокъ. Мы воспользовались ихъ положеніемъ, и только-что успѣли прилечь сзади ихъ, какъ вѣтеръ съ глухимъ шумомъ пронесся надъ

¹⁾ Параллельныя линіи — тѣ, которыя во всѣхъ своихъ точкахъ равно отстоятъ одна отъ другой и, будучи продолжены до безконечности, никогда не встрѣтятся.

²⁾ Горизонтъ — кругъ на земной поверхности, въ центрѣ котораго находится наблюдатель, а окружность отдѣляетъ видимую для него часть неба отъ невидимой. Этотъ горизонтъ называется видимымъ горизонтомъ. Другой горизонтъ, истинный или астрономическій, есть воображаемая плоскость, проходящая чрезъ центръ земли и раздѣляющая ее на два равныя полушарія.

ЛЮДСЬ 80.

Бурунъ въ степи.

нами; онъ покрылъ насъ слоемъ песку пальца на два толщины, и первыя песчинки жгли, какъ искры“.

Мы уже упомянули, что Туркестанская степь вообще не обилуетъ водой, а лѣтомъ даже многія рѣчки пересыхаютъ¹⁾, за то тамъ, гдѣ еще сохранилось озеро прѣсной воды, путешественникъ встрѣчаетъ жизнь и движеніе. „Сочная растительность сплошною массой покрыла полосу степи, примыкающей къ водѣ. Многочисленные аулы плотнымъ строемъ вытянулись по берегу. Стада встрѣчаются вездѣ, гдѣ почва, вызванная къ жизни животворною влагой, произвела растительность. Степь оглашается крикомъ и говоромъ“²⁾. Около же источниковъ рѣкъ живутъ оседлые Туркмены, о которыхъ мы поговоримъ въ свое время.

VII.

Изъ царства ископаемаго въ Туркменіи добываются: соль, сѣра, каменный уголь и нефть; для перегонки послѣдней устроены, въ настоящее время, въ Красноводскѣ заводы.

Изъ царства животнаго здѣсь водятся: кабаны, лисицы, газели³⁾, дикіе ослы, прекрасныя дикія лошади и зайцы; въ Каспій же ловятся севрюги, осетры и тюлени. Изъ домашнихъ животныхъ въ степи содержатся верблюды, овцы и лошади.

Туркмены раздѣляются на нѣсколько племенъ, изъ ко-

1) Въ безводной пустынѣ такъ высоко цѣнится вода, что капля ея, поданная жаждущему, по туркменскому повѣрью, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ и считается подвигомъ великаго благочестія.

2) А. К. Гейльсъ: «Очерки Средней Азіи».

3) Газель—рогъ дикой козы, отличающейся стройностью, необыкновенною зоркостью и быстрымъ бѣгомъ. Въ этомъ животномъ особенно хороши глаза, и Арабы, пораженные красотой этого животного, не рѣдко сравниваютъ съ нимъ своихъ красавицъ.

торыхъ каждое состоитъ изъ отдѣльныхъ родовъ ¹⁾. Каждое племя, за исключеніемъ меньшинства осѣдлыхъ, кочуетъ отдѣльно другъ отъ друга. „Дать какія-нибудь точныя свѣдѣнія о числѣ Туркменъ нѣтъ никакой возможности, — разные путешественники, проходившіе эту степь цѣликомъ до Хивы, приводятъ совершенно различныя цифры, весьма далеко другъ отъ друга отстоящія. Въ то время, какъ одинъ (Борнсъ) считаетъ общее число Туркменъ въ 141.000 кибитокъ, другіе (Скрябинъ и Рябининъ) въ 422.000 кибитокъ; сами же Туркмены доводятъ число кибитокъ до 350.000, или 1.750.000 душъ обоого пола. Принимая за болѣе достовѣрное цифру Вамбери, полученную отъ Туркменъ и уменьшенную имъ сообразно степени достовѣрности ихъ показаній, можно остановиться на томъ, что общее число Туркменъ въ настоящее время не превосходитъ 1.000.000 душъ обоого пола“ ²⁾.

Представителями племенъ служатъ *аксакалы* — старшины, но вліяніе ихъ крайне ничтожно.

¹⁾ Іомуды кочуютъ по рѣкамъ Атреку и Гюргеню, изъ которыхъ многіе аулы живутъ осѣдло и имѣютъ пашни. Главное ихъ занятіе — грабежи и разбои какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Этотъ родъ уже нѣсколько столѣтій ведетъ непримиримую вражду съ племенемъ Гёкленовъ, которые живутъ въ верховьяхъ Атрека и Гюргеня. Гёклёны считаются мирнымъ племенемъ, занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и садоводствомъ.

Кочевыя племена Текке находятся къ югу-востоку отъ Іомудовъ и есть главные хищники и разбойники во всей Туркменской степи. Ихъ дерзкимъ грабежамъ много способствуютъ торы и ущелья, около которыхъ они живутъ и въ которыхъ они легко могутъ скрываться. — По словамъ Вамбери, это такіе хищники, что отъ нихъ никому нельзя ожидать пощады, и они продали бы въ рабство и самого пророка Могомета, еслибы послѣдній попался имъ въ руки. Наконецъ, самые южныя изъ Туркменъ — Салоры, живущіе по рѣкѣ Мургабъ, тоже отличаются воинственностью.

²⁾ «Хива и Туркменія», изд. журнала «Всемирный Путешественникъ».

Связью между Туркменами служить единство происхожденія, языка, религіи и обычаевъ. Всѣ они вѣрятъ въ Коранъ по суннитскому ¹⁾ толку и почитаютъ посвятившихъ себя религіи, т. е. муллъ ²⁾, хаджей ³⁾ и дервишей ⁴⁾, но и эти лица не пользуются никакимъ вліяніемъ. По словамъ Вамбери, въ ненависти къ Персіи вовсе не лежитъ религіозный фанатизмъ (нетерпѣливость) суннитовъ къ шіитамъ ⁵⁾, а простая алчность и жажда грабежа. Подтвержденіемъ этого мнѣнія служить то обстоятельство, что большинство рабовъ Средней Азіи были сунниты, а не шіиты, и, наконецъ, Туркмены одинаково дѣлали нападенія на суннитскій Афганистанъ, Бухару, а иногда даже и на Хиву. По этому поводу считаемъ не лишнимъ привести здѣсь очень характерный разсказецъ: когда одного набожнаго хищника спросили, какъ онъ рѣшается продать своего единовѣрца въ рабство, вопреки постановленію своего пророка, онъ хладнокровно отвѣчалъ: „Коранъ, книга Божія, конечно благороднѣе человѣка, а все-таки покупается за нѣсколько монетъ. Да, наконецъ, чего же лучше, если Юсуфъ, сынъ Якуба, былъ пророкъ, а между тѣмъ онъ тоже былъ проданъ, тѣмъ не менѣе святость его отъ этого не умалилась ни на каплю!“

¹⁾ Сунна—истолкованіе Корана, составленное тремя калифами *), которыхъ сунниты, вѣрящіе этому истолкованію, называютъ истинными наслѣдниками Магомета.

²⁾ Мулла—священникъ у магометанъ.

³⁾ Хаджи—всякій магометанинъ, бывшій на поклоненіи гробу пророка въ Мединѣ, а также въ Меккѣ; побывавшій на поклоненіи считается до вѣкоторой степени духовнымъ лицомъ.

⁴⁾ Дервишъ—странствующій монахъ.

⁵⁾ Шіиты—секта магометанъ, противоположная суннитамъ; послѣдователи ея признаютъ истиннымъ преемникомъ Магомета одного только Алія и сунну отвергаютъ.

*) Калифъ—названіе всѣхъ почти магометанскихъ правителей, соединяющихъ въ своей особѣ религіозную и государственную власть.

Но у Туркменъ есть владыка, древній, могучій—это *дебъ* (обычай, преданіе): всѣ они строго держатся того, что повелѣваетъ дебъ, и безъ оглядки бѣгутъ отъ того, что дебъ запрещаетъ. Магометанство же, кромѣ вѣры въ Магомета и Аллаха, мало затронуло самый бытъ Туркменъ: кочевническій типъ, за очень малымъ исключеніемъ, сохранился во всей своей первобытной формѣ; такъ, напр., даже осѣдлые Туркмены мало расположены ко всему, что напоминаетъ имъ правильный образъ жизни.—Главное занятіе какъ осѣдлыхъ, такъ равно и кочевниковъ — хищническіе набѣги. Туркменъ всегда готовъ, по первому приглашенію, взяться за оружіе и сѣсть на коня, чтобы принять участіе въ набѣгѣ, кающемуся ему выгоднымъ. Такое предпріятіе, по словамъ Вамбери, держится всегда въ тайнѣ даже отъ родственниковъ. Послѣ избранія начальника и благословенія муллы, по наступленіи сумерокъ, участвующіе отправляются на сборное мѣсто по разнымъ дорогамъ. Нападаютъ всегда или въ полночь, если идутъ на населенное мѣсто, или съ восходомъ солнца, когда нападаютъ на караванъ или непріятельское войско. Туркмены бросаются на свою добычу неожиданно, отдѣльными отрядами и разомъ съ нѣсколькихъ сторонъ; замѣчателенъ тотъ обычай, что Туркмены не рѣшаются нападать на одного непріятеля три раза сряду: они держатся, въ этомъ случаѣ, своей пословицы: „два раза пытайся, а на третій ворочайся!“.

Въ большинствѣ Туркмены—бѣдны; все ихъ имущество заключается въ войлочныхъ палаткахъ и нѣсколькихъ головахъ верблюдовъ ¹⁾, лошадей ²⁾, коровъ, козъ и овецъ.

¹⁾ Туркменскіе верблюды—одно-горбые, средняго роста и употребляютъ какъ для перевозки разныхъ тяжестей при перекочевкахъ, такъ и для перевозки товаровъ, отправляемыхъ въ нашъ Оренбургъ, Хиву и Бухару.

²⁾ Лошади ихъ трехъ породъ. Первая, собственно туркменская, произ-

Осѣдлые же изъ Туркменъ, живущіе по преимуществу по берегамъ рѣкъ Атрека и Гюргеня, гдѣ почва необыкновенно плодородна (хлѣбный урожай случается самъ 40 и самъ 60), кромѣ земледѣлія занимаются садоводствомъ и разведеніемъ плантацій хлопчато-бумажныхъ и тутовыхъ деревьевъ. Живущіе же близъ Каспія, какъ мы уже говорили, съ успѣхомъ занимаются рыболовствомъ.

Мануфактурная промышленность у Туркменъ ограничивается самыми грубыми издѣліями и только предметами необходимыми въ ихъ обыденной жизни. Главное издѣліе—войлоки всякихъ цвѣтовъ и всякихъ размѣровъ, изготовляемые женщинами.

VIII.

Мы замѣтили уже, что промышленность у Туркменъ находится въ младенческомъ состояніи; она по преимуществу имѣетъ характеръ кустарный, при чемъ главными предметами производства являются у кочевниковъ веревки, вой-

ведена скрещиваніемъ; лошади этой породы средняго роста и носятъ на себѣ признаки арабскаго происхожденія: голова у нихъ красивая и хорошо сложена; шея довольно крѣпкая и глаза очень живые. Онѣ неумимы, послушны всаднику и отличаются легкостью и быстротой.—Вторая порода лошадей—юрга, средняго роста, коренастая, съ густою и длинною гривой, отличается рысью. Наконецъ, къ третьей породѣ слѣдуетъ отнести высокихъ хоросанскихъ лошадей, которыя сложены очень некрасиво и отличаются слабыми копытами.

При вабѣгахъ главный помощникъ для Туркмена составляетъ лошадь, потому она дороже для него всего на свѣтѣ. Вамбери даже утверждаетъ, что Туркменъ любитъ лошадь больше своей жены, больше дѣтей и самого себя. Интересно видѣть, продолжаетъ путешественникъ, съ какою заботливостью ухаживаетъ Туркменъ за лошадыю, какъ онъ ее одѣваетъ, чтобы защитить отъ мороза или зноя, съ какою роскошью убираетъ свое сѣдло, часто имѣя на себѣ одни только лохмотья.

локи, верблюжье сукно и ковры, а у осёдлых—мата *) и кожи. Искусства и ремесла у тѣхъ и другихъ стоятъ также не на высокой степени; тѣмъ не менѣе у Туркменъ можно встрѣтить нѣсколькихъ мастеровъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Кузнецы изготовляютъ первобытныя земледѣльческія орудія, а также занимаются починкой оружія и даже умѣютъ передѣлывать кремневые ружья въ ударныя. Есть у нихъ также сапожники, шорники, портные и даже мастера, изготовляющіе двухструнные музыкальные инструменты.

Что же касается до фабрикъ и заводовъ, то главнѣйшіе изъ нихъ находятся въ городѣ Ташкентѣ, гдѣ, по изслѣдованіямъ г. Терентьева, числится до 775 ткацкихъ мастерскихъ, занимающихъ 1.550 рабочихъ—по два на станокъ—и производящихъ товара на 232.500 руб., кожевенныхъ — 86, съ 890 рабочими и суммою производства въ 133 500 руб., и красильныхъ для набивки узоровъ 95, съ суммою производства до 9.000 руб. Изъ остальныхъ механическихъ приспособленій, да и то въ качествѣ прототиповъ (первообразовъ), едва удовлетворяющихъ мѣстнымъ потребностямъ, можно еще упомянуть пожалуй о мельницахъ, толчеяхъ для обдирки риса и проса, мялкахъ для льна и маслобойкахъ; но такъ какъ большая часть изъ нихъ приводится въ движеніе водою, то и занимаетъ поэтому незначительное число рабочихъ, да и сумма производства не велика: такъ, напр., въ Ташкентѣ сумма производства на 174 мельницахъ, при 340 рабочихъ, едва превышаетъ 25.000 рублей.

Торговля у Туркменъ также весьма мало развита, и сосредоточивается она почти исключительно въ одномъ Ташкентѣ: огромный городской базаръ, не прекращающійся во всю недѣлю, не даетъ хода никакому другому базару.

*) Мата—бумажная ткань домашнего приготовленія.

Значеніе Ташкента еще болѣе увеличилось послѣ того, какъ онъ сдѣлался средоточіемъ управленія всѣхъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній. Годъ отъ году торговые обороты Ташкента увеличиваются: такъ, напр., въ апрѣльскую ярмарку 1871 г. привезено было товара на 703.676 руб., а отпущено съ ярмарки на 1.050.334 р., слѣдовательно отпущено болѣе привоза на 346.659 р., что и составляетъ долю самого Ташкента.

Здѣсь, кстати, со словъ того же г. Терентьева, отмѣтимъ одну характеристическую черту Туркмена, выражающуюся какъ въ страсти его къ торговлѣ, такъ равно и въ соединенныхъ съ нею обычаяхъ. Сплошъ да рядомъ въ лавчонкѣ весь товаръ не стоить трехъ рублей, а купецъ сидитъ въ ней цѣлый день, слушаетъ новости—и счастливъ. Какая тутъ выгода, чѣмъ тутъ прокормиться—это секретъ самого купца.

Купцы эти, по замѣчанію того же изслѣдователя, болѣею частью торгуютъ въ долгъ: стоить пріобрѣсти славу (репутацию) честнаго человѣка, и ему повѣрятъ товаръ на-слово. Процентъ приходится платить небольшой. Товаръ такимъ же порядкомъ переходитъ въ третьи и четвертыя руки, а выручка путешествуетъ въ обратную сторону и собирается въ карманахъ оптоваго торговца—соудагара. Въ лавкѣ рѣдко бываетъ много товаровъ: тутъ только образчики или наиболѣе ходкіе предметы; главный же складъ у cadaго—въ домѣ. Заберите сегодня всю лавку, завтра она опять будетъ полна. Такой порядокъ происходитъ отчасти изъ невозможности уберечь лавку отъ любопытства ночныхъ посѣтителей, такъ какъ лавки болѣею частью не запираются. Другою причиною можно считать то обстоятельство, что лавки вообще дѣлаются маленькія, на небольшое количество товара, чтобы не броситься въ глаза, не прослыть богачомъ. Казалось бы, что,

при передачѣ товара изъ рукъ въ руки въ долгъ, цѣна его должна бы возрасти. хотя бы на сумму переплачиваемыхъ за него процентовъ, но этого не случается: во-первыхъ потому, что Сартъ довольствуется ничтожнымъ барышомъ, а во-вторыхъ потому, что оптовый торговецъ уступилъ его первому лавочнику за цѣну значительно меньшую противъ базарной.

Не менѣе характернымъ является и тотъ обычай, что Сарты рѣдко запрашиваютъ, и прїѣзжій можетъ обратиться къ посредничеству особыхъ маклеровъ, джалайлей, а не то къ оцѣнкѣ сосѣдняго лавочника, который въ этомъ случаѣ неминуемо обязанъ сказать настоящую цѣну.

Упомянувъ о характерѣ торговли, намъ остается набросать въ общихъ чертахъ картину всякаго среднеазіатскаго базара. Чтобы получить вѣрное понятіе о туркменскомъ торжищѣ, нужно представить, по словамъ А. К. Гейнса, справа и слѣва грязныя лавчонки, откуда несетъ разнообразными ароматами и гдѣ готовятъ: пищу, сапоги, сѣдла,—ткутъ, шьютъ, куютъ, ѣдятъ, брѣются, моются, спятъ, сплетничаютъ, бранятся, опять сплетничаютъ и неистово кричатъ сотни людей. Между лавками снуется народъ и пугливо шныряютъ женщины въ черныхъ волоса-ныхъ чардахъ (покрывалахъ) и халатахъ, накинутыхъ на голову, отчего онѣ напоминаютъ средневѣковыхъ чумныхъ мортусовъ ¹⁾. Тутъ же ѣдетъ оборванный Киргизъ на тощей лошади, робко поглядывая на великолѣпіе города; бѣгутъ мальчишки, поддразнивая русскихъ солдатъ; медленно движется нагруженный клеверомъ ²⁾ верблюдъ, издавая

¹⁾ Мортусъ—служитель, обязанный во время заразныхъ, повальныхъ болѣзней собирать и погребать умершихъ; они обыкновенно закутаны съ головы до ногъ въ кожи или ткани.

²⁾ Клеверъ—травя трилистникъ, съ красными или бѣлыми цвѣтами, заѣдаемая на лугахъ для корма лошадей.

протяжный ревъ и сердито обрызгивая прохожихъ зеленою жвачкой; скрипитъ арба ¹⁾ своими огромными не мазанными колесами, а бородачъ, важно занимающій вершину горы, наложенной въ нее, во все горло оберегаетъ толпящійся людъ; прохожіе огрызаются, прижимаясь къ стѣнкамъ лавокъ. Для полноты картины, тутъ же привязанъ осель, нагруженный хворостомъ или мѣшками такъ, что изъ-за вороха, лежащаго на немъ, виднѣется одна голова съ длинными ушами, поднявшимися съ недоумѣніемъ впередъ.

„На перекресткѣ базара иногда можно видѣть дувановъ—странствующихъ мусульманскихъ монаховъ-фанатиковъ, въ коническихъ высокихъ шапкахъ и типичныхъ длинныхъ халатахъ, иногда сшитыхъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ всевозможныхъ матерій. Въ рукахъ у нихъ длинные посохи и миски или баклаги, сдѣланные изъ темной тыквы. Выстроившись въ рядъ, они начнутъ какой-то дикій концертъ и странными гортанными звуками воспоютъ величіе пророка и его имамовъ ²⁾. Стоя впереди ихъ и непремѣнно заткнувъ пальцами оба уха, кричитъ, во всю силу легкихъ, старшій дувана, регентъ мрачнаго хора и атаманъ этой шайки дармафдовъ. Бродя изъ города въ городъ, они наберутъ много *кокановъ*, другивенныхъ, а при случаѣ распалятъ фанатизмомъ правовѣрные головы.

„Въ другомъ мѣстѣ чистенькій, хорошо одѣтый мулла, почувствовавъ проповѣдническое вожделѣніе, остановится на видномъ мѣстѣ базара и станетъ опрятно засучивать рукава своего халата. Затѣмъ, приличнымъ и спокойнымъ тономъ начнетъ онъ говорить, что Богъ далъ ключъ отъ рая такому-то ангелу.... Вдругъ, вѣроятно припомнивъ что-

¹⁾ Арба—телѣга особаго устройства; она употребляется и у насъ—въ Крыму и Закавказьѣ.

²⁾ Имамъ равнозначущъ съ титуломъ халифа.

то страшное, онъ метнется впередъ, къ самому носу слушающаго его жирнаго торгаша и не своимъ голосомъ закричитъ и завопитъ на весь базаръ. Не беспокойтесь, это только ловкій ораторскій приемъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вернется на свое мѣсто и, спокойно обводя слушателей глазами, будетъ продолжать свою проповѣдь тихимъ и рассчитаннымъ голосомъ. Или иногда увидишь полуодѣтаго юродиваго дервиша, повѣщающаго великимъ крикомъ всему базару, что пришелъ конецъ міра, что земля болѣе не станетъ носить людей,—такъ они грѣховны, что Аллахъ уже предупредилъ о своемъ гнѣвѣ, попустивши господство *уруса* (Русскаго) надъ правовѣрными. Проповѣдникъ бѣснуется, высоко поднимаетъ брови, закрываетъ глаза, болѣзненно водить ихъ подъ вѣками, судорожно морщить лобъ, съ котораго льется потъ, и, раскрывая глаза, показываетъ мутные, бессмысленно блуждающіе зрачки. Его слушатели: собака, сонный Сартъ, свѣсившій изъ своей лавочки ноги въ башмакахъ, и нѣсколько прохожихъ,—постепенно исчезаютъ и замѣняются новыми зѣваками.

„Проѣдешь базаръ, и на пустынныхъ улицахъ почти не увидишь движенія. Глухо въ кривыхъ переулкахъ, только кое-гдѣ проскользнетъ, прижимая къ лицу чарду, уродливо закутанная фигура женщины, да мальчишки валяются у заборовъ, въ пыли и грязи“.

IX.

Само-собой разумѣется, что мануфактурная и заводская промышленность встрѣчается только у осѣдлыхъ племенъ средне-азіатцевъ. Осѣдлые же Туркмены и Хивинцы занимаются также земледѣліемъ и садоводствомъ. Эти отрасли сельскаго хозяйства возможны, конечно, только тамъ, гдѣ

большая масса проточной воды даетъ средства оросить безплодную степь, т. е. превратить ее въ плодородную, съ помощью ирригаціи. Мѣсто, предназначенное подъ пашни, раздѣляется на танапы *), и каждый изъ нихъ окапывается съ четырехъ сторонъ маленькою канавой, которая приводится въ сообщеніе съ ближайшею среднею канавой. Мѣсто для пашни срывается вершка на 3—4 ниже уровня боковыхъ канавокъ, его окаймляющихъ, и на немъ, взаменъ навоза, разбрасываютъ небольшими кучками землю, взятую около жилья, перемѣшивая ее съ сухою травой, иногда съ золой и даже съ глиной изъ развалившихся строеній, которая отъ примѣси соломы получаетъ нѣкоторую плодородность. Потомъ туземцы разрываютъ эти кучи лопатами и напускаютъ воду въ канавы до тѣхъ поръ, пока она покроетъ все приготовленное для пашни мѣсто на два, на три пальца.

Послѣ того, какъ земля впитаетъ воду и, сохраняя еще нѣкоторую влажность, перестанетъ быть топкою, — приступаютъ къ распашкѣ и посѣву. Здѣсь во-время замѣтить, что почва въ Туркменіи несравненно плодороднѣе, чѣмъ въ Хивинскихъ владѣніяхъ, а потому Хивинцы болѣе прилагаютъ стараній при обработкѣ полей. — Что же касается садоводства, то какъ у Туркменъ, такъ равно и у Хивинцевъ оно находится въ достаточно цвѣтущемъ состояніи. Сады разводятся обыкновенно около домовъ и даютъ хорошую прибыль — изобильнымъ урожаемъ. Всѣ они огораживаются высокою глиняною стѣной, имѣющею видъ четырехугольника; посреди сада обыкновенно находится бассейнъ, который наполняется водой изъ ближайшей къ нему канавы; отъ него же проводятся небольшія канавки по всѣмъ направленіямъ сада, которыя и омываютъ корни почти každого дерева.

*) Танапъ равняется 0,375 десятины.

Въ Туркменіи и особенно въ Хивѣ разводятся слѣдующія фруктовыя растенія: абрикосы и сливы нѣсколькихъ сортовъ, яблоки, виноградъ, гранаты, айва, употребляемая въ пищу, какъ овощъ, и имѣющая пріятный кисловатый вкусъ и джидда—мелкая ягода, которая, когда высохнетъ, рассыпается какъ мука и идетъ на приготовленіе конфетъ. Кромѣ фруктовыхъ деревьевъ разводится около канавъ и тутовое дерево.

Въ садахъ же растетъ серебристый и пирамидальный тополь, а также *нартанъ* и *караманъ*—родъ вяза.

Мы упомянули, что сады разводятся только около домовъ, а потому весьма естественно, что всѣ среднеазіатскіе города и селенія едва не потонули въ роскошныхъ садахъ. Подъѣзжая къ нимъ, видишь, какъ на далекое разстояніе раскинулись ярко-зеленыя группы деревьевъ по всѣмъ окрестнымъ канавамъ. Различіе между широкою жизнію, которая виднѣется впереди, и окружающею скудною природою степей еще болѣе возвышаетъ прелесть этихъ богатыхъ обитаемыхъ мѣстечекъ.

„Миновавъ рядъ садовъ, протягивающихся большею частью далеко за городъ, подъѣзжаешь къ городскому валу, которымъ, какъ въ Европѣ, въ пору кулачнаго права, окруженъ былъ каждый сколько-нибудь значительный среднеазіатскій городъ. Улицы, либо необычайно пыльные, либо грязныя, напоминаютъ всякій мусульманскій городъ. По сторонамъ протянулись двѣ стѣны, сложенные изъ сырцовога кирпича, и только ворота и калитки, да кое-гдѣ высоко, на верху крошечное окошечко доказываютъ, что за этими стѣнами живутъ люди. Изъ-за стѣнъ виднѣются вѣтви инжуровыхъ, абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, или свѣшиваются толстыя виноградныя лозы. Въ другихъ мѣстахъ, изъ внутреннихъ дворовъ жилищъ, стройно вытянулись ряды тополей. Изрѣдка съ крышъ выглядываетъ на одну се-

кунду голова женщины, прикрытая чѣмъ-то бѣлымъ, съ выраженіемъ застывшаго на ея лицѣ безсмысленнаго страха, чтобы сейчасъ же скрыться. По улицамъ двигаются, продолжаетъ А. К. Гейнсъ, серьезныя фигуры горожанъ съ огромными кисейными чалмами *), наверхенными на головахъ. Кое-гдѣ пройдетъ важнымъ шагомъ толстый Сартъ съ подстриженными усами и тщательно выхолоненнымъ, откормленнымъ лицомъ. По приниженнымъ привѣтствіямъ прохожихъ, по богатству костюма и красотѣ кроваго аргамача, безошибочно можно сказать, что это либо духовное лицо, либо мѣстный богачъ“.

Х.

Переходя къ описанію типовъ, нравовъ, обычаевъ и обрядовъ средне-азіатцевъ, мы не особенно погрѣшили бы, еслибы сказали, что всѣ многочисленныя племена Средней Азіи, какъ говорится, „одного поля ягода“, всѣ скроены по одной мѣркѣ: такъ, Туркмены мало чѣмъ отличаются и отъ Хивинцевъ, и отъ Киргизовъ. Болѣе различія въ этомъ случаѣ представляютъ между собой кочевники и осѣдлые. Но такъ какъ собственно Киргизы не входятъ въ программу этого очерка, то мы будемъ говорить преимущественно о Туркменахъ, указывая только на особенности Хивинцевъ.

Типъ Туркменъ слѣдующій: ростъ—выше средняго; онъ силенъ и крѣпко сложенъ; лицо круглое, съ широкимъ лбомъ и выпуклымъ черепомъ. Несмотря на малый размѣръ глазъ, въ нихъ много хитрости и живости. Если вы къ этому еще прибавите: толстыя губы съ небольшими усами, рѣдкою бородой и совершенно отвислыя уши, то вы составите себѣ вѣрное понятіе о фигурѣ Туркмена.

*) Чалма—головной уборъ восточныхъ мужчинъ: навивается на голову кусокъ какой-либо ткани.

Одежда ихъ состоитъ изъ широкихъ, ниспадающихъ къ землѣ и сжатыхъ у бедръ шароваровъ и изъ рубахи съ прорѣхою до пояса, поверхъ которой надѣвается одинъ или два халата, съ широкими рукавами. Выбритая голова Туркменъ покрыта чалмой, вмѣсто сапогъ носятъ родъ башмаковъ или туфель, или въ большинствѣ довольствуются подошвой изъ кожи, привязанной къ ногѣ шнуркомъ. Только въ холодное время года и при ѣздѣ верхомъ мужчины и женщины надѣваютъ сапоги.

Женщины также носятъ халаты, подобные мужскимъ, но болѣе короткіе. Шаровары ихъ плотно прилегаютъ къ ногамъ, а у широкой рубахи нагрудная часть обыкновенно устьяна въ нѣсколько рядовъ мелкими серебряными монетами, съ вправленными въ нихъ сердоликами. Туркменки спускаютъ на оба виска пряди волосъ, ниспадающія ниже подбородка; остальные волосы заплетаются въ двѣ косы. Женщины изъ племени осѣдлыхъ ходятъ подъ покрываломъ, у кочевниковъ же большею частью безъ покрываль. Серги—треугольной формы, сдѣланы изъ серебра, съ разрисованными по нимъ золотыми черточками, посреди которыхъ непременно находится сердоликъ. Браслеты ихъ массивны и имѣютъ овальную форму. Ожерелья состоятъ изъ ряда серебряныхъ бляхъ, движущихся свободно вокругъ шеи. Всѣ эти украшенія для Туркменокъ составляютъ предметъ первой необходимости и онѣ расстаются съ ними только въ случаѣ послѣдней крайности, и то по принужденію мужей. Дѣти во всѣ времена года бѣгаютъ въ одной рубашкѣ, украшенной также серебряными бляхами. Мальчики обыкновенно обриты, и только съ боковъ да на макушкѣ оставляются у нихъ клочки волосъ; голова покрыта шапочкой съ бляшкой посрединѣ. Одежда дѣвочекъ почти такая же, какъ у мальчиковъ, только рубашка доходитъ до самыхъ пятъ; головы ихъ брѣютъ до 12 лѣтняго возраста.

Жилище кочевника какъ бѣднаго, такъ равно и богатаго—одинаково расположено. Установленіе новой палатки составляетъ торжество: еще за нѣсколько дней до перехода въ новую палатку, Туркменъ считаетъ своею обязанностью оповѣстить родныхъ и знакомыхъ объ этомъ важномъ обстоятельстве и приглашаетъ ихъ въ назначенный день къ себѣ.

Гости, собравшись, вступаютъ по-одиночкѣ въ новую палатку, при чемъ долгъ вѣжливости требуетъ отъ каждаго посѣтителя, чтобъ онъ высказалъ свое сужденіе о достоинствѣ или недостаткахъ новаго жилища. Затѣмъ начинается состязаніе въ единоборствѣ, верховой ѣздѣ, въ стрѣльбѣ изъ ружей и пистолетовъ. По окончаніи чего гости собираются къ закускѣ, состоящей обыкновенно изъ риса и баранины; въ видѣ лакомства, предлагаются гостямъ чай и трубки. Пиръ необходимо долженъ закончиться музыкой,—безъ нея немислимо новоселье.

XI.

Пища Туркменъ весьма незатѣйлива: утромъ—кусокъ хлѣба съ лукомъ или съ какою-нибудь похлѣбкою, смотря по достаткамъ каждаго; всѣ кочевники содержатъ вблизи своей палатки козу или овцу, которую откармливаютъ на случай какого-нибудь особаго торжества. Мясо очищается отъ кожи, затѣмъ нарѣзывается нѣбольшими кусками и солится; часть его высушивается и получаетъ тогда особый вкусъ, напоминающій весьма любимое Туркменами мясо фазана *). Другая часть, нарѣзанная болѣе или менѣе мелкими кусками, предназначается для приготовленія изъ нея по временамъ говяжьяго настоя. Кости и разные

*) Фазанъ—птица изъ породы куриныхъ; отличается своими красивыми перьями; водится во множествѣ у насъ на Кавказѣ.

остатки убитаго животнаго идутъ на приготовленіе горячаго, а кишки и другія внутренности отдаются дѣтямъ, которыя поджариваютъ ихъ на угольяхъ и потомъ сосутъ ихъ по цѣлымъ днямъ.

Передъ обѣдомъ полагается всѣмъ умывать руки; но это дѣлается, повидимому, только для формы, потому что туркменскія руки не вымоешь одною водою *). Когда кушанье подано, глава семейства, воздавъ хвалу Богу, даетъ всѣмъ присутствующимъ знакъ занять мѣста вокругъ деревянныхъ чашъ. Мушны обѣдаютъ отдѣльно отъ женщинъ и дѣтей. Сначала ѣдятъ ложкою супъ, который, впрочемъ, весь почти выпитывается въ набросанные въ него куски хлѣба, потомъ берутъ руками, каждый съ своего мѣста, хлѣбъ и мясо и, уничтоживъ то и другое, добираютъ ложкой остающуюся на блюдѣ жидкость. За трапезой каждый заботится о томъ, чтобы набрать руками какъ можно болѣе существенной части кушанья, не занимая обѣденнаго времени интереснымъ разговоромъ или чѣмъ-нибудь другимъ въ этомъ родѣ, такъ какъ ѣда у Туркменъ происходитъ необыкновенно исправно и быстро. „По окончаніи обѣда, каждый облизываетъ себя руки и потираетъ ихъ до концовъ пальцевъ, чтобъ онѣ были на всемъ пространствѣ одинаково покрыты жиромъ, потомъ потираютъ жирными руками лицо, съ цѣлью сообщить ему мягкость и лоскъ; наконецъ, третья операція подобнаго рода состоитъ въ натираньи жиромъ ногъ или сапогъ, если они надѣты на ноги. Поэтому, взглянувъ на сапоги Туркмена, можно сейчасъ же узнать, ѣстъ ли онъ скоромное, или постится“. Когда каждый успѣетъ достаточно натереть себя жиромъ, тогда старѣйшіе въ средѣ вымываютъ руки, держа ихъ въ уровень съ своимъ лицомъ и произнося при этомъ: *Беоми Аллахъ, алераманъ,*

*) «Хива и Туркменія», изд. журн. «Всемирный Путешественникъ».

альраимъ, Аллахъ акберъ (великъ Господь); при чемъ все присутствующіе потираютъ рукою подбородокъ, а мужчины также и бороду во всю ея длину.

„Кушанье становится на что-то въ родъ салфетки, которая прибирается и складывается по окончаніи закуски, и тогда запасаются костью, чтобы сосать ее, для развлечения, въ послѣ-обѣденное время, и если находка эта очутится въ рукахъ главы семейства, въ такомъ случаѣ, нѣсколько пососавъ ее, онъ передаетъ эту кость женѣ, а та, въ свою очередь, передаетъ ее своему ребенку, послѣ котораго ею наслаждается уже домашній песъ, слѣдящій обыкновенно жадными глазами, какъ переходитъ лакомая кость изъ рукъ въ руки, пока не наступитъ, наконецъ, его очередь распорядиться остатками ея по своему усмотрѣнію. Послѣ обѣда курятъ чилимъ (водяная трубка), напоминающій нѣсколько кальянъ *). Графины у этого снаряда деревянные, въ родъ тыквенной бутылки, а иногда даже замѣняются просто этою послѣдней. Въ верхней части его, гдѣ должна бы находиться трубка, сдѣланы два отверстія: на первое изъ нихъ кладутся губы, чтобы вдыхать дымъ, а на второе—палецъ руки, придерживающій снарядъ, чтобы открыть или прикрыть это отверстіе, смотря по тому, желаютъ ли получить больше или меньше дыму. Туркменъ быстро затягивается три или четыре раза, и потомъ, задерживая послѣднее дыханіе, сколько вынесутъ его легкія, выпускаетъ дымъ и передаетъ трубку своему сосѣду. Наклонясь послѣ того нѣсколько впередъ, онъ пребываетъ въ восторженномъ состояніи или остается погруженнымъ въ себя, при чемъ слюна свободно течетъ по его губамъ; приходя наконецъ мало-по-малу въ себя, онъ принимаетъ естественное положеніе.... Женщины, за немногими исклю-

*) Кальянъ—приборъ для куренія табаку на Востока; въ немъ дымъ проходитъ черезъ воду.

ченіями, не курятъ, мужчины же курятъ, сколько могутъ, и набиваютъ постоянно табакомъ до верху карманъ въ боковой части рубашки. Даже ночью, если Туркменъ томится безсонницей, онъ встаетъ и закуриваетъ трубку. Онъ идетъ въ тѣ палатки, гдѣ надѣется найти огонь, и на это никто не обращаетъ вниманія; иногда только хозяинъ спрашиваетъ: *кто тамъ*,—и спокойно допускаетъ гостя искать въ печкѣ огня для трубки¹⁾.

Туркмены очень любятъ чай, который и пѣтребляютъ въ большомъ количествѣ. У осѣдлыхъ Туркменъ пища болѣе разнообразна такъ какъ они въ большинствѣ гораздо состоятельнѣе кочевниковъ.

XII.

Жилище осѣдлаго Туркмена состоитъ изъ двора, съ проточною водою и деревьями посрединѣ, обстроеннаго по сторонамъ однимъ или нѣсколькими домами²⁾. Отдѣльныя двери ведутъ въ помѣщеніе каждой жены³⁾, а выше дверей нѣсколько рѣшетчатыхъ оконъ. Въ полутемныхъ комнаткахъ копошатся кривоногія дѣти, и тутъ же работаютъ женщины съ довольно красивыми, но мужскими, грубыми чертами лица. Эти женщины, при видѣ чужестранца, съ испуганными воплями и пискомъ спасаются изъ комнаты, чтобы поскорѣй скрыться отъ глазъ незнакомца.... Вообще обстановка средне-азиатской женщины далеко не завидна, особенно горожанокъ. „На весь міръ, лежащій за предѣлами дворика съ инжировыми и персиковыми деревьями, въ обществѣ которыхъ она прозябаетъ,—женщи-

1) «Хива и Туркменія», изд. журн. «Всемирный Путеш.».

2) Только у очень бѣдныхъ людей все жилище заключается въ одномъ дворѣ съ домикомъ при немъ.

3) Подобно всѣмъ мусульманамъ, Туркмены могутъ жениться на вѣсколькихъ женахъ, сообразуясь съ своими недостатками.

на можетъ смотрѣть только черезъ частую волосяную сѣтку своей черной чарды. Сбѣгать на базаръ или съѣздить туда, въ торжественныхъ случаяхъ, на крупѣ того же осла, на которомъ ѣдетъ мужъ, присмотрѣться къ толкотнѣ и потомъ торопливо пробраться домой—вотъ все, что она можетъ себѣ позволить. Молодость проходитъ скоро—подъ бременемъ тяжелаго физическаго труда и скучной жизни. И тогда мужъ беретъ другую жену, а прежнюю переводить въ другое, болѣе худшее помѣщеніе. Теперь-то пойдутъ дразги, прекращаемыя побоями со стороны мужа; а тутъ еще работай на свою соперницу, угождай ей. Мужу это все равно. Онъ, по словамъ г. Гейнса, смотритъ на жену какъ на свое имущество, твердо закрѣпленное за нимъ всѣми божескими и человѣческими законами,—какъ на вещь, принадлежащую ему безъотчетно и всецѣло. Кому изъ бывшихъ въ Средней Азіи не приходилось видѣть туземное семейство, возвращающееся изъ ближняго города или съ полей: впереди, согнутая подъ навьюченную на нее тяжелою ношей, идетъ женщина съ прицѣпившимися къ ея платью дѣтьми, а сзади, верхомъ на любимой ослицѣ, преспокойно ѣдетъ ея мужъ, точно погоняя передъ собою стадо животныхъ.

„Исходя отъ невѣрно понятой мысли Магомета, что у женщинъ нѣтъ души, и что для нихъ нѣтъ мѣста въ раю, средне-азіатецъ смотритъ на жену только какъ на мать своихъ дѣтей,—слѣдовательно, какъ на созданіе, которое можетъ терпѣть, но созданіе скверное, ничего не понимающее, способное только болтать и сплетничать и всегда готовое къ измѣнѣ“. А потому не только при малѣйшей провинности и, но и просто, какъ говорится, „здорово-живешь“, возьметъ онъ въ руку плетъ и начнетъ женѣ отсчитывать полновѣсные удары, и отсчитываетъ до тѣхъ поръ, пока рука не устанетъ....

„Туркменъ рѣдко бываетъ дома: утромъ онъ отправляется на базаръ или въ караванъ-сарай ¹⁾, гдѣ осмотритъ вновь прибывшіе тюки съ хлѣбомъ или другимъ товаромъ. Затѣмъ пойдетъ въ свой амбаръ, гдѣ постарается устроить какое-либо выгодное дѣльце.. Но вдругъ разомъ, словно по командѣ, изъ всѣхъ мечетей ²⁾ раздастся гнусливый призывъ муэзиновъ ³⁾ къ пятисрочной молитвѣ. Заткнувъ свои уши и послѣдовательно поворачиваясь ко всѣмъ странамъ свѣта, муэзинъ какъ-то фальшиво, дрожащею фистулой ⁴⁾, вытягиваетъ приглашеніе начать молитву. Когда однообразные призывы муэзиновъ раздадутся надъ средне-азіатскимъ городомъ, всякій уважающій себя туземецъ спѣшитъ въ мечеть. Тамъ уже собралась толпа. Въ мечети тихо, мрачно и прохладно. Стоя въ нѣсколько рядовъ, пра-

1) Караванъ-сарай — родъ постоянного двора и оптоваго склада вмѣстѣ, куда приходятъ и гдѣ останавливаются караваны изъ окрестныхъ странъ и городовъ.

2) Мечеть или меджетъ — молитвенный домъ мусульманъ. Мечети строятся четырехугольными, съ круглыми, покрытыми свинцомъ куполами, узкими башенками (минаретами) и дворомъ съ проточною водою, въ которой мусульмане совершаютъ установленныя омовенія. Внутренность мечетей чрезвычайно проста: бѣлыя стѣны испещрены изреченіями изъ Корана, а полъ устланъ коврами, — нѣтъ ни скамеекъ, ни сѣдалищъ. Въ одномъ углу находится возвышеніе для чтеца молитвъ и для проповѣдника. У стѣны, обращенной къ городу Меккѣ, — шкапъ (кибла), въ которомъ хранится копія съ Корана. Отъ обыкновенныхъ мечетей отличаются джами; онѣ гораздо больше, великолѣпнѣе, и въ нихъ совершаются моленія каждую пятницу; при нихъ же помѣщаются школы (медрессы) и больницы. Важнѣйшія лица при мечетяхъ — кади, хатибъ (чтець) и мулла.

3) Муэзинъ — магометанинъ, сзывающій правовѣрныхъ на молитву, распѣвая на минаретахъ пронзительнымъ голосомъ: Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ — пророкъ Его. Вставайте лѣнныя, — молитва лучше сна, и проч.

4) Фистула или фальцетъ — горловое пѣніе.

вовѣрные шепчуть молитвы и кладуть беззвучные поклоны. Вошелъ богатый Сартъ и, пройдя ряды молящихся, сталъ на нѣсколько шаговъ впереди. Картинно опускается онъ на колѣни и черезъ нѣсколько секундъ сзади стоящая толпа начинаетъ класть свои поклоны одновременно съ поклонами Сарта, стоящаго впереди. *Аллахъ акбаръ!* взволнованнымъ, будто вырвавшимся изъ души, шепотомъ бормочетъ мулла, внѣ себя протягивая руки впередъ, и шепотъ этотъ тихо вторится всею толпой¹⁾. Толпа выходитъ изъ мечети и зажиточные люди раздаютъ мелкую монету нищимъ.

XIII.

Послѣ молитвы Туркмены возвращаются домой къ обѣду, который состоитъ изъ пилава, баранины, жирныхъ пельменей и чая. Затѣмъ съѣзжаются сосѣди, и тутъ-то, покуривая табакъ, начинается цѣлый рядъ сплетень.... Но разговоръ, наконецъ, изсякаетъ и компанія подъ вечеръ отправляется на праздникъ, гдѣ танцуютъ бачи (мальчики, одѣтые дѣвочками). Это обыденное развлеченіе Туркмена на столько своеобразно, что мы считаемъ не лишнимъ описать его въ подробности²⁾.

Итакъ, читатель, отправимся къ мѣсту, гдѣ раскинулись изъ ковровыхъ навѣсовъ сартовскіе трактиры. Съ наружной стороны каждаго изъ нихъ устроены очагъ, на которомъ грѣются мѣдные кумганы³⁾ съ чаемъ, стоятъ небольшія чашки безъ ручекъ, на манеръ нашихъ полоскательныхъ, и неизбѣжная принадлежность каждой чай-ханэ (трактиръ или харчевня)—чилимъ. Полъ устланъ коврами и вся такая чай-ханэ освѣщается разноцвѣтными бумажными

1) А. К. Гейнсъ: «Очеркъ Туркестана».

2) «Бирж. Вѣд.» за 1874 г., № 268-й.

3) Кумганъ—кувшинъ, въ которомъ завариваютъ чай.

фонарями и просто прикрѣпленными вдоль всего навѣса въ перекладинѣ сальными свѣчами. Кромѣ того передъ каждымъ кружкомъ посѣтителей ставится отдѣльно по сальной свѣчѣ въ широкомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

Вы входите, и хозяинъ, встрѣчая васъ, ведетъ на почетное мѣсто, гдѣ разостлано ватное шелковое одѣяло. Тотчасъ передъ вами, на низенькой табуреткѣ появляется достарханъ ¹⁾, состоящій изъ мелкихъ кусочковъ сахару, леденцовъ, макомъ посыпанныхъ лепешекъ и кумгана съ зеленымъ чаемъ. Хозяинъ ставитъ передъ вами, на полъ, свѣчу и наливаетъ въ чашку чаю. Вы, конечно, какъ человѣкъ приличный, стараетесь, по возможности, подобрать подъ себя ноги, а не вытягиваете ихъ впередъ, и берете всего понемногу и не сразу ²⁾.

Оглянитесь кругомъ. Вокругъ стѣнъ и отдѣльными кружками сидятъ Сарты, подобравъ подъ себя ноги и поставивъ подлѣ калоши. Посмотрите,—вотъ встрѣтились два знакомыхъ: согнувшись, они быстро сходятся вмѣстѣ и, взявшись за лѣвыя руки, правыми обнимаютъ другъ друга, потомъ точно такъ же обнимаются лѣвыми, послѣ чего усаживаются рядомъ.

Вошелъ бача и лѣнивою походкой, мелкими шагами, идетъ къ одному изъ кружковъ. Онъ одѣтъ въ новую, вышитую шелкомъ, тюппе (тюбетейку) и шелковый халатъ; на его рукѣ два кольца съ крупною бирюзой. Тотчасъ же весь кружокъ встаетъ, и Сарты, согнувшись и держа руки

¹⁾ Достарханъ—угощеніе, подаваемое сейчасъ же по приходѣ гостя.

²⁾ Сидѣть съ протянутыми впередъ ногами считается верхомъ неприличія и неумѣнья держать себя въ обществѣ. Сартъ всегда сидитъ такъ, что сидитъ на своихъ же пяткахъ, и только если онъ одинъ или съ равными, съ которыми онъ безъ церемоніи, садится, такъ сказать, орликомъ. Въ противномъ случаѣ онъ сперва ставитъ на колѣни и потомъ сидитъ на нихъ.

на животѣ, привѣтствуютъ его. Онъ садится и приглашаетъ другихъ послѣдовать его примѣру. Взоры всего кружка обращаются на бачу. Принесли чай, и бача, наливъ чашку и отпивъ изъ нея глотокъ, передаетъ ее кому-нибудь изъ присутствующихъ. Осчастливленный такимъ вниманіемъ, Сартъ, съ сверкающимъ отъ радости взоромъ, выпиваетъ ее и со словомъ: „кулдукъ таксырь“ *)—передаетъ опять бачѣ. Иногда бача подшучиваетъ надъ окружающими и, призвавъ кого-нибудь, подаетъ ему чашку, но какъ только тотъ, прибѣжавъ, протянетъ за нею руки, онъ быстро передаетъ ее другому. Подобная шутка возбуждаетъ неумолкаемый смѣхъ надъ обманутымъ, а тотъ съ покорностію ждетъ, когда смилуется бача и, отпивъ, подастъ ему чашку чаю.

Уже не первый разъ обносятъ чилимъ и всегда первому подаютъ бачѣ; онъ преисправно затягивается изъ него и, сплюнувъ на сторону, велитъ подавать его другимъ. Всѣ по-очередно затягиваются по разу, послѣ чего чилимъ тушится и ставится на свое мѣсто до новаго востребованія. Между тѣмъ идутъ приготовленія къ танцу. Въ сторонѣ, гдѣ сидятъ музыканты, начинается раздаваться тихое побрякиваніе въ бубны; по временамъ бубенщикъ напѣваетъ что-то въ полголоса, и бача, покачивая головой, подтягиваетъ ему. Съ очага принесли жаровню для нагрѣванія бубенъ, чтобы громче раздавалась выбиваемая на нихъ дробь. Въ срединѣ очищается мѣсто и расправляется коверъ, на которомъ будетъ плясать бача. Уже нѣсколько разъ посѣтители выказывали свое нетерпѣніе крикомъ:

*) Кулдукъ—значитъ благодарю, таксырь—повелитель. Этимъ титуломъ не величаютъ бачей только ханы и самые важные сановники, всѣ же прочіе смертныя говорятъ бачѣ «таксырь» и, рассказывая про бачу, говорягъ во множественномъ числѣ: «они мнѣ сказали, я имъ подалъ».

ээээ!.... Наконецъ, бача, переодѣвшись въ женскій костюмъ, выходитъ на средину и становится лицомъ къ музыкантамъ. Изъ-подъ его тюппе разсыпались по плечамъ двѣ густыя косы, подъ пестрымъ шелковымъ халатомъ виднѣется красная рубашка и такія же шаровары. Уже и бубны нагрѣты и одинъ изъ бубенщиковъ, вставъ на колѣни, выбиваетъ дробь пальцами лѣвой руки и, постукивая въ тактъ правою, зажмуривъ глаза, начинаетъ во все горло выкрикивать короткія фразы; но бача все еще стоитъ на мѣстѣ и только, поднявъ руки, слегка хлопаетъ ими въ тактъ. По временамъ онъ смотритъ на окружающихъ и переступаетъ съ ноги на ногу. Но вотъ пѣвшаго или скорѣе кричавшаго бубенщика смѣняетъ другой. Нагнувшись къ уху своего товарища, онъ еще неистовѣе кричитъ что-то такое. Мало-по-малу темпъ ¹⁾ ускоряется и бача, продолжая хлопать ладонь о ладонь и дѣлая босыми ногами па ²⁾ въ родѣ нашей русской пляски, тихо обходитъ кругъ и опять останавливается передъ музыкантами. Быстрѣе и быстрѣе выбивается дробь, сильнѣе кричатъ оба бубенщика и, наконецъ, вмѣстѣ издаютъ нѣчто въ родѣ трели ³⁾. Соразмѣрно темпу музыки, движенія бачи дѣлаются все живѣе, и вдругъ онъ начинаетъ быстро кружиться на одной ногѣ. Оборвалась дробь, перестали гремѣть бубны, и бача медленно, покружившись въ другую сторону, останавливается передъ музыкантами. Загремѣли опять бубны, заплѣли бубенщики, и бача вто-

1) Темпъ или мѣра—такъ называется въ музыкѣ степень скорости, съ какою разыгрывается пьеса.

2) Па—особенное движеніе ногъ въ тапцахъ.

3) Трель — въ пѣвнн и музыкѣ украшеніе, состоящее въ томъ, что изъ двухъ послѣдовательныхъ нотъ попеременно берутъ то одну, то другую ноту такъ быстро, что кажется, будто бы голосъ бьется въ горлѣ.

рично началъ обходить кругъ. Плечо его вздрагиваетъ, поднятыя вверхъ руки мѣрно колышались, но лицо его совершенно спокойно и только выступившія на немъ капли пота говорятъ, что круженіе на одной ногѣ даетъ ему себя знать. Опять учащается темпъ, опять движенія бачи дѣлаются живѣе. Одинъ изъ Сартовъ отвязалъ отъ пояса платокъ и, вставши, ждетъ, когда мимо него пройдетъ бача, чтобы вытереть ему съ лица потъ. Едва онъ это кончилъ, какъ раздалась трель; нѣсколько человѣкъ учащенно захлопали въ ладоши, и бача началъ опять вертѣться на одной ногѣ. Еще долѣе прежняго кружится онъ, тубетейка слѣзла ему на глаза, разметавшіяся косы бьютъ его по лицу, — кажется, вотъ, вотъ онъ упадетъ; но едва перестаетъ трель, онъ мгновенно останавливается и опять тихо, покружившись въ другую сторону, подходитъ къ одному изъ Сартовъ. Онъ замѣтилъ, что тотъ давно уже всталъ и, согнувшись, протягиваетъ ему чилимъ и чашку съ чаемъ. Молча, съ совершенно безстрастнымъ лицомъ, затягивается бача чилимомъ и, отпивъ чаю, идетъ на свое мѣсто. Между тѣмъ бубенщики успѣли перевести духъ и, подогрѣвъ на жаровнѣ бубны, начали снова что-то выкрикивать, выбивая тактъ дробью. Бача стоитъ передъ ними. Одна рука его поднята кверху, а другой онъ подперся въ бокъ; все тѣло его начинаетъ вздрагивать и онъ, въ третій разъ обойдя кругъ, становится на колѣно передъ музыкантами. Медленно гладитъ онъ свои косы, плавно и не безъ прелекательности (граціи) колышетъ онъ руками, нагибая на бокъ туловище и закинувъ назадъ голову, и вдругъ начинаетъ кружиться. Быстро вальсируетъ онъ на колѣняхъ по кругу, придерживая руками полы халата. Музыканты выходятъ изъ себя. Голоса ихъ безпрестанно срываются; они уже не сидятъ. Вставши на колѣни и вытянувъ шеи, бубенщики нагнулись другъ къ другу и

во все горло выдѣлываютъ быструю трель. А бача все кружится на колѣняхъ. Нѣсколько рукъ съ платками и чашками чаю протягиваются къ нему. Замолчали музыканты, издавъ послѣднюю хриплую ноту, и бача, медленно окинувъ глазами кругъ посѣтителей, выбираетъ двухъ, которыхъ онъ осчастлививаетъ тѣмъ, что выпиваетъ ихъ чай и позволяетъ вытереть платкомъ свое лицо.

Тѣмъ праздникъ и кончается въ общественныхъ домахъ, но часто богатый Сартъ, желая потѣшить избранныхъ знакомыхъ своихъ,—приглашаетъ бачей, музыкантовъ и пѣвцовъ къ себѣ въ домъ, гдѣ и начинается снова пляска и пѣніе. Бачи и музыканты радушно угащаются и одаряются цѣнными подарками. На подобныя развлечения тратятъ туземцы значительныя суммы, а иногда даже раззоряются отъ этого.

Г. Гейнсъ сообщаетъ тотъ любопытный фактъ, что жены правовѣрныхъ послѣдуютъ въ этомъ случаѣ примѣру мужей: онѣ иногда тоже собираются въ домъ какой-нибудь богатой женщины, одѣваютъ красивѣйшихъ дѣвочекъ мальчиками и заставляютъ ихъ плясать и пѣть. Какъ между муштинами, такъ и между ихъ женами бачи обоихъ половъ возбуждаютъ привязанность, страсть, ревность, ссоры...

XIV.

Переходимъ къ описанію обрядовъ у кочевниковъ. Дѣвушки рѣдко выходятъ замужъ ранѣе 16 или 17 лѣтъ, и до этого времени ихъ не обременяютъ работами, чтобы сохранить свѣжесть и красоту, благодаря которымъ можно было бы потребовать отъ жениха вышнюю плату за невѣсту.

Вотъ приблизительная цѣна на дѣвушекъ, сообщаемая „Всемирнымъ Путешественникомъ“. За стройную, хоро-

шенькую и здоровую дѣвушку платятъ обыкновенно отъ 100 до 160 текесскихъ тамановъ (4.600 или 6.960 французскихъ франковъ *)). За обыкновенную дѣвушку платятъ отъ 60 до 80 тамановъ; за косую же, глухую, нѣмую или обезображенную оспой платится не болѣе 15 или 20 тамановъ. Такія же деньги даются за болѣе или менѣе хорошенькую невольницу; дѣти послѣдней не признаются наравнѣ съ дѣтьми того же отца отъ другой жены не невольницы и при раздѣлѣ наслѣдства получаютъ меньшую часть.

У большей части кочевниковъ женщины ходятъ безъ покрывалъ, а потому будущему жениху не трудно выбрать себѣ неvěсту. Когда Туркменъ облюбуетъ дѣвушку, то поручаетъ родственницѣ или подругѣ неvěсты условиться въ цѣнѣ съ ея родителями.

Послѣ того, какъ условія приняты обѣими сторонами, призывается мулла, на обязанности котораго лежитъ составить письменный договоръ и назначить счастливый день для свадьбы. Затѣмъ женихъ посылаетъ неvěстѣ подарки, между которыми непременно должны находиться и бараны, закалываемые для свадебнаго пиршества. Въ день, назначенный для совершения брака, палатка неvěсты убирается коврами и войлоками. За неvěстой отправляются обыкновенно въ полдень; если же женихъ бѣденъ и у него нѣтъ средствъ справить свадьбу, то онъ тайкомъ, въ ночное время, привозитъ къ себѣ жену и въ этомъ случаѣ свадьба обходится, конечно, безъ приглашенныхъ. Но въ первомъ случаѣ родственницы жениха, украшенные всѣми находящимися у нихъ драгоценностями, убираютъ трехъ или немного болѣе верблюдовъ коврами и разноцвѣтными кусками матерій, и разукрашенный поѣздъ отправляется за неvěстою въ палатку ея родителей.

*) Франкъ равняется 25 к.; но цѣнность (курсъ) его въ настоящее время равняется 32 к. с.

Мушины раздѣляются при этомъ на два отдѣленія: одни идутъ пѣшкомъ, сопутствуя женщинамъ; другіе, вооруженные какъ для войны, ѣдутъ верхомъ впереди свадебнаго шествія. За нѣсколько шаговъ отъ палатки конные всадники, сдѣлавъ залпъ изъ ружей, вступаютъ въ палатку. Тутъ завязывается родъ борьбы между родственницами и подругами невѣсты и тѣми, которые приходятъ ее взять изъ-подъ родительскаго крова. Невѣста, для соблюденія приличій, должна притворяться, что не желаетъ покинуть родителей..... Когда успѣютъ, наконецъ, вывести невѣсту изъ палатки, ее кладутъ на коверъ и съ этою драгоценною ношей спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ остановились верблюды; здѣсь ее сажаютъ на передоваго верблюда и окружаютъ ближайшими родственниками жениха.—Поѣздъ, съ невѣстой во главѣ, направляется къ брачной палаткѣ, подъѣзжая къ которой, всадники снова дѣлаютъ залпъ изъ ружей. Празднество заканчивается обильнымъ угощеніемъ, во время котораго гремитъ музыка.

Обыкновенно первую недѣлю новобрачная остается въ палаткѣ мужа, но по прошествіи этого срока ее отводятъ къ отцу съ матерью, у которыхъ она живетъ послѣ свадьбы годъ или полтора; въ это время мужу дозволяется изрѣдка и тайкомъ навѣщать ее. По прошествіи установленнаго срока, за молодой приходятъ родственницы ея мужа, и она отправляется къ нему на разукрашенномъ верблюдѣ и болѣе уже не покидаетъ его.

У бѣдныхъ Туркменъ свадебная церемонія менѣе сложна и жена раньше поселяется у своего мужа,—впрочемъ, только въ томъ случаѣ, если за нее будетъ внесень весь выкупъ; если же уплата слишкомъ замедлится, то бываетъ, что родители перепродаютъ свою дочь другому.... При наступленіи срока родовъ, для женщины устраиваютъ ложе изъ песка и около палатки начинаютъ стрѣлять изъ

ружей, такъ какъ у Туркменъ существуетъ повѣрье, что выстрѣлы облегчаютъ роды. При рожденіи мальчика устраивается большое празднество, а при рожденіи дѣвочки справляютъ только вечеринку. Имена даются дѣтямъ, при рожденіи, матерью, которая руководствуется при этомъ первымъ впечатлѣніемъ предмета, понавшагося ей на глаза, наприм. въ родѣ *собачій хвостъ*, *баранья нога* и проч. Иногда имена даются и въ честь мусульманскихъ святыхъ, напр. Али, Мухамедъ и друг.

Когда умираетъ Туркменъ, то его обмываютъ и кладутъ въ палаткѣ на коверъ, вокругъ котораго располагаются женщины, обязанныя голосить и причитать по покойникѣ.

На третій день покойника относятъ на кладбище на носилкахъ, покрытыхъ ковромъ, въ сопровожденіи однихъ только мушинъ. Если же умираетъ глава семейства, то въ его палатку, въ часъ смерти, ежедневно, въ продолженіе года, собираются плакальщицы, которыя поютъ обрядныя жалобныя пѣсни, и къ хору ихъ должны присоединиться всѣ присутствующіе члены семьи. А когда умираетъ кто-нибудь изъ извѣстныхъ предводителей, заслужившій званіе батыря *), то надъ его могилой насыпается курганъ, достигающій иногда 4 или 5 сажень.

Странствующие пѣвцы, музыканты и сказочники пользуются у всѣхъ средне-азіатцевъ большимъ почетомъ.

Училища, или медресе, въ Хивѣ и Туркменіи весьма многочисленны; для устройства и содержанія ихъ, какъ правители, такъ и народъ выказываютъ сильную ревность. Такъ наприм. въ Хивѣ находится нѣсколько большихъ медресе, и особенно славится Медеминъ-ханъ—медресе, двухъэтажное зданіе, построенное въ 1842 году персидскимъ архитекторомъ по образцу персидскаго перворазряднаго

*) Батырь—храбрый, воинственный.

караванъ-сарая. Обученіемъ и образованіемъ народа занимается духовенство, обязанное также чинить судъ и расправу. Но, несмотря на очень большой процентъ грамотныхъ, суевѣріе составляетъ отличительную черту всѣхъ среднеазіатцевъ.

XV.

Мы упоминали уже о кочевомъ населеніи Туркестанскихъ степей, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ осѣдломъ населеніи въ городахъ Туркестана и вообще народонаселеніи Хивинскихъ владѣній.

Въ городахъ Туркестана живутъ Таджики ¹⁾, Сарты ²⁾, Узбеки ³⁾, Индусы, Евреи и Метисы ⁴⁾. Что же касается населенія Хивинскаго ханства, то оно отличается своею разноплеменностью; здѣсь мы встрѣчаемъ: и Узбековъ, и Туркменъ, и Каракалпаковъ, и Киргизъ-Кайсаковъ, и Сартовъ, и наконецъ Персовъ.

1) Таджики говорятъ искаженнымъ персидскимъ языкомъ; они, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, образовались отъ помѣси Персовъ съ Аравитянами въ концѣ VII вѣка.

2) Сарты говорятъ по-тюркски и, въ нравственномъ отношеніи, стоятъ ниже всѣхъ другихъ жителей Туркестана. Въ послѣднее время названіе Сартъ стало ругательствомъ.

3) Узбеки, по преданію, вышли съ рѣки Яика (нынѣшняго Урала) и осѣли въ IX столѣтіи въ западной части Киргизскихъ степей. Свое имя Узбеки производятъ отъ словъ узи-бекъ, самъ себѣ бекъ, т. е. самъ себѣ господинъ (вольный человѣкъ). Въ IX столѣтіи узбеки завладѣли старымъ Ургенчемъ и стали первенствовать въ низовьяхъ Аму-Дарьи. Они занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, презирая всякую торговлю и мѣстныхъ представителей ея—Сартовъ и Таджиковъ. О военныхъ качествахъ Хивинцевъ можно сказать вообще, что они храбры до запальчивости при первомъ натискѣ и удачѣ, но быстро теряютъ отвагу при первомъ твердомъ отпорѣ и становятся обыкновенными среднеазіатскими трусами, тотчасъ же обращающимися въ бѣгство.

4) Метисы—смѣшанные, дѣти европейца и туземки.

Всѣ почти города Средней Азіи по внѣшности очень схожи между собой. Нѣсколько отличается Самаркандъ, гдѣ изъ среды грязныхъ современныхъ жилищъ туземцевъ неожиданно поднимаются прекрасные памятники прошлаго азіатскаго величія и прошлой славы.

Какъ-то странно видѣть, замѣчаетъ г. Гейнсъ, рядомъ съ безобразными камнями глины, изъ которыхъ сложены жилища, высокіе минареты облагороженной формы, легкіе куполы, покрывающіе древнія мечети, остатки богатой мозаики ¹⁾ изъ глазурованныхъ кирпичей на стѣнахъ и соразмѣрность во всѣхъ отношеніяхъ этихъ построекъ. Внутри, во вкусѣ, напоминающемъ сооруженія испанскихъ Мавровъ, стѣны, карнизы и потолки отдѣланы тонкою гипсовою работою, отвѣчающею, какъ нельзя болѣе, темнымъ, высокимъ сводамъ. И вездѣ, куда коснулся современный средне-азіатецъ, видны либо слѣды разрушеній, оставленныхъ бессмысленными войнами, либо грубая рука неумѣлаго обновителя.

Кто строилъ эти мечети? — „Темиръ-ленкъ“, отвѣтитъ вамъ каждый туземецъ. Съ именемъ Тамерлана (по-азиатски Темиръ-ленкъ, желѣзный хромой) средне-азіатцы соединяютъ все великое, непобѣдимое, величественное, геніальное, — значитъ, всякое красивое зданіе непременно построено Тамерланомъ. Хотя въ дѣйствительности далеко не всѣ древнія зданія сооружены имъ, тѣмъ не менѣе, назначивъ свою резиденцію въ Самаркандѣ, Тамерланъ руками плѣнныхъ (вѣроятно Персовъ) украсилъ этотъ городъ нѣсколькими великолѣпными зданіями ²⁾.

1) Мозаика — рисунки, составленные изъ разноцвѣтныхъ или окрашенныхъ камней, мрамора, стекла, а иногда и дерева, — такъ искусно подобранныхъ и скрѣпленныхъ особеннымъ составомъ, что на нѣкоторомъ разстояніи ихъ можно принять за живописные.

2) А. К. Гейнсъ, «Очеркъ Туркестана».

„Въ роскошныхъ мечетяхъ, имъ сооруженныхъ, этотъ человекъ, залившій кровію всю Азію и часть Европы и воплотившій въ своемъ лицѣ всѣ недостатки средне-азіатца, мирно бесѣдовалъ и спорилъ о догматическихъ ¹⁾ истинахъ съ знаменитыми мусульманскими богословами того времени. Теперь большая часть построекъ Тамерлана уже разрушается. Даже великолѣпная мечеть, построенная надъ его могилою, стоитъ полуразрушенная, избитая, изломанная обломками. Только по ея срединѣ, окруженной остатками мраморной рѣшетки тонкой работы, стоитъ, треснувшій пополамъ, массивный кусокъ темнаго камня съ надписями кругомъ изъ Корана. Этотъ камень поставленъ надъ мѣстомъ, гдѣ въ склепѣ покоятся остатки „железнаго хромца“, какъ называютъ Тамерлана наши лѣтописи ²⁾.

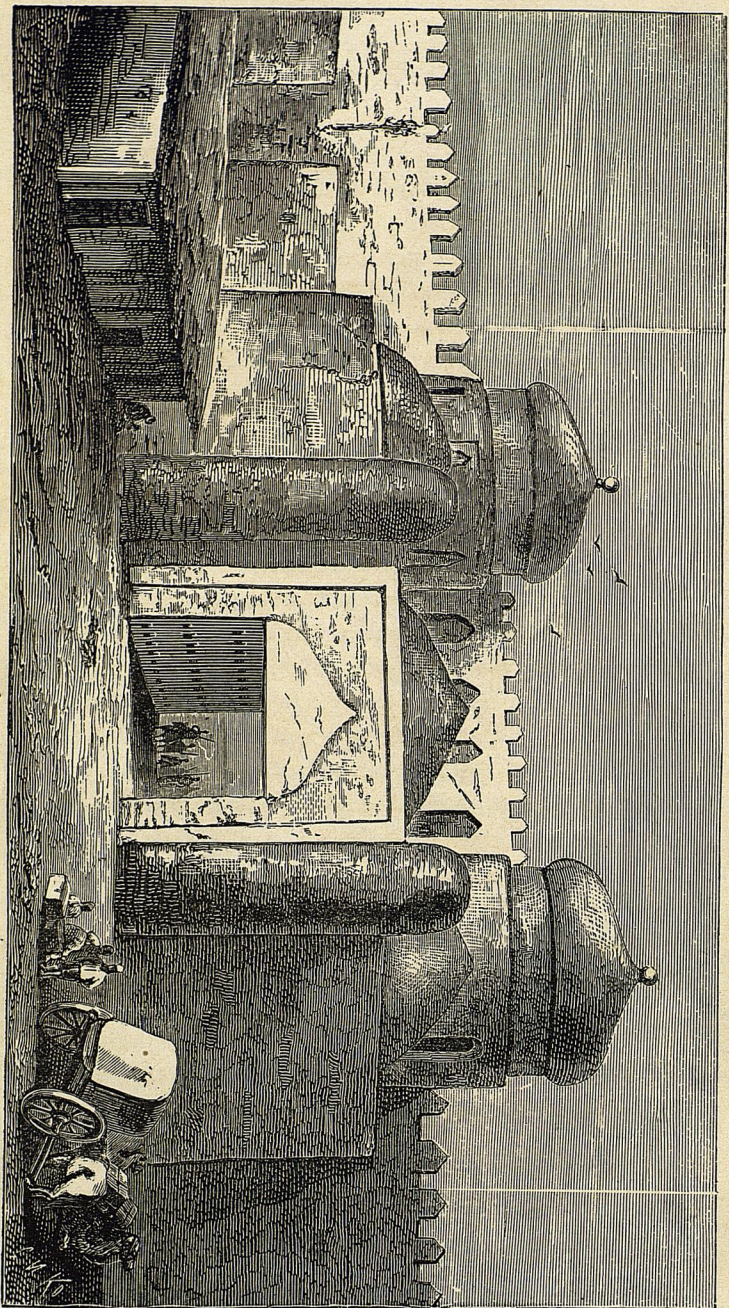
Остальные же города Хивы и Туркменіи въ большинствѣ обнесены глиняными стѣнами, непрочность которыхъ, соединяясь съ недостаткомъ всякаго оборонительнаго вооруженія, не даетъ имъ совершенно никакого военного значенія. Окрестности всѣхъ городовъ, какъ мы уже замѣчали, состоятъ изъ обработанныхъ полей и садовъ, посреди которыхъ разбросаны дома, отдѣльно стоящіе одинъ отъ другаго.

Дома, лавки и городскія стѣны построены во всѣхъ городахъ на одинъ манеръ, только нѣкоторые жилища людей высокопоставленныхъ или богачей отличаются отъ прочихъ величиною своихъ размѣровъ.

Всѣхъ городовъ въ Хивинскомъ ханствѣ Вамбери насчитываетъ 32, но большинство изъ нихъ совершенно ничтожны; въ этомъ очеркѣ мы опишемъ только тѣ, которые сколько-нибудь заслуживаютъ вниманія.

¹⁾ Догматъ или догма—ученіе о вѣрѣ, однажды навсегда принятое церковью и сохраняемое ею.

²⁾ А. К. Гейнсъ, «Очеркъ Туркестана».

Ворота города Хивы.

1. *Хива*, по преданію, основана за три столѣтія до Рождества Христова. Конечно, отъ древняго города не осталось и слѣдовъ, если даже преданіе и справедливо. Арабы въ VII вѣкѣ по Рожд. Хрис., Турки-Сельджуки въ XI и Чингисханъ—бурей пронеслись надъ страной, а землетрясеніе въ 1299 году измѣнило даже видъ Хивинскаго ханства *). Теперешняя Хива, столица ханства, расположена между канавами Инбрикъ и Черджейли. Городъ обнесенъ двумя глиняными стѣнами: одна изъ нихъ окружаетъ главныя части Хивы и образуетъ довольно правильный продолговатый четыре-угольникъ въ 320 саженъ длины и 220 ширины. Стѣна имѣетъ вышины $3\frac{1}{2}$ сажени и толщины 4 внизу, а вверху только $\frac{1}{2}$ аршина. По угламъ возвышаются башни, а въ срединѣ красуются ворота, рисунокъ которыхъ мы здѣсь помѣщаемъ. Другая стѣна построена въ 1842 году, окружаетъ предмѣстья и тянется на разстояніи 6 верстъ 100 саженъ. Въ архитектурномъ отношеніи Хива принадлежитъ къ числу самыхъ жалкихъ городовъ. Улицы въ ней такъ узки, что арба (телѣга) можетъ съ трудомъ проѣхать, а дома—настоящія мазанки, въ потолкахъ которыхъ сдѣланы отверстія для выхода дыма, вмѣсто же оконъ пробиты въ стѣнахъ дырочки, на зиму заклеиваемыя пузыряремъ и бумагою. Высокихъ глиняныхъ домовъ очень немного. Полы поливаются известью даже во дворцѣ хана; вмѣсто украшеній налѣпливаются на стѣны вырѣзанные изъ листового сусальнаго золота разные предметы.

Въ Хивѣ 17 мечетей, 22 медресе (училища) и 260 лавокъ. Противъ ханскаго дворца находится новая большая школа и тутъ же другая старая. Дальше стоятъ три столба изъ жженого кирпича: одинъ изъ нихъ зеленый,

*) «Всемирная Иллюстрація», № 432-й.

сажень въ 12 вышины, другой еще выше, но тоньше и не крашенный, третій же ниже обоихъ. Съ послѣдняго прежде сбрасывали преступниковъ.

Базаръ состоитъ изъ двухъ узенькихъ улицъ, съ лавочками въ сажень ширины и площадью, гдѣ до 1873 года продавали невольниковъ. Дальше съ полверсты идетъ другой базаръ, на которомъ торгуютъ скотомъ.

Ханскій садъ называется Камедіанъ и занимаетъ до 120 десятинъ. При этомъ садѣ находится большой домъ, въ которомъ жилъ когда-то нашъ посланникъ; лѣтомъ въ этомъ саду, во время сильныхъ жаровъ, временно пребываетъ старшій братъ хана. Передъ домомъ красуется большой палисадникъ; въ немъ разсажены цвѣты и фруктовые деревья. Кромѣ этой загородной дачи у хана еще нѣсколько дворцовъ, изъ которыхъ главнымъ считается Арикъ, находящійся въ самой срединѣ города. Онъ представляетъ огромный продолговатый четырехугольникъ, съ безчисленнымъ множествомъ закоулковъ. У самаго входа снаружи стоитъ гауптвахта ¹⁾, гдѣ сторожатъ почапы, часовые; они же и палачи. Внутри находятся помѣщенія для сановниковъ хана и его братьевъ, гаремъ ²⁾, арсеналь ³⁾, конюшни, пороховой погребъ, мечеть, медресе, монетный дворъ, высокая башня съ 2 окнами, откуда виденъ весь городъ, памятникъ дѣду хана, убитому здѣсь Іомудами, помѣщенія для часовыхъ и прислуги и арена ⁴⁾ для боя длиннорогихъ барановъ — любимая забава властителя Хивы наравнѣ съ соколиною охотой. Въ Арикѣ живетъ народу

1) Гауптвахта—главная караульня для солдатъ.

2) Гаремъ—женская половина въ мусульманскомъ домѣ, въ которую изъ мужчинъ могутъ входить только хозяинъ и его дѣти.

3) Арсеналь—зданіе для храненія оружія.

4) Арена—ровное мѣсто, усыпанное пескомъ, на которомъ происходятъ бои разныхъ звѣрей.

очень много: одной ханской прислуги будетъ болѣе 100 человекъ. Менѣ замѣчательнъ другой дворецъ, построенный ханомъ Мухамедъ-Рахимомъ, находится въ восточной части города, близъ воротъ. Архитектурныя формы его некрасивы, а по внутреннему расположенію онъ очень сходенъ съ первымъ. Живутъ въ немъ жены бывшихъ хановъ.

Изъ мечетей замѣчательна мечеть Полванъ-Ата, обязанная сооруженіемъ Мухамедъ-Рахиму, воздвигнувшему ее въ 1811 году. Въ длину она имѣетъ 10 сажень, въ ширину 8 сажень. Куполь ея—изъ зеленыхъ изразцовъ; маковка позолочена; внутренность выложена пестро-голубыми изразцами. Въ мечети два отдѣла: въ первомъ находится гробница Мухамедъ-Рахима, окруженная мѣдною рѣшеткой. По сторонамъ ея—могилы хановъ Ширгазы и Алла-Кули. Во второмъ отдѣленіи, слабо освѣщенномъ чрезъ узкое окно съ желѣзною рѣшеткой, покоится прахъ хивинскаго святаго, Полвана. Гробница его имѣетъ около 2 сажень длины, $2\frac{1}{2}$ аршина ширины и 2 аршина вышины.

Другая мечеть, въ честь Сеить-бая, построена Алла-Кули ханомъ въ 1835 году изъ кирпича и имѣетъ довольно правильные размѣры. Она украшена каменными колоннами и освѣщается большими окнами, но тоже безъ стеколъ. Крыша мечети плоская.

Караванъ-сарай построенъ въ 1823 году при ханѣ Мухамедъ-Рахимѣ, расположенъ въ восточной части города, и одна стѣна его составляетъ часть городской; сложенъ изъ кирпича, правильнымъ четырехугольникомъ, въ два этажа; внутри караванъ-сарая находится площадь, для выгрузки товаровъ; каждый бокъ этого огромнаго склада каравановъ имѣетъ 30 сажень; въ немъ 46 лавокъ въ нижнемъ этажѣ и столько же комнатъ въ верхнемъ для жилья торговцевъ; ворота одни, съ южной стороны.

2. *Куня-Ургенч* — одинъ изъ самыхъ старыхъ, древнихъ городовъ ханства, имѣющій множество развалинъ. О разрушеніи этого города Калмыками существуютъ весьма неясныя преданія. Вновь заселенная часть находится вблизи развалинъ. Лучшимъ зданіемъ считается ханскій домъ съ садомъ, обнесенные глиняною стѣной; домовъ во всемъ городѣ находится не менѣе 40, а лавокъ около 80. Здѣсь находится таможенная застава, на которой, впрочемъ, не досматриваютъ товары, а приводятъ только въ извѣстность число верблюдовъ, тюковъ и проходящихъ купеческихъ каравановъ.

3 *Ургенч*, въ 31 верстѣ отъ Хивы, одинъ изъ значительныхъ городковъ ханства, былъ когда-то обнесенъ четырехъугольною глиняною стѣною, имѣвшею 225 сажень длины и 200 ширины, отъ которой остались только развалины. Городъ застроенъ въ безпорядкѣ глиняными домами, числомъ до 300; въ немъ считается до 15 мечетей и до 300 лавокъ; городское населеніе доходитъ до 2.000 душъ; въ этомъ городѣ живутъ богатѣйшіе хивинскіе купцы, и здѣсь сосредоточивается главная торговля и ремесленная дѣятельность; иноземные купцы производятъ здѣсь закупку товаровъ.

4. *Кунрадъ* — состоитъ изъ ханскаго дома, окруженнаго стариннымъ садомъ, изъ домовъ начальника города и двухъ его помощниковъ; имѣетъ 7 мечетей, 315 лавокъ и нѣсколько частныхъ домовъ; всѣ строенія — глиняныя и не обнесены стѣнами. Въ прежнее время городъ былъ укрѣпленъ и управлялся независимо отъ Хивы, иногда даже дѣлая набѣги на ханство.

5. *Ташаусъ* — укрѣпленъ четырехъугольною стѣною съ круглыми башнями. Длина стѣны 300 сажень.

XVI.

Познакомившись съ городами Хивы, намъ остается упомянуть о самомъ владѣтелѣ ихъ. Хивинскій ханъ есть, въ полномъ смыслѣ слова, неограниченный повелитель и только судебную власть отчасти раздѣляетъ съ духовенствомъ. Ближайшими лицами хана считаются слѣдующіе сановники:

а) *Инагъ*.—Ихъ обыкновенно бываетъ четыре, изъ которыхъ два должны быть ближайшими родственниками хана.

б) *Накибъ*—глава духовенства и всегда избирается изъ сеидовъ, т. е. потомковъ пророка.

в) *Бій*—ближайшій спутникъ хана на войнѣ.

г) *Аталикъ*—родъ государственнаго совѣтника.

д) *Мехтеръ*—родъ великаго визиря; онъ есть главный казначей, завѣдующій всѣми приходами и расходами.

е) *Кушъ-бегъ*.—Онъ раздѣляетъ должность съ мехтеромъ по части сбора податей и наблюдаетъ за расчисткою водопроводовъ.

За этимъ рядомъ главныхъ сановниковъ слѣдуетъ множество чиновниковъ, занимающихъ незначительныя гражданскія и военныя должности.

Теперешній хивинскій ханъ, Сеидъ Мухамель-Рахимъ, человѣкъ слабохарактерный, не любитъ заниматься государственными дѣлами и легко поддается вліянію окружающихъ. Первое мѣсто между ними принадлежало, до нашего покоренія Хивы, ненавистнику Русскихъ, диванъ-беги Мадъ (Мухамеду)-Мураду *), человѣку со способно-

*) Мадъ-Мурадъ, какъ бывший воспитатель хана, имѣлъ на него огромное вліяніе и постоянно пользовался имъ, чтобы возстановлять воспитанника своего противъ Русскихъ. Мадъ-Мурадъ, можно безошибочно сказать, — единственный виновникъ погрома Хивы, который онъ

стями, но корыстолюбивому и жестокому. Подъ его покровительствомъ находилось до 200 разбойниковъ, которые дѣлали набѣги и дѣлили съ нимъ награбленную добычу. Жалобы не доходили до хана, а если кто и жаловался, тому отрубали голову, разбойники же продолжали грабить. Другими лицами, приближенными къ хану, были диванъ-беги Мадъ-Ніазъ, Назаръ-Ярымъ, Кушъ-беги, главный министръ, поставленный на второй планъ ловкимъ диванъ-беги Мадъ-Мурадомъ; мехтеръ, завѣдующій южною половиной степи, дослужившійся до этого званія изъ Персіанъ рабовъ—Полгванъ-Джанъ; мурза-баши—родъ министра иностранныхъ дѣлъ, знающій разные азіатскіе языки. Къ числу совѣтниковъ ханскихъ принадлежитъ также извѣстный наѣздникъ Садыкъ. Впрочемъ, опредѣленнаго назначенія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, хивинскіе министры не имѣютъ и исполняютъ разныя должности по повелѣнію хана.

Изъ родныхъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахима большимъ вліяніемъ нѣкогда пользовался дядя его, впослѣдствіи тоже отдаленный Мадъ-Мурадомъ. Затѣмъ изъ братьевъ онъ особенно любилъ Атаджанъ-Тюру. Это видный, рослый мужчина съ бѣлымъ лицомъ. Впрочемъ, въ послѣднее время ханъ съ нимъ поссорился и не только прогналъ изъ дворца, но и заключилъ въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ народомъ при приближеніи нашихъ войскъ.

У хана 4 жены, 3 наложницы и 3 бачи. Любимая жена накликалъ своими дерзкими, вызывающими дѣйствіями. Народъ его не любилъ за взяточничество и жестокость. Назначенный, вмѣстѣ съ диванъ-беги Мадъ-Ніазомъ, начальникомъ хивинскихъ войскъ, онъ тщетно пытался остановить наступленіе Русскихъ и во всѣхъ пунктахъ былъ разбитъ на-голову. Потерпѣвъ неудачу, онъ бѣжалъ къ Юдамъ вмѣстѣ съ ханомъ и съ нимъ же вмѣстѣ явился въ нашъ лагерь съ повинною. Затѣмъ онъ былъ отправленъ на жительство въ Казалинскъ.

его—Киргизка, а бачи—Персіянинъ Кадамъ-Маіорамъ, юноша лѣтъ 15, весьма красивый. Другіе бачи—Хивинецъ и Бухарецъ.

Мухамедъ-Рахимъ встаетъ и, помолившись, идетъ въ садъ съ своими сыновьями и ихъ товарищами,—словомъ, съ цѣлою ватагой дѣтей мужскаго пола; тамъ онъ гуляетъ, играетъ съ дѣтьми; ему подають разные фрукты и цвѣты; онъ ихъ раздаетъ дѣтямъ, прикалываетъ цвѣты имъ на головы ¹⁾. Потомъ пускають въ садъ воду по его приказанію; онъ садится въ каузъ (яма, гдѣ купаются, оттуда же и пьютъ), на коверъ, на бархатную подушку и предается мечтамъ.

Изъ сада ханъ идетъ въ свой дворецъ, къ женамъ, и тамъ сидитъ почти все утро; потомъ часа въ два отправляется въ судъ—разбирать дѣла и жалобы. Въ лѣтнемъ помѣщеніи судъ творится тутъ же во дворѣ, на которомъ расположены земляные диваны; ханъ садится на одномъ изъ нихъ, на бархатную подушку, приляжетъ на руку для большаго удобства и выслушиваетъ жалобы ²⁾.

Судъ и расправа, какъ мы уже замѣтили, большею частью производятся лично самимъ ханомъ, приговоры котораго немедленно и приводятся въ исполненіе. По отсутствію законовъ, всѣ дѣла рѣшаются по произволу и всегда въ пользу ханской казны. Наказанія, налагаемыя ханомъ, отличаются большою жестокостью. Виновные въ обыкновенныхъ проступкахъ лишаются всего имущества или подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ, а за преступленія приговариваются къ самымъ мучительнымъ истязаніямъ ³⁾. Духовному разбирательству, по Корану, подлежатъ

1) «Всемирн. Иллюстрація», № 242.

2) Тамъ же.

3) У Хивинцевъ существуютъ четыре рода казни: 1) сажаніе на колъ, 2) рѣзаніе, 3) вѣшаніе и 4) зарываніе въ землю, съ побіеніемъ затѣмъ камнями. Сажаютъ на колъ около городскихъ стѣнъ; рѣжутъ, саженихъ

только незначительные проступки, и то по обоюдному соглашенію тяжущихся.

Во время суда и расправы, творимыхъ ханомъ, допускается всякій, а потому повелителю Хивинцевъ приходится весьма нерѣдко выслушивать и улаживать самыя мелочныя семейныя ссоры. Путешественники рассказываютъ, что будто хана весьма занимаетъ, когда какая-нибудь раздраженная чета начинаетъ передъ нимъ спорить и кричать; онъ всячески старается еще больше разжечь ихъ и хохочетъ до слезъ, когда нѣжные супруги начинаютъ передъ нимъ потасовку.

„Ханъ выѣзжаетъ рѣдко, но за то при выѣздахъ сопровождаютъ его всѣ совѣтники и приближенные. Уборъ на ханской лошади—серебряный-вызолоченный; между ушей ея сдѣлано украшеніе изъ конскихъ волосъ, въ видѣ шишака. Къ сѣдлу привязывается пашка и прикрѣпляются два пистолета. Парадная шапка у хана на половину черная, на половину сѣдая—изъ мерлушки; формой она въ родѣ ведра, только пониже, а на верху шапки серебряная вызолоченная толстая шпилька (въ родѣ шпинька), загнутая на стороны и оканчивающаяся змѣиными головами, а на кончикѣ шпильки, между змѣиныхъ головъ, торчитъ конскій волосъ шишакомъ. Халатъ парадный—парчевой съ золотомъ и серебромъ; ханъ надѣваетъ сверху нѣсколько шелковыхъ халатовъ и подпоясывается шелковыми же поясами“ *).

въ 30 или 50 отъ ханскаго дворца, у особой ямы, при чемъ горло перерѣзываютъ такъ, чтобы голова держалась на клочкѣ кожи; вѣшаютъ на базарѣ, подтягивая преступника отъ земли къ верхней перекладинѣ висѣлицы посредствомъ петли, надѣтой ему на шею; зарываютъ въ землю только однѣхъ невѣрныхъ женъ по поясъ и затѣмъ побиваютъ и забрасываютъ комами глины, за неимѣніемъ камней.

*) «Всемирн. Иллюстрація», № 242.

При отправленіи на богомолье, ханъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ, покрытомъ парчевою попоной. Во время всякой поѣздки впереди бѣгутъ нѣсколько человѣкъ, которые извѣщаютъ о приближеніи своего повелителя. За ханомъ обыкновенно слѣдуютъ еще человѣкъ 10—15 съ колокольчиками и разными погремушками....

XVII.

Въ началѣ 1873 года нашимъ правительствомъ рѣшено было, наконецъ. дѣйствовать оружіемъ противъ Хивинскаго ханства. Движеніе нашихъ войскъ въ Хиву по безплоднымъ и песчанымъ пустынямъ и подъ раскаленнымъ полуденнымъ солнцемъ—есть одинъ изъ небывалыхъ по своей трудности походовъ. Почти невозможно съ полною точностью передать все то, что было перенесено нашими превосходными войсками въ этомъ тяжеломъ, по своимъ климатическимъ условіямъ, походѣ.

Наступленіе на Хиву предположено было произвести съ трехъ сторонъ. Со стороны Ташкента 1-го марта выступилъ Джизакскій отрядъ, состоявшій подъ командою генералъ-майора Головачева. Изъ Казалинска и форта Перовскаго двинулся другой отрядъ, Казалинскій, подъ начальствомъ полковника Голова; эти два отряда должны были въ послѣдствіи соединиться между собою и составить одинъ, подъ именемъ Туркестанскаго. Главное начальство надъ ними принималъ самъ главнокомандующій экспедиціей, генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

Съ другой стороны, наступленіе производилось третьимъ отрядомъ отъ Оренбурга, и къ этому отряду, выступившему еще въ началѣ января, должны были присоединиться войска, посланные съ Кавказа, подъ командой полковника

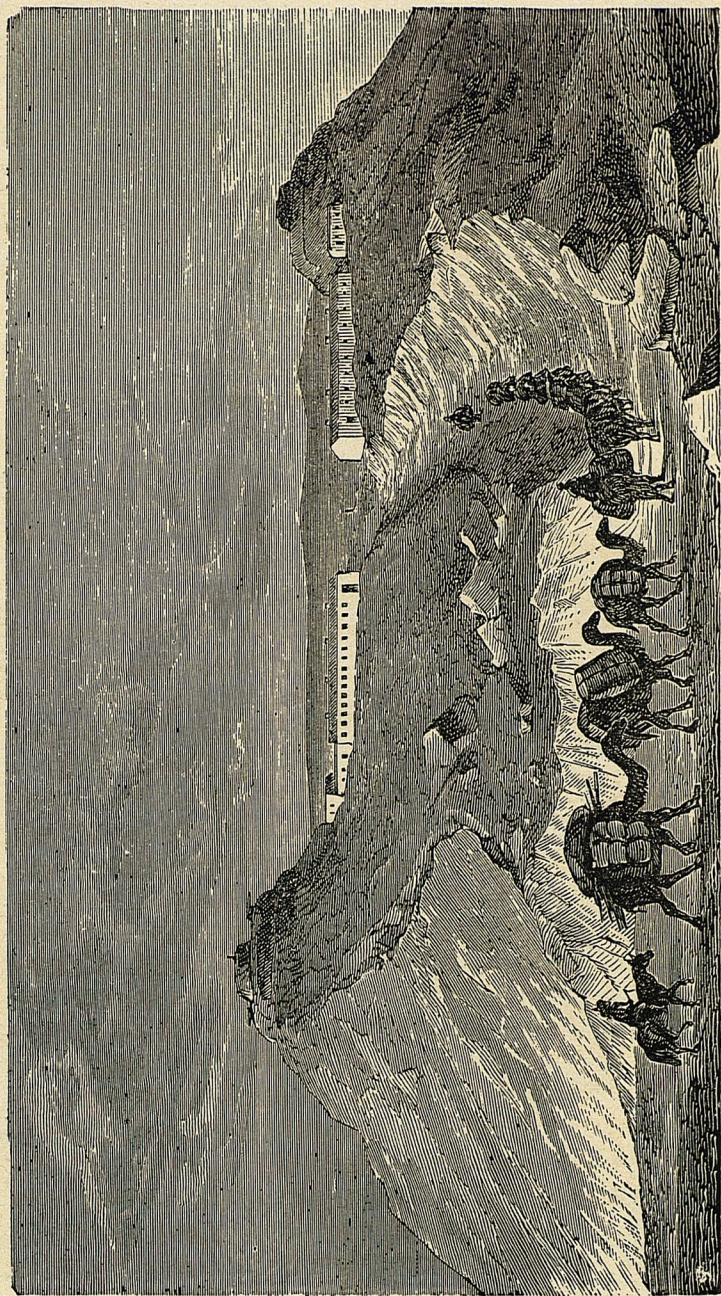
Ломакіна. Главное начальство надъ Оренбургскимъ отрядомъ было ввѣрено военному губернатору и командующему войсками Уральской области, генералъ-лейтенанту Вереvкинy.

Кромѣ того былъ посланъ подъ командою полковника Маркозова отрядъ изъ Красноводска.

Дѣйствию всѣхъ нашихъ войскъ должна была помогать Аральская флотилія, состоявшая изъ 2-хъ пароходовъ и 2-хъ баржъ.

Въ числѣ участвующихъ въ экспедиціи находились Ихъ Высочества Великій Князь Николай Константиновичъ и Герцогъ Лейхтенбергскій Евгенийъ Максимиліановичъ. Во всѣхъ трехъ отрядахъ считалось 12.114 человекъ при 44 орудіяхъ и 17 ракетныхъ станкахъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію движенія нашихъ отрядовъ, мы познакомимъ читателей съ дорогами и нашими укрѣпленіями по пути къ Хивѣ. Одна изъ главныхъ степныхъ дорогъ направляется отъ Илецкой-Защиты на укрѣпленія Акъ-Тюбе и Эмбенское; послѣднее уже упоминалось при описаніи неудачнаго похода Перовскаго. Мы поставили слово *дороги* и спѣшимъ объяснить. Подъ именемъ путей въ степяхъ, окружающихъ Хиву, должно разумѣть отнюдь не то, что разумѣютъ вообще подъ этимъ словомъ. Путей тамъ нѣтъ, а есть только извѣстныя, болѣе торныя направленія отъ одного урочища или форта къ другому, по которымъ съ бѣльшимъ или меньшимъ удобствомъ совершается движеніе. Въ 176 верстахъ отъ Илецкой-Защиты, т. е. отъ границы Европейской Россіи къ югу, почти на полпути въ Эмбенскій постъ, построено въ 1869 году Акъ-Тюбенское укрѣпленіе. Оно расположено между двумя природными батареями — холмами, и тутъ именно сосредоточены квартиры офицеровъ, казармы и лазаретъ. Гора носитъ названіе Акъ-Тюбе по свойству своего грунта,

АКЪ-ТЮБИНСКОЕ УКРѢПЛЕНІЕ.

что значить *бывшая юра*. Въ центрѣ укрѣпленія—площадь; за казармами тянутся конюшни, маркитанскія помѣщенія и сложенъ въ бунтахъ провіантъ. Расположенное по рѣкѣ Илеку, укрѣпленіе, въ ожиданіи экспедиціи 1873 года, приняло, мало-по-малу, болѣе широкіе размѣры; прежнія, небольшія зданія уступили мѣсто болѣе крупнымъ, воздвигнута церковь и даже планированъ городъ. Прежнія, старыя постройки были, какъ и въ большинствѣ степныхъ укрѣпленій, сложены изъ воздушнаго кирпича ¹⁾.

По пути отъ Акъ-Тюбе къ Эмбенскому посту, близъ рѣки Темира, въ 12 верстахъ отъ подошвы горы Босага, находится могила Илишеса, извѣстнаго киргизскаго богатыря. На довольно видномъ, крутомъ возвышеніи, на самой вершинѣ его, сложена эта могила, въ видѣ небольшой крѣпостцы съ четырьмя башенками, изъ известковаго камня. Вокругъ этой центральной могилы виднѣются нѣсколько другихъ простыхъ киргизскихъ могилъ; это—груды камня, по большей части желѣзняки, сложенные конусами или цилиндрами, съ внутреннею пустотой. Внутренность могилы незамысловата. Входишь сквозь маленькія двери, ниже роста человѣка, подъ сводчатый потолокъ; свѣтъ проходитъ изъ маленькаго оконца; помѣщеній нѣсколько. Въ срединѣ перваго помѣщенія видна самая гробница, состоящая изъ нѣсколькихъ известковыхъ плитъ, и надъ ними нѣчто въ родѣ каменнаго саркофага ²⁾. Въ Киргизскихъ степяхъ это чуть ли не единственный саркофагъ. У подошвы холма есть два колодца съ прѣсною водой, и про-

¹⁾ «Всем. Плюстр.».

²⁾ Саркофаги—такъ назывались каменные гробницы, въ которыя влагались останки знатныхъ особъ въ Римѣ. Саркофаги ставились на поверхности земли и имѣли отверстіе въ крышѣ, чрезъ которое родственники покойнаго справляли тризну, орошали прахъ его виномъ и спускали внутрь зажженные лампы.

ходящіе здѣсь отряды устраиваютъ, благодаря имъ, свои привалы у могилы киргизскаго богатыря.

Эмбенскій постъ, или укрѣпленіе, расположено въ 411 верстахъ отъ Илецкой-Защиты, на рѣкѣ Эмбѣ. Онъ возобновленъ лѣтъ 10 тому назадъ и расположенъ на глинистой горѣ, командующей окружающею мѣстностью, называемою Киргизами Альгельды; постъ обнесенъ съ трехъ сторонъ глинянымъ валомъ и довольно глубокимъ рвомъ; въ немъ собственно помѣщается комендантскій домъ, лазаретъ и нѣсколько офицерскихъ квартиръ. За главнымъ валомъ расположены казармы, приспособленныя къ оборонѣ; онѣ построены изъ воздушнаго кирпича; тутъ же сложенъ въ бунтахъ провіантъ, и мѣсто это, со стороны вѣзда въ постъ, защищено небольшимъ валикомъ.

Эмбенскій постъ до настоящаго времени—самое передовое изъ всѣхъ степныхъ укрѣпленій и образуетъ лѣвый флангъ ихъ. Укрѣпленія эти тянутся отъ Мугожарскихъ горъ до озера Мазше, близъ устья рѣки Эмбы. Въ зимнее время Эмбенскій постъ совершенно отрѣзанъ отъ всякихъ сообщений съ Оренбургскою линіей, но и въ остальное время года правильныхъ сообщений нѣтъ. Переписка пересылается съ конными Киргизами Чабарами. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ массы снѣга совершенно погребаютъ укрѣпленіе, а бураны и вьюги бываютъ такъ сильны, что часовыхъ приходится привязывать къ столбамъ *). Рѣка Эмба отличается горько-соленою водою, и для потребностей гарнизона существуетъ два колодца, расположенныхъ въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленія, такъ что въ случаѣ блокады постъ останется совершенно безъ воды.

*) «Всемирн. Пллюстр.».

Лагерь и складъ провіанта близъ Эмбенскаго поста.

XVIII

Разсматривать дѣйствія каждой колонны въ отдѣльности намъ не позволяетъ мѣсто, а потому мы сообщимъ только о выдающихся дѣйствіяхъ Туркестанскаго отряда и о соединеніи съ нимъ Оренбургскаго.

Походъ 1873 года отмѣченъ былъ небывалою особенностью, именно той, что войскамъ, слѣдовавшимъ въ Хиву, отстоящую чуть не на тысячу верстъ, по голоднымъ, безводнымъ и песчанымъ степямъ, пришлось имѣть съ собою запасы всякаго довольствія до самой Хивы, какъ для себя, такъ и для животныхъ, въ провіантѣ, фуражѣ и проч.; необходимо было даже имѣть воду для безводныхъ переходовъ, быть-можетъ, простирающихся до ста верстъ.

Медицинская часть всѣхъ отрядовъ устроена была прекрасно; при дѣйствующихъ войскахъ учреждены военно-походные лазареты, которые снабжены были въ достаточномъ количествѣ необходимыми госпитальными вещами, медикаментами и хирургическими инструментами, и сверхъ того особымъ значительнымъ запасомъ медицинскихъ и гигиеническихъ принадлежностей. Для сохраненія здоровья и поддержанія силъ людей въ далекомъ степномъ походѣ туркестанскія войска были снабжены чаемъ и сахаромъ, кибитками и переносными палатками, а для подстилки и укрытія во время сна на ночлегахъ—кошмами. Наконецъ, для перевозки больныхъ и раненыхъ приспособлены носилки, которыя помѣщались по двѣ на каждого верблюда.

Съ 1-го марта, войска, назначенныя въ походъ изъ Ташкента, начали выступать; условлено было на рѣкѣ Клы соединиться и ожидать прибытія главнокомандующаго.

12 марта Туркестанскій отрядъ сосредоточился по близости города Джизака. Войска расположились лагеремъ на

обширной равнинѣ, окаймленной съ юга-запада Нуратинскимъ хребтомъ. Равнина эта прорѣзывается небольшою рѣчкой Клы, на лѣвомъ берегу которой расположился лагерь, а на правомъ устроенъ былъ обширный базаръ изъ жителей города Джизака, торгующее населеніе котораго почти все переселилось къ лагерю для снабженія русскихъ войскъ всѣмъ необходимымъ. Во время стоянки на р. Клы ежедневно перепадали дожди, но, что всего хуже, по временамъ дулъ изъ Нуратинскихъ горъ холодный, порывистый вѣтеръ, подчасъ сносившій палатки. 12 же числа прибыло въ лагерь и бухарское посольство, во главѣ котораго находился почтенный старикъ Яхъя-ходжа, уже нѣсколько разъ бывавшій, въ качествѣ посланца, въ нашихъ владѣніяхъ. Бухарское посольство ожидало приѣзда генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, который прибылъ въ лагерь на Клы того же числа передъ вечеромъ. Принявъ почетный караулъ, главнокомандующій принялъ затѣмъ бухарское посольство. Глава посольства сообщилъ, что бухарскій эмиръ, узнавъ о возвращеніи генералъ-губернатора, обрадовался и послалъ выразить ему эту радость и поздравить его съ счастливымъ возвращеніемъ. Затѣмъ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману представлялись депутаціи отъ различныхъ городовъ и различныхъ сословій туземцевъ Зеравшанскаго округа. Депутаціи подносили хлѣбъ-соль и выражали радость видѣть генерала Кауфмана возвратившимся изъ Петербурга въ добромъ здоровьѣ. Главнокомандующій чрезвычайно ласково обошелся съ представителями туземцевъ и передалъ имъ отъ имени Государя Императора благодарность за тихую, спокойную и хорошую жизнь. Такая же благодарность передана генераломъ Кауфманомъ и другимъ туземцамъ, во время проѣзда по пути изъ Казалинска. 13 марта весь день шелъ проливной дождь, а къ ночи выпалъ глубокій

снѣгъ и наступилъ морозъ, доходившій къ утру до 4 градус. 20 марта главная квартира со 2-мъ эшелономъ Туркестанскаго отряда прибыла на Темиръ-Кабукъ—урочище или, правильнѣе, ущелье съ ручьемъ того же имени, въ Нуратинскихъ горахъ. Сюда, на другой день, во время дневки эшелона, прибылъ изъ бухарскихъ владѣній зіутдинскій бекъ, Астана куль-Токсаба, со свитою. Онъ привѣтствовалъ генерала Кауфмана отъ имени своего повелителя и привезъ съ собою богатые подарки. Къ вечеру того же дня пріѣхалъ въ лагерь и нуратинскій бекъ, Абду-фалиль-бій, также съ привѣтствіемъ и подарками отъ эмира, сообщившій, что онъ намѣренъ сдѣлать почетную встрѣчу туркестанскому генералъ-губернатору на ст. Балта-Салдыръ, въ одномъ переходѣ отъ Темиръ-Каука, куда генералъ-адъютантъ Кауфманъ предполагалъ выступить 22 марта. Во все время движенія эшелоновъ отъ Клы до Темиръ-Каука, по предгорьямъ Нуратинскихъ горъ, на протяженіи 127 вер., погода стояла холодная; дулъ съ горныхъ вершинъ и ущелій сильный, порывистый вѣтеръ и шли частые дожди. Вѣтры и дожди—явленіе обыкновенное въ горахъ въ весеннее время. Выступая изъ Темиръ-Каука, отрядъ оставлялъ горы и выходилъ на равнину или, правильнѣе, въ степь, извѣстную подъ именемъ Кызыль-кумовъ (красные пески). Грунтъ изъ каменистаго началъ дѣлаться глинисто-песчанымъ, а вскорѣ и совсѣмъ сдѣлался песчанымъ. Тотчасъ по выходѣ эшелона изъ ущелья, взору открылась безбрежная пустыня, окаймленная съ юго-запада Нуратинскими горами, а на сѣверо-востока сливающаяся съ небосклономъ. Особенно жестокій вѣтеръ преслѣдовалъ 3 эшелонъ на Учъмъ, на второмъ переходѣ отъ Клы, гдѣ имъ поснесены почти всѣ палатки, и какъ нижніе чины, такъ и офицеры провели ночь безъ сна, въ погонѣ за своими вещами. Вступая въ степь, от-

рядъ рассчитывалъ избавиться отъ вѣтра и дождей. И дѣйствительно, дожди больше почти не беспокоили, но вѣтеръ гнался точно по пятамъ и причинялъ много новыхъ непріятностей. Песокъ и пыль, взрывааемые вѣтромъ, набивались въ носъ и глаза, причиняя тягостное ощущеніе. Не доходя версты двѣ до колодца Балта-Салдыръ, нуратинскій бекъ, видный мужчина, въ парчевомъ халатѣ и зеленой кашемировой шали, на красивомъ аргмакѣ, выѣхалъ съ своею свитою на встрѣчу генералу Кауфману. У колодца уже были выставлены Бухарцами юрты, и кочевники окрестностей привезли на продажу топливо, лепешки, табакъ, изюмъ и проч., такъ что пустынное мѣсто возлѣ колодца походило издали на городокъ. Главнокомандующій былъ введенъ въ роскошную юрту, разставленную Бухарцами, которые угощали какъ его, такъ и его свиту, по туземному обычаю, обильнымъ достарханомъ *). Въ то же самое время генераль-адъютанту Кауфману были доставлены и новые подарки отъ эмира (лошади, шелковыя матеріи и проч.). Въ числѣ приношеній нуратинскаго бека слѣдуетъ упомянуть о 10.00 снопахъ дженушки (родъ клевера) и объ ячменѣ. Заботливость и предупредительность Бухарцевъ простиралась до того, что они заявили готовность выставить нѣкоторое количество верблюдовъ. Такъ какъ до Темиръ-Каука многіе изъ нашихъ верблюдовъ пали, а другіе сильно ослабѣли, то необходимо было освѣжить запасъ верблюдовъ, почему главнокомандующій весьма охотно согласился на любезное предложеніе Бухарцевъ, доставившихъ русскому отряду нѣсколько десятковъ верблюдовъ.

Со времени выступленія Джизакскаго отряда въ Кизыль-кумскую степь, движеніе его приняло другой характеръ.

*) Пилавъ, чай, миндаль, изюмъ и другія сласти.

Тутъ уже не только обильныхъ ручьевъ, но даже и скудныхъ не предвидѣлось. Приходилось довольствоваться колодцами, вырытыми кочевниками для своего употребленія.

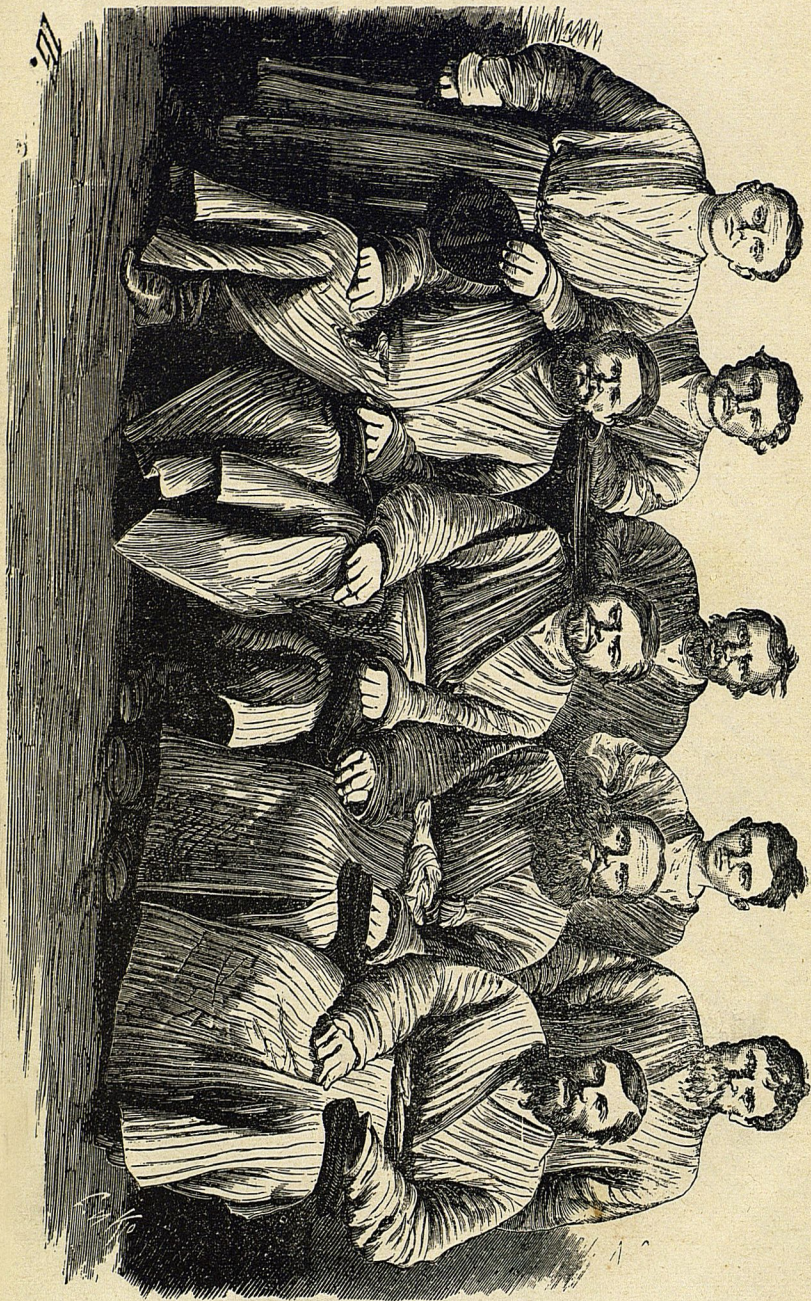
Колодцевъ въ Кизыль-кумской степи множество: они одни только и оживляютъ эту безпріютную, мертвенную пустыню, доступную для обитанія только однимъ кочевникамъ, такъ какъ хлѣбопашество здѣсь положительно невозможно. Колодецъ средней глубины вырывается четырьмя человѣками въ теченіе цѣлой недѣли работы. Стоимость его на наши деньги равняется, приблизительно, 200 руб. Названіе колодца дается либо по имени человѣка, иждивеніемъ котораго онъ вырытъ, либо по имени урочища, по цвѣту воды, грунта и проч. Дорогъ между колодцами не существуетъ, почему войска наши шли отъ одного ночлега къ другому просто степью, руководимые офицерами генеральнаго штаба, имѣвшими въ своемъ распоряженіи проводниковъ изъ туземцевъ. Величина переходовъ обусловливалась разстояніемъ между колодцами, почему случались переходы въ 35 и 40 верстъ, и въ то же самое время были переходы малые, въ 15 и меньше верстъ.

Кизыль-кумская степь, почти на всемъ протяженіи, пройденномъ отрядомъ,—песчаная, мѣстами ровная, мѣстами волнистая или бугристая, почти повсемѣстно поросшая полынью (по киргизски джужанъ), между которою попадаются иногда и другія травянистыя растенія, свойственныя упомянутой степи. За неимѣніемъ травы, джужанъ, до нѣкоторой степени, замѣняетъ подножный кормъ для лошадей и верблюдовъ. Хотя недостатка въ этомъ кормѣ не ощущалось; но, вслѣдствіе подчасъ большихъ переходовъ по песчаному грунту и недостаточной питательности джужана, лошадямъ и верблюдамъ приходилось трудно. Лошади, особенно артиллерійскія, сильно спали съ тѣла. Для облегченія орудійныхъ и ящечныхъ лошадей, почти во все время

движенія отъ Темиръ-Каука до колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ, приходилось припрягать лишнихъ лошадей. Верблюды испытывали еще больше невзгодъ. Истощенные зимнею безкормицей, они обречены были на перевозку тяжестей, что, при недостаточномъ кормѣ, вліяло разрушительно на ихъ и безъ того ослабѣвшій организмъ. Вотъ причина, почему животные эти часто падали, и не только подъ тяжестью выюка, но даже зачастую облегченныя, идя уже безъ всякаго груза. Отъ колодцевъ Балта-Салдыръ (гдѣ войска раздѣлись на полуэшелоны) до колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ и Аякъ, гдѣ они стянулись въ два эшелона, люди сдѣлали: сосредоточившіеся на первыхъ колодцахъ — пять переходовъ, а сосредоточившіеся на вторыхъ — четыре перехода.

На ночлегахъ отрядъ располагался со всѣми военными предосторожностями, такъ какъ во всякое время можно было ожидать нападенія степныхъ хищниковъ; а это также утомляло войска. Независимо отъ трудностей въ пути и службы на ночлегахъ, люди испытывали и другое неудобство. Погода почти все время не благопріятствовала отряду. Сильные вѣтры, взметавшіе песокъ и засыпавшіе имъ глаза, дожди и наконецъ холода чередовались одинъ другими и преслѣдовали нашъ отрядъ. Дневные холода смѣнялись иногда ночными морозами, доходившими до 3 градус., какъ это случилось въ ночь на 30 марта. Холодъ и морозъ войска переносили легко, такъ какъ, во-первыхъ, не было недостатка въ топливѣ, для котораго служилъ тотъ же самый джузанъ и другія степныя травы, а во-вторыхъ, они снабжены были перевозными палатками и теплыми войлоками (кошмами).

Для поддержанія правильныхъ и постоянныхъ сношеній дѣйствующаго противъ Хивы отряда съ Ташкентомъ и вообще съ русскими областями, по приказанію главнокоман-

дующаго и по распоряженію военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области, учреждено было почтовое сообщеніе въ тылу отряда.

XIX.

Во время движенія Джизакской колонны, получено было донесеніе изъ Казалинска о прибытіи туда посланца хивинскаго хана съ письмомъ отъ послѣдняго и съ бывшими въ Хивѣ русскими плѣнными *). Всѣхъ плѣнныхъ, высланныхъ изъ Хивы, какъ извѣстно, 21 человекъ: 4 оренбургскихъ казака, 7 уральцевъ, 1 рядовой оренбургскаго линейнаго батальона, 5 мѣщанъ и 4 крестьянина.

Всѣ они взяты были въ плѣнъ одновременно, при различныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстахъ въ продолженіе 1869—1870 годовъ. Изъ нихъ Бурнашевъ и Зотовъ захвачены въ 1869 г. въ Оренбургской степи, когда они продавали тамъ Киргизамъ товары изъ Оренбурга; казаки Штиновъ и Воротинцевъ взяты въ плѣнъ киргизскими шайками въ 1869 г., въ бытность ихъ смотрителями на станціяхъ Джулюсь и Кара-Кудукъ (Казалинскаго уѣзда, Сыръ-Дарьинской области). Казаки Уральскаго войска: Долбленовъ, Гузиковъ, Солодовниковъ, Поповъ и Дурмановъ—взяты въ плѣнъ въ 1870 году, въ отрядѣ полковника Рукина. Рядовой Нейсебулинъ схваченъ шайкою вблизи укрѣпленія Масше, ночью, во время пастбы обозныхъ лошадей. Казаки Оренбургскаго войска: Черныхъ и Романъ Сухоруковъ—взяты въ плѣнъ близъ Уральскаго укрѣпленія, въ 1869 г., во время охраненія ими сотеннаго табуна. Затѣмъ остальные лица захвачены во время рыболовства въ Каспійскомъ морѣ, близъ Александровскаго порта. По болѣе или менѣе однообразнымъ показаніямъ

*) Изъ которыхъ портреты девяти мы здѣсь и помещаемъ.

бывшихъ русскихъ плѣнныхъ, все они, въ большинствѣ случаевъ, измѣнически выданы были, своими же рабочими Киргизами, Адаевцамъ, а ими отведены въ Хиву (до которой ихъ вели или везли скованными по рукамъ и ногамъ). Тамъ продавали ихъ преимущественно самому хану, по 500 рублей за cadaго. Съ большею частью плѣнныхъ, въ началѣ плѣненія, обходились крайне жестоко и грубо — главнымъ образомъ за незнаніе ими хивинскаго языка, такъ какъ Хивинцы почти совсѣмъ не понимаютъ по-киргизски; нѣкоторыхъ же заставляли принять магометанство, обѣщая дать женъ.

Свиданіе плѣнныхъ съ своими соотечественниками расскажемъ со словъ очевидцевъ *). 20 марта явился въ Казалинскъ передовой отъ хивинскаго посольства, слѣдовавшаго въ Казалинскъ, и заявилъ, что съ посольствомъ идутъ наши плѣнные, 21 человекъ. Вслѣдствіе этого была послана полусотня оренбургскихъ казаковъ убѣдиться въ дѣйствительности заявленнаго и приконвоировать слѣдовавшихъ въ Казалу. 22 числа, съ ранняго утра, на крышахъ домовъ стояли любопытные, и большинство жителей города, въ особенности азіатскаго, отправилось къ переправѣ черезъ р. Дарью—въ Кара-Тюбе. Вечеромъ, при закатѣ солнца, наконецъ показалась куча всадниковъ, впереди которыхъ и позади ѣхали казаки, а около всякіе верховые изъ городскихъ разночинцевъ. Всю эту массу конныхъ сопровождала бѣгомъ толпа любопытныхъ. Посольство состояло изъ посланника и 20 человекъ свиты. Посланникъ ѣхалъ верхомъ на высокомъ коронѣ туркменскомъ аргмакѣ, въ высокой черной мерлушковой шапкѣ, верблюжьяго сукна халатѣ и бѣлыхъ валенкахъ. На конѣ была серебряная дорогая сбруя со всевозможными украшеніями. Конвой, въ черныхъ суконныхъ, очень гру-

* Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ разныхъ газетъ за 1873 годъ.

баго качества халатахъ, съ охотничьими ружьями за плечами, при шашкахъ, въ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, какія носятъ только Каракалпаки и Хивинцы. Вся масса конныхъ подѣхала къ уѣздному управленію города; нѣсколько человѣкъ изъ свиты посланника соскочили съ лошадей и сняли съ подобающею церемоніей тучнаго посланника, а онъ, для большей важности, оставался недвижимъ. Купцы Хивинцы, проживавшіе въ Казалинскѣ и привѣтствовавшіе своего посла, съ благоговѣніемъ поцѣловали у него руку и подержались за его халатъ, потомъ подъ руки ввели въ отведенныя для него въ домѣ того же управленія комнаты. На улицѣ собралась большая толпа любопытныхъ, чуть ли не весь городъ; тутъ же остались казаки, конвой и свита посланника. Въ толпѣ шли разговоры о прибывшихъ. Въ то же время въ одной изъ комнатъ, отведенной для посольства и устланной кошмами, помѣщалось нѣсколько Хивинцевъ изъ свиты посланника и тутъ же было сложено оружіе, запасы провизіи и вещи; въ другой, на коврѣ, поджавши ноги, сидѣлъ самъ посланникъ въ пестромъ серебристомъ халатѣ и въ той же высокой шапкѣ, въ которой ѣхалъ верхомъ, а по двумъ другимъ сторонамъ комнаты, около стѣнъ, въ такихъ же позахъ, какъ и посланникъ, помѣщались его приближенные—человѣкъ до 8-ми. Лицо посланника было совершенно другаго типа, чѣмъ всѣ приближенные въ его свитѣ. Онъ былъ кровный Узбекъ, красивый, съ довольно тонкими чертами лица мужчины, лѣтъ подъ 40, краснощекій, и не имѣлъ того чернаго цвѣта лица, которымъ отличались другіе изъ его свиты. Онъ имѣлъ небольшіе черные усы и рѣдкую бороду. Передъ нимъ стоялъ на кошмѣ большой подносъ, наполненный волошескими орѣхами, миндалемъ, фисташками и т. п.: это—дары его соотечественниковъ, хивинскихъ купцовъ, жившихъ въ Казалѣ. Вся

группа сидящихъ освѣщалась двумя свѣчами, поставленными на полъ. Посланника спросили черезъ переводчика, сколько дней они ѣхали изъ Хивы.—Тридцать, отвѣчалъ онъ. Затѣмъ спросили объ его здоровьи. Отвѣтъ былъ удовлетворительный, но, кажется, было нарушено приличіе: прежде слѣдовало спросить о здоровьи, а потомъ о дорогѣ. Посланникъ пилъ чай изъ большой чашки, въ родѣ полокательныхъ, и потомъ ее передавалъ приближеннымъ. Всѣ хранили полное молчаніе. Послѣ чая, его секретарь, молодой парень, юноша еще, недурный собою, подаль посланнику чилимъ (кальянъ). Въ числѣ конвоя были юноши—бачи. Въ другую комнату правленія собралось много публики, любопытныхъ изъ привилегированныхъ лицъ, власти и т. д.; были конечно и дамы, и всѣмъ хотѣлось увидѣть скорѣе плѣнныхъ. Но вотъ и плѣнный: вошелъ молодой парень въ халатъ, голова бритая, смѣется. Кругомъ посыпались самые разнообразныя разпросы; потомъ явился другой, третій и наконецъ всѣ 21 человекъ.

— Да какъ же тебя взяли? спрашивали перваго вошедшаго плѣннаго.

— Да какъ мы доносили со станціи, значитъ, не можно молъ намъ оставаться здѣсь, да и ждемъ отвѣта изъ Казалы, а тутъ меня и сгребли.

Плѣнныхъ начали записывать по одному.

— Какъ жили въ Хивѣ? спрашиваютъ.

— Да какъ! Кто лѣнивъ только, тотъ и не бьетъ, а то всякій, въ особенности первое время, пока не обзнакомился; потому онъ тебѣ говорить, а ты ему туда-сюда—ничего не понимаешь, а онъ посмотритъ, посмотритъ, плюнетъ въ лицо и потомъ зачнетъ палкой дубасить.

— А много тамъ народу въ плѣну?

— Нѣтъ, насъ немного было, а Персіянъ много, тысячъ

съ двадцать будетъ. Какъ узнали они, плѣнные Персіяне, что Русскіе идутъ въ Хиву, что радости было: потому Персіяне сейчасъ взбунтуются, рѣзать начнутъ Хивинцевъ, какъ только Русскіе близко подойдутъ. Какъ пришелъ хивинскій посланникъ изъ Англіи (годъ и 3 мѣсяца онъ ходилъ), такъ насъ снаряжать стали, часу не держали, а то все не вѣрили, все думали—не пойдутъ Русскіе на Хиву.

— А тебя гдѣ взяли? спрашивали бородатаго казака,

— Я рыбу ловилъ на Каспійскомъ морѣ, у форта Александровскаго; сами работники Киргизцы и продали, руки скрутили. Я и не думалъ, и въ умѣ у меня этого не было.

— Ну, а Русскихъ ждуть въ Хивѣ?

— Какъ снѣгъ на голову имъ Русскіе,—у нихъ ничего нѣту. Изъ пушки въ прошломъ году стрѣляли,—ну, и народу много поубивали. Пушку ихъ разорвало послѣ того, такъ и бросили ее гдѣ-то въ кузницѣ и стрѣльбы не было. Порохъ у нихъ, что у насъ дробь—въ горохъ.

— А ты гдѣ жилъ въ Хивѣ? спрашиваютъ у молодого плѣннаго казака.

— Я жилъ въ саду, большой садъ, фрукта всякая... Но тутъ разспросы должны были прекратиться, такъ какъ плѣнныхъ поставили во фронтъ, въ два ряда; у кого была борода, у кого нѣтъ еще,—головы бритыя тоже не у всѣхъ.... Но всѣ плѣнные были въ одинаковыхъ халатахъ, а у другихъ еще и полушубки сверху, у всѣхъ одинаковыя хивинскія мохнатыя шапки,—словомъ, въ костюмахъ полное однообразіе.

Явился секретарь посланника, молодой Хивинецъ, тотъ самый юноша, который подавалъ ему чилимъ; онъ прѣважно, въ халатѣ и въ своей большой мохнатой шапкѣ, ходилъ по фронту плѣнныхъ и считалъ ихъ пальцемъ. „Кого нѣтъ?“ спрашивалъ онъ по-русски, и еще разъ

прошелъ по фронту.— „Маленькій Василій нѣтъ. Куда пошелъ маленький Василій?“ спрашивалъ секретарь по-русски. Но тутъ явился молодой парнишка Василій, и плѣнные были сданы. Потомъ уѣздный начальникъ поздравилъ ихъ съ возвращеніемъ на родину и имъ былъ предложенъ отъ городского общества обѣдъ въ домѣ купца Морозова. Уѣздный начальникъ сказалъ плѣннымъ, чтобы они вели себя за обѣдомъ скромно и чтобы сразу не бросались на все, а исподволь привыкали къ новой жизни. Тутъ ихъ сдали двумъ казачьимъ офицерамъ и повели на обѣдъ. Ставъ за столъ, каждый изъ плѣнниковъ усердно помолился и перекрестился: „вотъ, говоритъ, Богъ привелъ опять на Русской землѣ быть, и креститься, и молиться на образа.“ Обѣдъ начался, но они сами безпрестанно говорили съ стоящими позади ихъ, и разпросамъ не было конца. Какъ вкусны показались имъ щи!— „Чѣмъ же васъ тамъ кормили?“— „Да вотъ лепешку дадутъ съ тарелку, такъ цѣлый день и будь сытъ съ нея. Словомъ, хуже насъ не было человѣка тамъ, кромѣ Персіянъ еще: другого плѣнника бьютъ, бьютъ.—смотришь, и померъ человѣкъ“.

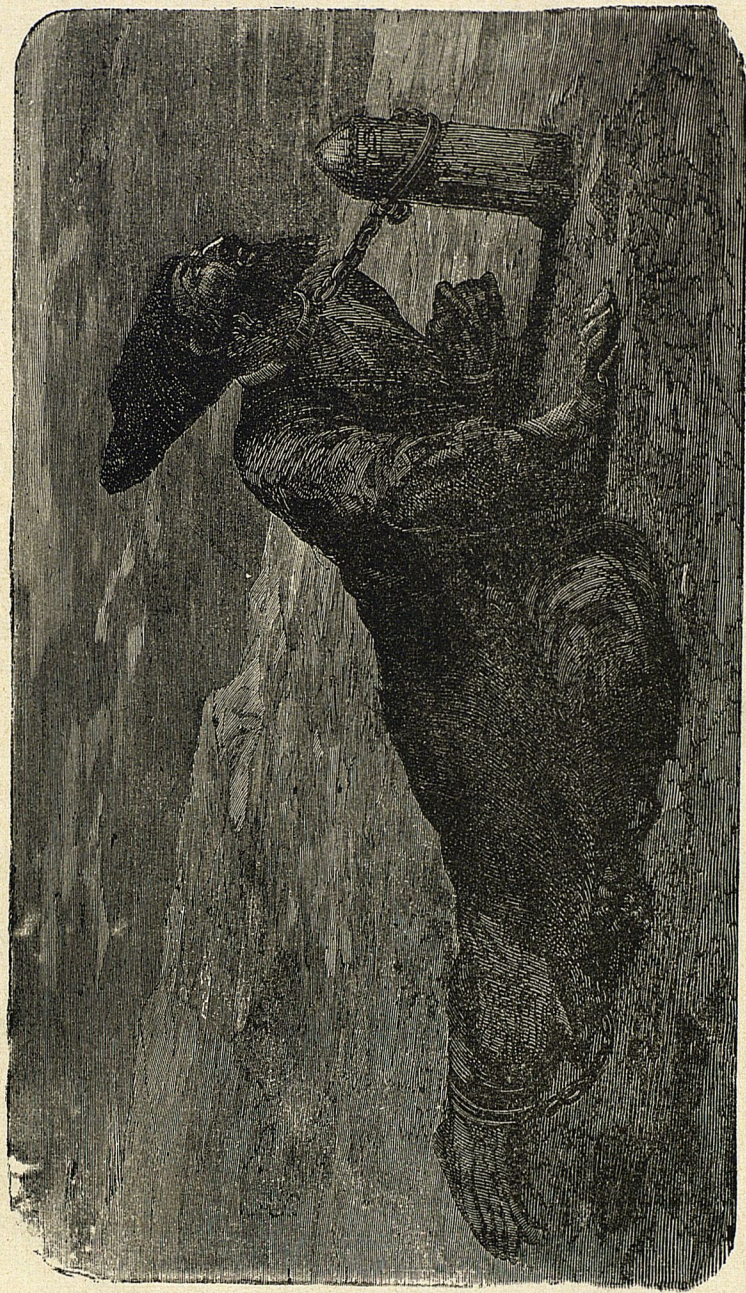
До разрѣшенія начальника края хивинское посольство жило въ Казалѣ и посланникъ все лежалъ или сидѣлъ на подушкахъ; мѣсяцъ просидѣть на одномъ мѣстѣ, лежа, можетъ только азіатецъ и при томъ хорошей породы, какъ этотъ Узбекъ-посланникъ Муртаза-бей, комендантъ гор. Ходжеилъ, ѣздившій посланникомъ въ Афганистанъ и Бухарію.

По пріѣздѣ въ Казалинскъ, Муртаза-бей былъ съ визитомъ у начальника уѣзда и затѣмъ безвыходно сидѣлъ у себя въ квартирѣ; онъ иногда любопытствовалъ, почему стоять около дома, гдѣ онъ живетъ, казаки съ шашками;

ему отвѣчали, что для почета, и онъ удовлетворялся, по крайней мѣрѣ наружно.

Продолжаемъ повѣствованія плѣнныхъ. Вотъ что разсказалъ о самомъ городѣ Хивѣ оренбургскій казакъ Илья Иличковъ. Въ городѣ Хивѣ улицы такъ узки, что арба едва пройдетъ, чтобы не зацѣпить за уголъ дома—мазанки; дома есть и высокіе глиняные, но такихъ немного; въ окнахъ стеколъ нѣтъ, — ихъ замѣняютъ пузырь и бумага. Въ домахъ города оконъ такихъ, какъ у насъ, нѣтъ, а въ потолокъ дыра и въ стѣнѣ дырочки, больше для того, чтобы дымъ выходилъ; на зиму эти дырочки заклеиваютъ пузыремъ или бумагой. Въ Хивѣ изъ извести изготовляютъ разныя вещи; известъ бываетъ такъ крѣпка и прочна, что изъ нея изготовляютъ цѣлыя доски, полки, футляры для часовъ и многія другія разныя вещи. Известъ называется ажа. Въ богатыхъ домахъ и у хана полъ заливаютъ ажой и онъ дѣлается крѣпокъ и гладокъ: его поливаютъ лѣтомъ водой и онъ не боится ни сырости, ни жара. Хивинцы имѣютъ обыкновеніе украшать свои дома очень страннымъ манеромъ: въ богатыхъ домахъ вырѣзываютъ изъ листоватаго сусальнаго золота разныя вещи, напримѣръ чайники, самовары и т. д., и налѣпляютъ на стѣны; такія украшенія можно найти и въ домѣ самого хана. Въ городѣ считаютъ до 35.000 жителей. Въ каждомъ переулкѣ—мечеть, а бань очень мало,—говорятъ, три во всемъ городѣ; баня по-хивински называется амамъ. Деревьевъ и фонтановъ по улицамъ въ городѣ нѣтъ совсѣмъ; училищъ (медресе) много. Базаръ состоитъ изъ двухъ узенькихъ улицъ, съ лавочками въ сажень ширины, и площадями, куда пригоняютъ скотъ. Въ лавочкахъ продаютъ разную мелочь, русскіе товары, платки, шелкъ, а изъ мѣстныхъ издѣлій: халаты, шапки, сапожный товаръ, совсѣмъ не выдѣланный; вообще, они то-

вара для сапогъ совѣмъ не умѣютъ выдѣлывать, и обувь особенно у нихъ безобразна. Тутъ же на базарѣ устроены сараи, дома, въ которыхъ много комнатъ, и таможня, гдѣ берутъ пошлину со всякаго привознаго товара и кладутъ казенное тавро (печать). Въ концѣ сарая продаютъ людей: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Ведутъ торговлю людьми больше Туркмены—Теккинцы. Одинъ Туркмень везетъ десять и двѣнадцать Персіянъ изъ самой почти Персіи въ Хиву на продажу и переѣзжаетъ съ своими плѣнными тысячи верстъ степью. Развѣ они не могутъ отбиться и бѣжать?—Подлость ихъ и трусость препятствуютъ этому. Ежели одинъ Персіянинъ плѣнный скажетъ другому своему же товарищу по несчастію: „убьемъ своего хозяина и бѣжимъ“, то товарищъ непременно выдастъ его; отъ того одинъ дикій Туркмень ведетъ 10 и болѣе человекъ и увѣренъ, что доведетъ ихъ съ успѣхомъ. Плѣнные говорили, что имъ приходилось встрѣчать часто Персіянъ въ Астрахани, но тѣ Персіяне совѣмъ другой народъ и не имѣютъ сходства съ тѣми, какіе встрѣчались имъ плѣнными въ Хивѣ. Плѣнные Персіяне въ Хивѣ—это жалкіе трусы, всегда готовые обидѣть другъ друга, продать одинъ другаго, и они не заслуживаютъ никакого довѣрія какъ со стороны Хивинцевъ, такъ и между собою. Между плѣнными Персіянами въ Хивѣ попадались и Афганцы, но ихъ очень немного, нѣсколько человекъ всего. На землѣ, въ плохой, оборванной одеждѣ, прислонившись къ грязной стѣнѣ спинами, сидятъ Персіяне, выведенные на продажу. Случается часто между Персіянами, что они продаютъ другъ друга: отецъ продаетъ дочерей, братъ—сестеръ и т. д. При нашихъ плѣнныхъ продавались двѣ очень молодыя дѣвушки, которыхъ отецъ Персіянинъ продалъ на мѣстѣ, у себя дома, Теккинцамъ, а послѣдніе привезли ихъ въ Хиву; но иногда даютъ продавать и на комиссію, дѣлая

Персіянинъ-рабъ.

въ такомъ случаѣ условіе съ Туркменами. На базарѣ купцы осматриваютъ людей, раздѣваютъ, прицѣниваются, берутъ иногда на пробу къ себѣ домой, для ознакомленія съ нравомъ, и ежели сходятся въ цѣнѣ, уводятъ къ себѣ домой совсѣмъ. Русскихъ на этомъ базарѣ не продаютъ, а везутъ прямо къ хану и онъ уже выплачиваетъ за нихъ деньги; русскіе плѣнные пріобрѣтаются какъ бы на счетъ правительства—на казенныя деньги. Ханъ платитъ не только за плѣнныхъ Русскихъ, которыхъ онъ непременно покупаетъ, сколько бы ихъ ни привезли въ Хиву, но и за каждую русскую голову, доставленную Киргизами въ Хиву. Цѣна на Персіянъ гораздо ниже, чѣмъ на Русскихъ: Персіянъ можно покупать въ Хивѣ на базарѣ по самой высокой цѣнѣ—это 160 р. на русскія деньги; обыкновенная же цѣна 120 или 130 р. Недалеко отъ этого базара, такъ съ полверсты, идетъ базаръ, гдѣ продаютъ скотъ, потомъ пшеницу и дальше идетъ почти въ родѣ нашей толкучки: тутъ продаютъ тулупы, халаты, сапоги, баранину и всякую всячину, отъ большаго до послѣдней малости; товары носятъ на рукахъ, съ выкрикиваніемъ. Купцы въ городѣ—Хивинцы и Бухарцы; другихъ купцовъ нѣтъ, но пріѣзжаютъ и Афганцы. Скотъ пригоняютъ Киргизы и Туркмены. Базарные дни бываютъ по понедѣльникамъ и четвергамъ. Привозъ бываетъ очень великъ; товаръ и скотъ доставляются изъ отдаленныхъ мѣстностей. Въ толпѣ на базарѣ показывается иногда старикъ съ мальчиками, говоритъ прибаутки, смѣшитъ, и ему за это даютъ кто лепешку, кто что заблагоразсудитъ. На базарѣ бываетъ рыба: судакъ и лещъ, сомъ и сазанъ—любимая рыба Хивинцевъ; первую же берутъ только бѣдняки, такъ какъ она очень дешева на базарѣ. Городъ Хива отъ рѣки Аму-Дарьи въ 30 верстахъ; отъ города до рѣки есть канава, широкая и довольно глубокая: глубина будетъ аршинъ до

4. Рыбу и соль возятъ въ городъ на лодкахъ, съ рѣки по канавѣ; эту канаву каждый годъ весною чистятъ тысячь до 6 человекъ; для этого осенью ее запруживаютъ у р. Дарьи. Это одна изъ очень трудныхъ земляныхъ работъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ плѣнныхъ пришлось и здѣсь поработать. Рабочіе, стоя въ этой канавѣ въ грязи, должны лопатами выбрасывать илъ со дна обмелѣвшей канавы на высоту нѣсколькихъ аршинъ. Для поощренія труда, Хивинцы употребляютъ тальниковыя палки. Плѣнные говорили, что эти работы труднѣе садовыхъ ханскихъ. Вода въ канавѣ, проведенная изъ р. Дарьи, имѣетъ теченіе, какъ и въ Аму-Дарьѣ, очень быстрое; вода течетъ совершенно мутная—самая грязная. Кругомъ города Хивы идетъ земляной валъ, аршина четыре ширины, и ровъ, но ровъ этотъ небольшой; версты чрезъ $1\frac{1}{2}$ отъ этого вала въ городѣ уже есть другой валъ и крѣпость; тамъ же, при этой крѣпости,—цитадель, домъ хана, зданіе огромное, незрящее, какъ выражаются плѣнные казаки. Все высшее сословіе Хивинцевъ составляютъ Узбеки, которые и по наружности разнятся отъ простыхъ Хивинцевъ. Узбеки—бѣлые, и болѣе подходятъ къ Персамъ, такъ что наши казаки нашли сходство между братомъ хана и русскимъ дворяниномъ; Хивинцы же—черные, съ дикими глазами, но очень стройные и великолѣпно ѣздящіе верхомъ; они сидятъ верхомъ необыкновенно легко и ловко. Въ Хивѣ женщинъ видѣть нельзя нигдѣ,—онѣ по улицамъ ходятъ рѣдко, лицо закрываютъ черной волосаюною сѣткой, а халатъ надѣваютъ на голову; рукава висятъ, какъ у Татарки. Ежели что придется спросить у Хивинки, она уткнется въ сторону, въ стѣну, и ты хоть тутъ все заberi, она ничего, будетъ молчать, языкомъ не пошевельнетъ. Но ежели никого нѣтъ кругомъ изъ Хивинцевъ, то хоть искоса, а удовлетворитъ свое любопытство, посмотреть. За все лѣто ханскія жены

два раза только выходили въ садъ и затѣмъ ихъ никуда не выпускали: онѣ живутъ какъ въ заключеніи.

Разъ лѣтомъ, продолжаетъ Иличковъ, мнѣ было приказано нарвать фрукты для хана; въ то время ханъ съ своимъ семействомъ жилъ въ загородномъ помѣщеніи—на дачѣ. Я пошелъ въ садъ и началъ срывать разные фрукты; мнѣ помогалъ другой садовникъ, изъ туземцевъ. Хивинецъ влѣзъ на дерево и спускаетъ оттуда сочныя гранаты въ полу мнѣ; калитка же изъ ишана (гарема) въ садъ была отворена, и ханскія жены, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, выбѣжали на свободу въ садъ и, порывившись на просторѣ, побѣжали къ садовникамъ просить каралы—гранаты; пристали ко мнѣ—давай фрукты, тербятъ меня за полу халата и смотрятъ жадно въ глаза, да такъ пристально—прямо въ глаза. А глаза у нихъ черные, сами онѣ собою красивыя, молодыя, стройныя, да такія смѣлыя. Мой Хивинецъ-садовникъ съ дерева, какъ колода, на земь бухъ, да бѣжать; отбѣжалъ да и машетъ мнѣ. Я далъ бабамъ въ подолъ фрукты и пошелъ къ нему, къ садовнику. Онъ кричитъ: „Иди скорѣй! Ахъ ты дуракъ этакой! Знаешь, ханъ увидитъ—тебя повѣситъ сейчасъ же и меня съ тобою вмѣстѣ“. А лихорадка его такъ и трисеть со страха. А я ему говорю: за что повѣситъ? Я еще пойду ему скажу, что бабы изъ ишана въ садъ бѣгаютъ, чтобы калитку-то запирали на ключъ. Ну, пошелъ и пожаловался на бабъ: отворяютъ, молъ, бабы дверь въ садъ, за фруктой бѣгаютъ, какъ бы грѣха какаго не случилось, не покрали бы фрукты какой. Ну, и ничего ханъ, только велѣлъ на замокъ заперать каждый разъ.

Черезъ нѣсколько дней, рассказываетъ другой пѣвникъ, насъ разобрали на работу по садамъ: я попалъ въ садъ Гемедіанъ—садъ былъ ханскій. За годъ были привезены въ этотъ же садъ Оренбургцы: урядникъ Сухоруковъ и ка-

закъ Черновъ, и я сталъ третій; мѣсяца черезъ три привезли и четвертаго. Работали мы съ утра до ночи, все копали землю, возили навозъ—все были работы земляныя, трудныя. Въ Хивѣ большихъ морозовъ не бываетъ—градусовъ 5—6; снѣгъ выпадетъ, вѣтеръ подуетъ теплый, его и нѣтъ, а земля солонецъ поѣдаетъ. Въ зиму мѣсяца два бываетъ холодно—не больше. Дождей почти не бываетъ совсѣмъ—въ годъ разъ не болѣе. Мы, плѣнные, работали зимою и лѣтомъ—цѣлый годъ: зимою по улицамъ и на площадяхъ, базарѣ, собираемъ навозъ въ арбы и ведемъ на ханскую землю, гдѣ пшеницу сѣютъ. На улицахъ и площадяхъ имѣетъ право собирать навозъ только ханъ, а другимъ строго воспрещается. Другіе жители тоже собираютъ навозъ (по-хивински *дарсѣ*) для своей земли отъ своего скота; цѣлую зиму перевозятъ его и вываливаютъ въ большія кучи,—первозятъ нѣсколько сотенъ арбъ. Въ ханскомъ саду мы его переворачивали, мѣшали съ землею, потомъ онъ лѣто лежитъ въ одной кучѣ, а послѣ посѣва хлѣба его разваживаютъ по полю. Для фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ возятъ овечій навозъ (*кай-дарсѣ*). Хивинцы очень любятъ цвѣты; ничего у нихъ не родись, только бы цвѣты были; цвѣты у нихъ—первое въ саду; не сорветъ онъ въ саду фрукта, а цвѣтокъ сорветъ и въ голову къ уху приколетъ. Отъ хана и до послѣдняго человека, самого простаго, весь ихъ народъ очень любитъ цвѣты. Бывало, заберется какой-нибудь Хивинецъ въ ханскій садъ, стащитъ цвѣтокъ; поймашь его,—ну, какъ мы сторожили, то за это другой разъ бьешь-бьешь такого вора, просто устанешь; только пустишь,—онъ проситъ: отдай цвѣтокъ, за который билъ. Ханскій садъ называется *Гемедіанъ*. Онъ отъ ханскаго дома на востокъ будетъ версты на три; кругомъ сада большой земляной заборъ, аршина въ четыре. Садъ будетъ десятинъ 120.

15 апрѣля, около 5 часовъ вечера, у дома уѣзднаго управленія опять собрались любопытные. Вышло разрѣшеніе отправить посольство въ отрядъ, и въ этотъ день былъ назначенъ выѣздъ.

Дворъ, гдѣ стояли лошади и верблюды посольства, наполнился разнымъ народомъ; выючили верблюдовъ, увѣшанныхъ бубенчиками не только на шеѣ и ушахъ, но даже и на ногахъ; сѣдлали лошадей; Хивинцы дѣлали закупки въ дорогу. Имъ разрѣшено выдавать по 5 руб. посланнику и по 2 р. лицамъ, съ нимъ находящимся—свитѣ. Изъ числа плѣнныхъ было 5 казаковъ-уральцевъ, пожелавшихъ идти въ отрядъ, какъ имъ было предложено начальствомъ, и вотъ 5 бравыхъ молодцовъ сбросили съ себя хивинскіе халаты и мохнатые шапки, одѣлись въ бѣлые полотнянники, шапки казачьи, и въ строю между казаками такъ же молодежато сидѣли на коняхъ, какъ будто и не были никогда плѣнниками Хивинцевъ, и презрѣнные плѣнники конвоируютъ теперь самого представителя Хивы.

Наконецъ снарядили аргамака для посланника; около крыльца столпились любопытные, въ числѣ которыхъ много было дамъ. Сначала вышелъ старый Хивинецъ и началъ проталкивать толпу, чтобъ очистить мѣсто пройти посланнику, но, увидавъ дамъ, сталъ просить, чтобъ онѣ ушли. „Дурная примѣта есть, говорили Хивинцы,—когда идешь въ дорогу и женщина попадется на встрѣчу“. Но такъ какъ дамы не уходили, а время проходило, лошадь стояла у крыльца,—бачи держалъ ее и хлопоталъ около сѣдла,—то посланникъ долженъ-таки былъ выйти, сѣлъ верхомъ и очень косо посмотрѣлъ на дамъ. Онъ выходилъ съ достоинствомъ—въ новомъ халатѣ и высокой шапкѣ.

За нимъ послѣдовала его свита и нашъ конвой, казаки. Посланецъ, представившись главнокомандующему, остав-

лень былъ при отрядѣ; возвратившіеся же изъ плѣна пять Уральцевъ пожелали, какъ уже упомянуто было, участвовать въ походѣ на Хиву; присутствие ихъ въ отрядѣ принесло извѣстную пользу, въ виду знакомства ихъ съ мѣстными условіями Хивинскаго ханства.

XX.

Походъ отъ Халъ-ата до Аму-Дарьи для Туркестанскаго отряда было самымъ тяжелымъ и самымъ серьезнымъ дѣломъ въ теченіе всей экспедиціи. Это разстояніе, равное, по прямой караванной дорогѣ, 161 верстѣ, трудно проходимо вслѣдствіе маловодія и свойства грунта, въ высшей степени сыпучаго. Мѣстность отъ Халъ-ата до Аму-Дарьи хотя и составляетъ продолженіе Кызыль-кумовъ, по которымъ Туркестанскій отрядъ двигался раньше, но эта часть ихъ отличается еще болѣе ужаснымъ характеромъ, чѣмъ предыдущая. Верстахъ въ 20 отъ Халъ-ата, слегка волнистая и песчаная мѣстность переходитъ въ бугристую и сильно песчаную. Вплоть до самой Аму тянутся песчанья гряды и бугры, которые, подобно волнамъ океана, лѣнятся одни возлѣ другихъ, силясь заградить дорогу отважнымъ путникамъ, рѣшившимся преодолѣть ихъ. Мѣстами эти песчаные бугры и гряды покрыты рѣдкою растительностью саксаула, джугзгуна и другихъ степныхъ растений, до нѣкоторой степени оживляющихъ эту мертвую пустыню; мѣстами же они совершенно обнажены и представляютъ сугробы бѣлаго песку, переносимаго вѣтромъ такъ же быстро, какъ и снѣжные сугробы. Во всей ужасающей картинѣ эти песчаные сугробы открываются взору при урочищѣ Адамъ-крылганъ, въ 40 верстахъ отъ Халъ-ата. Названіе урочища въ переводѣ означаетъ „человѣческая погибель“, и дѣйствитель-

но названіе это весьма характеристично. Горы сыпучаго песку, въ которомъ лошадь вязнетъ по колѣно, лишены всякой растительности. Ни одного животнаго, ни одной птицы, ни одного насѣкомаго не встрѣтишь здѣсь далеко вокругъ. Мертвая тишина царствуетъ въ воздухѣ. Но эта тишина время отъ времени прерывается свистомъ песчанаго урагана, подобно тучамъ застилающаго солнце и переносящаго сугробы песку изъ однихъ мѣстъ въ другія. Какъ ни безотраднa эта мѣстность, но она, тѣмъ не менѣе, имѣетъ громадную важность при движеніи по степи. Эта важность проистекаетъ вслѣдствіе возможности легко доставать здѣсь воду, которая скопляется подъ слоемъ песку и лежитъ аршинахъ въ пяти отъ поверхности (въ ложбинахъ бугровъ). Хотя вода въ этихъ колодцахъ и солоновата, но выкапывать ихъ легко, чѣмъ и пользуются проходящіе караваны. По уходѣ послѣднихъ, колодцы заносятся пескомъ, такъ что каждый караванъ вырываетъ ихъ для себя самъ. Туркестанскій отрядъ поступилъ точно такимъ же образомъ. За день передъ выступленіемъ главныхъ силъ отряда изъ Халъ-ата, былъ посланъ головной отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бардовскаго, которому и поручено было нарыть какъ можно болѣе колодцевъ. Въ силу такого распоряженія, на Адамъ-Крылганѣ въ одни сутки было нарыто до 20 колодцевъ, такъ что отрядъ былъ совершенно обезпеченъ водою.

Во время стоянки отряда на Адамъ-Крылганѣ, 1-го мая на разсвѣтѣ, нестройныя скопища непріятеля окружили русскій лагерь и съ гикомъ попытались напасть на расположеніе нашихъ войскъ; но нѣсколько выстрѣловъ съ нашей стороны охладили ихъ воинственный пылъ, и непріятель усекалъ, подобравъ нѣсколько раненыхъ людей и лошадей.

2-го мая отрядъ, пройдя около 20 верстъ, остановился

на привалъ, среди песчаныхъ бурхановъ. Дальнѣйшее движеніе съ каждымъ шагомъ затруднялось, вслѣдствіе изнуренности верблюдовъ и постоянныхъ стычекъ съ неприятелемъ,—а потому главнокомандующій приказалъ распределить имѣвшійся при войскахъ запасъ воды на четыре дня, такъ какъ разстояніе до Аму еще точно не было извѣстно, а при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ нельзя было рассчитывать достигъ этой рѣки ранѣе трехъ или четырехъ дней. Между тѣмъ запасъ воды былъ незначителенъ, такъ какъ большая часть турсуковъ порвалась, а баклаги разохлись, вслѣдствіе чего драгоценная влага исчезла. Въ виду такого положенія дѣлъ, было рѣшено своротить съ дороги въ сторону и отойти на колодцы, которые дали бы возможность освѣжить запасъ воды. Эти колодцы были указаны однимъ джигитомъ и находились въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ дороги. Разслѣдованіе подтвердило показаніе джигита, и въ полночь, на 3 мая, отрядъ былъ переведенъ къ этимъ колодцамъ, носящимъ названіе Алты-кудукъ (шесть колодцевъ). Колодцы оказались глубокими (отъ 15 до 18 сажень); нѣкоторые изъ нихъ были полузавалены, а въ нѣкоторыхъ вода была испорчена брошенною въ нихъ падалью. Несмотря на испорченность воды, небольшой запасъ живительной влаги былъ встрѣченъ какъ благословеніе Божіе. Части отряда, прибывшія къ колодцамъ, съ жадностью пили испорченную воду. Но по мѣрѣ вычерпыванія воды запасъ ея въ колодцахъ оскудѣвалъ все болѣе и болѣе. Немедленно было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы расчистили полузаваленные колодцы, а для уменьшенія количества жаждущихъ желудковъ и для наполненія опорожненныхъ сосудовъ приказано было кавалерію и всѣхъ верблюдовъ съ пустыми сосудами отправить на Адамъ-крылганъ. Кавалерія и верблюды были отправлены подъ прикрытіемъ

трехъ съ половиною ротъ пѣхоты, подъ начальствомъ г.-м. Бардовскаго, которому было поручено вырыть возможно большее количество колодцевъ. Пока расчищали колодцы на Алты-кудукъ, положеніе людей въ отрядѣ было довольно тягостное. Мучимые жаждою, солдатики, по словамъ очевидцевъ, лизали сосуды, которые были влажны отъ содержавшейся въ нихъ воды или правильнѣе грязи. При этомъ у всѣхъ колодцевъ были поставлены караулы подъ начальствомъ старшихъ штабъ-офицеровъ, которые и вводили порядокъ. Не менѣе нижнихъ чиновъ отъ недостатка воды бѣдствовали и офицеры. Каждый сберегалъ маленькій запасъ воды, какъ зеницу ока, и пряталъ ее какъ можно тщательнѣе, изъ боязни лишиться живительной влаги. Къ счастью, подобное положеніе длѣя продолжалось не долго. Въ теченіе 4 мая пять колодцевъ были расчищены и приняты мѣры къ правильному распредѣленію воды. На одного человѣка приказано было выдавать по одной трети ведра, и приставленные къ колодцамъ офицеры, со списками въ рукахъ, строго наблюдали за правильнымъ расходомъ воды. Благодаря этимъ мѣрамъ, снабженіе водою пошло успѣшнѣе и лагерь оживился. Нашлась возможность не только напиться до - сыта, но даже промочить глаза и капли двѣ-три слить на руки, въ чемъ ощущалась большая потребность, такъ какъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, толстый слой пыли и грязи облѣпилъ руки и лица до такой степени, что люди были трудно узнаваемы.

6 мая, во время стоянки нашихъ войскъ на Алты-кудукъ и Адамъ-крылганъ, на разсвѣтѣ, около 4 часовъ утра, было сдѣлано нападеніе на отрядъ генералъ-маіора Бардовскаго, стоявшій на Адамъ-крылганъ. Силы непріятеля состояли изъ 200 человѣкъ Туркменъ и около такого же количества Киргизовъ. Всѣ они были о дву-конь и предводительствуемы извѣстнымъ степнымъ разбойникомъ Са-

дыкомъ. Садыкъ, прослышавъ о движеніи нашего транспорта, думалъ было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и отбить его, вслѣдствіе чего онъ усиленнымъ маршемъ двинулся изъ Учъ-чучака къ Адамъ-крылгану. Непріятель напалъ на нашъ лагерь съ двухъ сторонъ; но успѣшнымъ дѣйствіемъ нашей пѣхоты былъ отброшенъ, съ потерю 7 человекъ убитыми и ранеными. У насъ потерь не было.

9 мая, утромъ, на Алты-кудукъ подошла колонна генералъ-маіора Бардовскаго, которой приказано было выступить съ Адамъ-крылгана 10 числа и слѣдовать безостановочно къ Учъ-чучаку. Это распоряженіе было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы кавалеріи пришлось меньшее время находиться безъ воды. Въ 10 часовъ рѣшено было выступить съ Алты-кудука и идти дальше къ Аму. Но такъ какъ верблюды на Адамъ-крылганѣ, вслѣдствіе скудности корма въ окрестностяхъ, не только не поправились, но даже значительная часть ихъ тамъ пала (почти половина), то и нельзя было никакъ разсчитывать двинуться со всѣми тяжестями. Артиллеріи также не было нужды двигаться всей, такъ какъ, вслѣдствіе трудности пути по непрерывнымъ песчанымъ грядамъ, она не могла бы принести ожидаемой пользы, а между тѣмъ увеличила бы время обоза и расходъ воды. Вотъ почему одинъ дивизионъ конной баттарей былъ оставленъ на Алты-кудукъ; кромѣ того оставлена большая часть артиллерійскаго и инженернаго парковъ. Для прикрытія артиллеріи и парковъ оставлены на Алты-кудукъ двѣ роты 3 стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ полковника Новомлинскаго. Оставленіе нашего отряда на Алты-кудукъ было полезно еще въ томъ отношеніи, что образовывался, такъ-сказать, этапъ, или опорный пунктъ для связи нашего передоваго отряда съ тыломъ. Въ противномъ случаѣ непріятель,

занявъ или засыпавъ колодцы Алты-кудука, могъ значительно затруднить наши тыльные сообщенія. Кромѣ того, верблюды отъ оставшихся на Алты-кудукъ частей могли быть взяты въ дѣйствующій отрядъ для поднятія самыхъ необходимыхъ тяжестей. Падежъ верблюдовъ лишилъ въ значительной степени, какъ части войскъ, такъ и отдѣльныхъ личностей, перевозочныхъ средствъ; вотъ почему многое изъ имущества солдатскаго и офицерскаго было брошено и, чтобы какъ-нибудь не досталось непріятелю, сожжено. Въ 3 часа пополудни, отрядъ изъ 10 ротъ пѣхоты, дивизіона конной баттарей, горнаго дивизіона, взвода картечницъ и сборной сотни, взявши запасъ воды на три дня, выступилъ съ позиціи на Алты-кудукъ и потянулся по направленію къ караванной дорогѣ изъ Халъ-ата на Учъ-чучакъ. Путь до выхода на караванную дорогу былъ особенно труденъ. Песчаные барханы съ крутыми покатосями здѣсь особенно высоки. Верблюды падали, устилая путь своими трупами. Хотя и имѣлось при отрядѣ нѣсколько запасныхъ верблюдовъ, но перекладывать выюковъ было нельзя, такъ какъ подобная перекладка замедлила бы движеніе арріергардныхъ ротъ, вслѣдствіе чего нарушился бы порядокъ всего передвиженія къ Учъ-чучаку и расчетъ во времени, которое желательно было сдѣлать какъ можно болѣе краткимъ. По счастью, протяженіе особенно трудной дороги отъ Алты-кудука было невелико. Послѣ выхода на караванную дорогу путь сдѣлался нѣсколько лучше и верблюды пошли успѣшнѣе. Пройдя 14¹/₂ верстъ отъ Алты-кудука, отрядъ, по случаю наступленія темноты, расположился среди бархановъ на ночлегъ. Командиры частей занялись раздачею воды, и люди, напившись чаю, легли отдыхать. Бивуакъ, какъ и во все время похода, расположили въ каре: верблюды въ серединѣ, тяжести снаружи. Въ полночь непріятельскій разъѣздъ

подъѣхалъ къ лагерю и наткнулся на секретъ. Нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ, не произвели тревоги въ лагерь, такъ что войска продолжали отдыхать. 10 мая, съ разсвѣтомъ, Туркестанскій отрядъ выступилъ съ ночлега. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ посматривали впередъ: не видно ли Трехъ-Холмовъ (Учъ-чучакъ), стоящихъ у Аму-Дарьи. Наконецъ, часовъ около 6 утра, холмы эти были усмотрѣны. Люди ободрились и оживились: обѣтованная земля была на виду. Сдѣлавъ семи-часовой привалъ, отъ 8 утра до 3 часовъ пополудни, войска наши, томимыя зноемъ, пошли далѣе и около 5 часовъ пополудни остановились на ночлегъ, въ виду большихъ скопищъ непріятеля, занимавшаго широкою полосой барханы и, повидимому, намѣревавшаго воспользоваться усталостью нашихъ солдатъ. Нашъ бивуакъ и позиція были расположены весьма удачно: барханы почти сплошною линіей замыкали котловину и изображали собою какъ бы естественный брустверъ *). Въ серединѣ, въ котловинѣ, расположился обозъ, а по гребню бархановъ — войска. Непріятель нестройными кучами и въ одиночку пытался приблизиться къ нашему расположенію; но всякій разъ былъ отгоняемъ съ потерей. Раненыхъ своихъ непріятель впрочемъ увозилъ. Ночью хивинскіе всадники окружили лагерь со всѣхъ сторонъ и стрѣляли. Хотя выстрѣлы эти и были мало дѣйствительны, но тѣмъ не менѣе они беспокоили людей, не давая имъ отдыха. Съ разсвѣтомъ 11 мая войска наши тронулись въ путь. Толпы непріятельской конницы стремились преградить наше наступленіе. Они окружали отрядъ со всѣхъ сторонъ и выпускали несмѣтное количество зарядовъ. Но наши войска, въ силу

*) Брустверъ — земляная насыпь для прикрытія съ выстрѣловъ; впереди ея дѣлается ровъ.

приказанія генерала Кауфмана, скупились на выстрѣлы, и продолжали двигаться ровнымъ, спокойнымъ шагомъ, окруженные, какъ завѣсою, цѣпью лучшихъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ русскій отрядъ грозно подвигался впередъ и часовъ около 7 утра приблизился къ озеру Сардаба-куль, лежащему верстахъ въ 8 отъ Аму-Дарьи. Здѣсь два выстрѣла изъ орудій окончательно прогнали непріятельскія скопища, общая численность которыхъ простиралась до 3.500 всадниковъ, предводимыхъ двумя диванъ-беги, Матъ-Мурадомъ и Матъ-Ніазомъ. Съ приходомъ на озеро, радость войскъ была неописанная. Неймовѣрныя трудности степнаго похода были преодолены. Только измѣриншіе собственными ногами знойную, безводную, песчаную степь могутъ понять всю важность подвига, исполненнаго чинами Туркестанскаго отряда. Оставивъ пѣхоту и обозъ на привалѣ у озера, генералъ Кауфманъ, съ шестью сотнями и ракетною баттареей, двинулся впередъ, съ цѣлю настичь разбитаго непріятеля и захватить у него лодки, о чемъ было извѣстно раньше изъ разспросовъ. Какъ ни быстро было произведено наступленіе, но бѣгство непріятеля было столь поспѣшное, что онъ успѣлъ частью переправиться на лодкахъ на лѣвый берегъ Аму, частью ускакать въ-разсыпную по дорогѣ въ Шураханъ. Только одинъ каюкъ (большая лодка), нагруженный скотомъ, застѣвшій на мели, былъ захваченъ нашею кавалеріей. Въ дѣлѣ 11 мая, подѣ Учь-чучакомъ, у насъ потерь не было; непріятель же потерялъ не мало убитыхъ и раненыхъ, которыхъ успѣлъ увезти. Въ наши руки попало человѣкъ семь плѣнныхъ. Въ этотъ день пѣхота и обозъ остановились на ночлегъ на мѣстѣ бывшаго непріятельскаго лагеря, на берегу Аму-Дарьи, гдѣ были найдены, сдѣланные изъ прутьевъ, кустарника и камыша, шалаши. Кавалерія съ ракетною баттареей ночевала на мѣстѣ пере-

правы непріятеля, въ $7\frac{1}{2}$ верстахъ ниже, на урочищѣ Ичкеяръ. Когда Туркестанскій отрядъ расположился лагеремъ на Аму-Дарьѣ, — главнокомандующій отдалъ по войскамъ слѣдующій знаменательный приказъ:

«Спѣшу поздравить Высочайше ввѣренныя мнѣ войска Туркестанскаго военного округа съ благополучнымъ и успѣшнымъ результатомъ, достигнутымъ храбрыми, молодецкими боевыми товарищами нашими. войсками Туркестанскаго отряда, дѣйствующими противъ Хивы. Одолѣвъ неимоверныя трудности, поставляемыя природою, особенно на послѣдней отъ Хала ата, стоверстной, маловодной, жаркой, съ глубокими, сыпучими песками полосѣ, прогнавъ непріятеля, собравшагося въ числѣ до 3.500 человекъ, чтобы заградить намъ дорогу къ водѣ, — главная колонна Туркестанскаго отряда, въ составѣ 10 ротъ, 6 сотенъ, при 10 орудіяхъ и ракетной батарее, благополучно вышла и безъ всякихъ жертвъ и потерь стала твердою ногою, 11 мая, на правомъ берегу Аму-Дарьи, близъ урочища Учъ-чучакъ. Объявляя объ этомъ по войскамъ ввѣреннаго мнѣ округа, я считаю себя обязаннымъ сдѣлать извѣстнымъ, что достиженіе такого результата только и могло быть при единодушномъ, честномъ стремленіи всѣхъ и каждого, отъ старшаго до младшаго, исполнить свое дѣло свято и вѣрно долгу и присягѣ Государю Императору. Пройдя 800-верстное разстояніе, при самыхъ разнообразныхъ, и въ большинствѣ случаевъ невыгодныхъ, условіяхъ, войска дѣйствующаго отряда сумѣли сберечь и свои силы: здоровье ихъ находится въ самомъ блистательномъ положеніи; больныхъ почти нѣтъ въ отрядѣ. Одолѣвъ, затѣмъ, на послѣднемъ переходѣ отъ Хала-ата къ Учъ-чучаку, трудности и лишенія отъ маловодія, тяжести пути по глубокимъ пескамъ, подъемамъ и спускамъ, войска отряда весело стали вечеромъ, 10 мая, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Боевой маршъ ихъ, 11 мая, съ послѣдняго ночлега къ озеру Сардаба-кулю, въ виду окружавшаго насъ со всѣхъ сторонъ непріятеля, произведенъ былъ въ примѣрномъ порядкѣ и въ грозной для непріятеля стройности. Части войскъ шли какъ на ученіе; нельзя было налюбоваться этимъ внушительнымъ маршемъ. Непріятель, лишаясь всякой надежды на успѣхъ и теряя

на каждомъ шагѣ наиболѣе отважныхъ своихъ всадниковъ, бѣжалъ, преслѣдуемый сотнями, съ ракетною батареей, на разстояніи 20 верстъ. Добыча одного большаго каюка была наградою подвига нашей кавалеріи, сдѣлавшей въ одну ночь болѣе 60 верстъ тяжелаго перехода и вслѣдъ затѣмъ гнавшейся упорно за бѣгущимъ непріателемъ. Не могу не вспомнить съ благодарностью и о тѣхъ частяхъ войскъ, которыя, по необходимости, пришлось мнѣ на время оставить на Хала-ата, при укр. Св. Георгія, на колодцахъ Адамъ-крыганъ и Алты-кудукъ. На ихъ долю выпало продолженіе еще той мужественной борьбы съ разнаго рода лишеніями, сопряженными со стоянкою на колодцахъ и съ препятствіями степнаго похода, которыя столь славно одолѣла уже головная часть отряда; только съ переходомъ ихъ на р. Аму-Дарью, къ чему ожидаются средства въ самомъ непродолжительномъ времени, я позабочусь доставить и имъ случай сразиться съ непріателемъ. За видѣнный мною порядокъ въ отрядѣ, въ особенности на послѣднихъ колодцахъ, Алты-кудукъ, и въ движеніи оттуда къ озеру Сардаба-кулю, благодаря всѣхъ отъ старшаго до младшаго, я изъявляю искреннюю мою признательность: начальнику отряда генераль-маіору Головачеву и ближайшему пособнику моему, начальнику полевого штаба генераль-маіору Троицкому, а также начальникамъ: артиллеріи — генераль-маіору Жаринову, пѣхоты — генераль-маіору Бардовскому, инженеръ-полковнику Шлейферу, главному отрядному врачу — статскому совѣтнику Суворову и полевому интенданту — статскому совѣтнику Касьянову. Съ искреннею благодарностью вспоминаю также о заслугахъ ротмистровъ — Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Константиновича и Князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго; перенося съ твердостью, наравнѣ съ другими чинами отряда, лишенія и труды, они служили для всѣхъ отличномъ примѣромъ подражанія и въ боевомъ маршѣ къ Сардаба-кулю состояли при передовыхъ пѣхотныхъ частяхъ; при преслѣдованіи же непріателя кавалеріею, Князь Евгений Максимиліановичъ командовалъ наѣздниками. Преслѣдованіе продолжалось около 20 верстъ, до мѣста бывшей переправы, гдѣ одна изъ лодокъ стала на мель. Хвостъ непріателя тамъ остановился; тогда начальникъ кавалеріи поручилъ Его Императорскому Высочеству

Великому Князю Николаю Константиновичу вести впередъ уральскую и семирѣченскую сотни, а Его Императорскому Высочеству Князю Романовскому другую уральскую сотню и оренбургскую; непріятельская конница побѣждала, преслѣдуемая далѣе уже одними ракетами. Я счастливъ, что о такихъ доблестяхъ Ихъ Высочествъ могу объявить по ввѣренному мнѣ Туркестанскому округу. Командующій войсками, генералъ-адъютантъ *фонъ-Кауфманъ 1-й*».

XXI.

Здѣсь мы прервемъ на время описаніе дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ по пути къ Хивѣ, чтобы познакомить читателя съ рѣкой Аму и мѣстностями, ея окружающими.

Оксусъ, Джейхунъ или Аму-Дарья, вытекая изъ мало-извѣстной страны, подобно Нилу, долго извиается между скалами и горными хребтами, потомъ, подобно ему, вступаетъ въ песчаную равнину, окаймляемая лишь двумя узкими лентами зелени, питающейся каналами и лѣтними ея разливами, и наконецъ, близъ Аральскаго моря, въ Хивѣ образуетъ болотистую дельту *) и впадаетъ въ него двумя главными устьями. Рѣка Аму служитъ основаніемъ классификаціи (распределенія) двухъ обширныхъ системъ земель. Восточная плоская возвышенность, разсѣкая азіатскій материкъ отъ Алтая до Гималаевъ на 2 части, восточную и западную, распадается на три плоскія террасы: Монголію, Тангутъ и Тибетъ, раздѣленные между собою горами и возвышающіяся: 1-я—на 3.500, 2-я—на 10.000 и 3-я, поддерживаемая уже хребтами Гималаевъ,—на 14.000 фут. надъ поверхностію моря. Вытекая съ отлогостей Тангута и разсѣкая западную часть Азіи на двѣ части, сѣверную и южную, рѣка

*) Дельта—часть земли, въ видѣ греческой буквы дельты, находящаяся между двумя рукавами рѣки при ея устьѣ.

Аму въ своемъ теченіи служитъ основаніемъ вышеупомянутаго дѣленія. Съ южной стороны земли называются *Иранъ-Земинъ* (что значитъ: земля по сю сторону), съ сѣверной — *Туранъ-Земинъ* (земля по ту сторону), что означаетъ, по понятіямъ нѣкогда довольно цивилизованнаго Ирана, неприступную землю, землю ужаса, такъ какъ въ степяхъ ея обитаютъ варварскія племена, занимающіяся грабежомъ и разбоемъ. Земля между Сыръ и Аму-Дарьей называется также Узбекистаномъ, а самое озеро, куда онѣ впадаютъ, на мѣстномъ нарѣчьи именуется Аралу-Кучъ (срединное озеро), такъ какъ оно лежитъ между двухъ устьевъ вышепоименованныхъ рѣкъ.

Перевозы чрезъ Аму заслуживаютъ особеннаго вниманія по своей необычайной простотѣ и удобству. Въ барку, служащую вмѣсто парома, закладываютъ пару лошадей, по одной съ cadaго бока, привязавъ къ гривѣ конецъ веревки, укрѣпленной къ борту; лошадей взнуздываютъ, какъ для верховой ѣзды, и человекъ, стоящій на баркѣ, беретъ поводья въ руки; тутъ судно спихиваютъ въ воду, и безъ всякихъ другихъ средствъ, при пособіи однѣхъ лошадей, оно переплываетъ ровно самое быстрое теченіе. Нѣтъ ни весла, ни багра; одинъ держитъ поводья, править лошадьми и вкнутомъ понуждаетъ ихъ къ плаванію; другой владѣетъ рулемъ, чтобы давать лодкѣ направленіе и не допускать ее вертѣться и мѣшать лошадямъ въ ихъ водяномъ пути. Иногда закладываютъ, вмѣсто пары, четверку: тогда двѣ прибавочныя лошади помѣщаются у кормы. Лошади не требуютъ никакого предварительнаго обученія: тѣхъ же лошадей, на которыхъ вы пріѣхали къ перевозу, закладываютъ прямо изъ-подъ сѣдла въ паромъ, и когда случится цѣлый караванъ, каждый безъ моста переѣзжаетъ чрезъ рѣку „на своихъ“.

Этимъ замысловатымъ способомъ переправляются въ $\frac{1}{4}$

часа чрезъ быструю рѣку въ $\frac{3}{4}$ версты шириною, между тѣмъ какъ лодки, приводимыя въ движеніе веслами, сносятъ теченіемъ за нѣсколько верстъ отъ пристани. Кажется, что это туранское изобрѣтеніе могло бы съ успѣхомъ употребляться въ нашихъ арміяхъ для переправы пѣхоты на понтонахъ помощію тѣхъ же лошадей, на которыхъ они прибыли къ рѣкѣ. Перевозы на Аму отдаются ханами Турана на откупъ, и иные приносятъ до 10.000 руб. въ годъ. Отъ Кирки до Чарджу, на пространствѣ слишкомъ 200 верстъ, нѣтъ нигдѣ постоянного перевоза, хотя деревни находятся во многихъ мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки.

Зимою Аму - Дарья представляетъ другія простѣйшія удобства въ переправѣ. Она часто замерзаетъ, даже въ самомъ южномъ своемъ теченіи, и караваны тогда переходятъ по льду.

Аму подвержена періодическому возвышенію водъ, подобно всѣмъ рѣкамъ, стекающимъ съ исполинскихъ высотъ Памира, Тага и Гинду-ку, что объясняется таяніемъ снѣговъ этихъ горъ, въ особенности въ лѣтнюю пору, и бывающее въ то же время наводненіе. Вода начинается подниматься въ маѣ и возвращается къ прежнему уровню въ октябрѣ. Въ началѣ іюля она достигаетъ своей высочайшей точки, и тогда бываетъ наводненіе, рѣдко впрочемъ заходящее далѣе $1\frac{1}{2}$ версты, однако чрезвычайно усиливающее плодородіе всей заливной полосы, потому что воды Аму всегда мутны, а во время возвышенія своего наполняются еще растворомъ глины, увлекаемой съ горъ потоками тающего снѣга, что придаетъ имъ грязный, красноватый цвѣтъ. По Борнеу, вода Аму содержитъ въ себѣ въ іюнѣ $2\frac{1}{2}$ сот. этого ила. Этотъ-то грязный и унылый цвѣтъ струй Аму далъ Аравитянамъ поводъ къ прозванію ея *Джсейхуномъ*: слово, вообще выражающее нездо-

ровый мутный цвѣтъ лица и воды; тогда какъ *сейхунъ*, означающее видъ чистый, гладкій, пріятный, здоровый, они отнесли къ названію Сыръ-Дарьи. за ея спокойное и чистое теченіе. Аму возвышается еще сильнѣе при ясной погодѣ и опускается, подобно барометру, отъ давленія сыраго и пасмурнаго воздуха. Температура ея въ іюнѣ, по наблюденіямъ Борнса, была 24 при 32° въ воздухѣ, что зависѣло отъ вліянія снѣговой воды, стекающей съ горъ.

Весною другое, менѣе сильное возвышеніе водъ отъ весеннихъ дождей не производитъ наводненія. Осенью, при сильныхъ дождяхъ, вода тоже поднимается. Зимой, когда рѣка покрывается льдомъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ, она не шире 200 сажень, хотя во второй половинѣ своего теченія нигдѣ не представляетъ бродовъ.

Въ настоящее время Аму, рѣка судоходная на пространствѣ почти 1.000 верстѣ, отъ соединенія своего съ Кундускимъ Акъ-сераемъ до самой дельты въ Хивѣ имѣетъ совершенно ничтожную торговлю и судоходство, хотя суда, плавающія по ней, построены весьма недурно. Они имѣютъ видъ корабля съ двумя носами, составленнаго изъ короткихъ бревенъ, обдѣланныхъ квадратно и скрѣпленныхъ желѣзомъ, и хотя не красивы, но весьма прочны и приспособлены къ плаванію по этой рѣкѣ. Дно у нихъ плоское, длина семь сажень, глубина почти два аршина; вверхъ тянутъ ихъ бичевой, а вдоль по рѣкѣ обращаютъ бокомъ и пускаютъ по теченію. Эти барки поднимаютъ до 20 тоннъ *) груза. Однакожъ на всемъ пространствѣ населенія Аму нѣтъ и 200 барокъ.

XXII.

Послѣ изданія главнокомандующимъ, извѣстнаго уже читателямъ, приказа по войскамъ, — генералъ-адъютантъ

*) Тонна—вѣсъ въ 60 пудовъ.

Кауфманъ поручилъ начальство надъ понтонными лодками и отбитыми у непріятеля каюками унтеръ-офицеру Зубову *), которому приказано было по возможности захватывать всѣ непріятельскія лодки, которыя будутъ попадаться на пути. Едва успѣлъ нашъ отрядъ дойти до Акъ-Камыша, какъ уже лихой Зубовъ успѣлъ отбить у непріятеля до 15 каюковъ, между которыми были и очень большіе.

Туркмены, наблюдавшіе съ противоположнаго берега за дѣйствіями нашей флотиліи и видя разгромъ, производимый Зубовымъ, но не зная еще о нашемъ приходѣ къ Акъ-Камышу, намѣревались было уничтожить весь гребной отрядъ, и съ этою цѣлью они подвезли къ берегу два орудія и пустили въ нашу флотилію до 23 ядеръ. Но Зубовъ такъ ловко дѣйствовалъ, что успѣлъ ускользнуть изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, не понеся никакого урона. Генералъ Головачевъ съ небольшимъ отрядомъ подбилъ туркменскія пушки и заставилъ отступить непріятеля.

Благодаря расторопности Зубова, мы приобрѣли много каюковъ, и средства для переправы сдѣлались на столько достаточными, что главнокомандующій рѣшился начать переправу на другой берегъ Аму. Переправа была начата 18 мая, а къ вечеру 22 числа уже перевезены были 12 ротъ, штабъ главнокомандующаго, 12 орудій, походный лазаретъ и парки артиллерійскій и инженерный. Кавалерія, пока, оставалась на правомъ берегу для прикрытія подходящихъ частей отряда.

Жители окрестныхъ деревень, при видѣ нашихъ войскъ, сначала разбѣжались было, но вскорѣ, впрочемъ, оправивъ

*) Зубовъ былъ разжалованъ изъ капитанъ-лейтенантовъ въ матросы, но уже съ половины мая (1873 г.) былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры съ возвращеніемъ дворянскаго достоинства.

шись отъ испуга, собрались толпами въ нашъ лагерь и навезли крупъ, скота и всякой провизіи.

Когда и остальные войска переправились черезъ рѣку, генераль Кауфманъ, 23 числа, двинулся къ Хазарь-Аспу, но въ садахъ, прилегающихъ къ городу, былъ встрѣченъ перестрѣлкою, которая однако скоро утихла: Хивинцы не выдержали натиска и бѣжали.

Не доходя до Хазарь-Аспа, въ нашъ лагерь прибылъ посланный отъ хивинскаго хана и вручилъ главнокомандующему письмо, въ которомъ ханъ увѣдомлялъ начальника экспедиціи, что онъ отправилъ всѣхъ плѣнныхъ въ Россію и обѣщалъ исполнить всѣ требованія русскаго правительства съ тѣмъ однако, чтобы войска наши были остановлены. На это главнокомандующій отвѣчалъ, что онъ готовъ заключить миръ, но наступленія войскъ не останавливать. При этомъ онъ совѣтовалъ хану распустить набранное ополченіе и объявить жителямъ, чтобы они обратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Поводомъ этихъ переговоровъ, кромѣ понесенныхъ неприятелемъ пораженій, было еще приближеніе къ Хивѣ Оренбургскаго и Мангышлакскаго отрядовъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что движеніе названныхъ отрядовъ совершалось при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ и Туркестанскаго отряда. Войска шли по знойной и песчаной пустынѣ, гдѣ почти вовсе не было воды, а взятая ими съ собою при запасѣ была солона и вслѣдствіе продолжительной перевозки вонюча и нагрѣта до весьма высокой степени.

Особенно тяжелыя испытанія выпали на долю Мангышлакскаго отряда: препятствія, встрѣчавшіяся на пути его, казались непреодолимыми; этому отряду, до самаго вступленія своего въ предѣлы Хивинскаго ханства, попадались на пути только весьма узкіе одиночные колодцы, а потому недостатокъ въ водѣ былъ почти постоянный.

Въ послѣдніе 7 дней, чтобъ оказать содѣйствіе генералу Веревкину, Мангышлаксій отрядъ сдѣлалъ усиленный переходъ въ 250 верстъ, въ томъ числѣ 75 верстъ совершенно безъ воды, и 12 мая прибылъ въ Кунградъ, но и здѣсь опять неудача: генералъ Веревкинъ оставилъ этотъ городъ наканунѣ. Это произошло отъ того, что онъ получилъ донесеніе о дѣйствіяхъ нашей Аральской флотиліи, находившейся подъ начальствомъ капитана Ситникова, и начальникъ Оренбургскаго отряда направился къ ней.

XXIII.

Первое столкновеніе нашей Аральской флотиліи съ непріателемъ произошло 28 апрѣля, когда она подошла къ крѣпости Акъ-Кала; какъ только пароходъ *Самаркандъ* вошелъ въ коѣно рѣки, направляющейся къ крѣпости, такъ послѣдняя открыла артиллерійскій огонь. Наши орудія отвѣчали и флотилія продолжала идти впередъ. Пальба со стороны непріятеля прекратилась лишь по выходѣ парохода на высоту вала, прикрывшаго ворота. Въ это время непріятель бѣжалъ, преслѣдуемый нашими гранатами. Во время сраженія одно хивинское ядро ударилося о наше орудіе, разбилось и осколками ранило и контузило начальника флотиліи и семь матросовъ.

Перевязавъ раненыхъ, капитанъ Ситниковъ поплылъ далѣе, но 2 мая долженъ былъ остановиться верстахъ въ 50 отъ Кунграда за мелководіемъ, такъ какъ Улаканъ-Дарья была выше запружена четырьмя плотинами.

Для донесенія начальнику Оренбургскаго отряда о случившемся и для осмотра плотины, капитанъ Ситниковъ отправилъ подъ начальствомъ прапорщика Шебашева команду, состоявшую изъ десяти рядовыхъ и одного то-

пографа *). Всѣ они были вооружены винтовками и револьверами. Проводить ихъ взялся Киргизъ, по имени Утенъ; но проводникъ, пригласивъ къ себѣ команду для угощенія, далъ знать объ этомъ Хивинцамъ. Тѣ не замедлили явиться и, заставъ нашихъ въ-расплохъ, всѣхъ умертвили.

Генералъ Веревкинъ, узнавъ о такомъ предательствѣ, приказалъ схватить Утеня, но тотъ успѣлъ бѣжать въ Хиву, а оттуда въ Бухару. Впослѣдствіи измѣнникъ былъ выданъ Бухарцами и получилъ заслуженное возмездіе.

14 мая къ Оренбургскому отряду присоединился Мангышлакскій и на другой день войска продолжали движеніе къ Ходжейли сообща. Подходя къ городу, Русскіе встрѣтили непріятельское войско въ 6.000 человекъ. Генералъ Веревкинъ ожидалъ большаго сраженія, но, видя рѣшительное наступленіе нашихъ отрядовъ, Хивинцы обратились въ бѣгство...

У городскихъ воротъ генералъ Веревкинъ былъ встрѣченъ депутаціей изъ мѣстныхъ жителей, изъявившихъ совершенную покорность; и такъ какъ они участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ не принимали, то городъ былъ пощаженъ. 18 мая отряды наши выступили по дорогѣ къ городу Мангыту. Во время движенія происходили безпрерывныя схватки. Передъ вступленіемъ въ городъ мы выставили баттарею, которая нѣсколькими выстрѣлами прогнала непріятеля. Войска наши преслѣдовали его, но были встрѣчены выстрѣлами изъ домовъ; вслѣдствіе этого Мангытъ, при взятіи его штурмомъ, не мало пострадалъ: около половины строеній было сожжено.

На другой день мы двинулись далѣе. Жители городовъ, лежащихъ на пути, по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ, высылали депутаціи съ изъявленіемъ полной покорности.

*, Топографія—наука дѣлать измѣренія и описаніе мѣстностей; топографіей называется также подробное изображеніе и описаніе мѣстностей.

22 мая войско наше было встрѣчено 10.000 всадниковъ, завязалась жаркая битва, и, несмотря на неравность силъ, перекрестный огонь нашихъ орудій заставилъ непріятеля обратиться въ бѣгство, причемъ на полѣ сраженія онъ оставилъ около 300 труповъ, брошенныхъ имъ вопреки обычаю всѣхъ вообще азіатцевъ—увозить своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Такое пораженіе произвело сильное впечатлѣніе на непріятеля. Здѣсь были собраны всѣ силы Хививцевъ, и Іомуды обѣщали хану не возвращаться безъ побѣды. Событія обманули ихъ ожиданія и они разбрелись по домамъ. Въ этотъ же день ханъ прислалъ начальнику отряда письмо, въ которомъ просилъ его остановиться, ссылаясь на условія, будто бы заключенныя съ генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ. Генераль Веревкинъ отвѣчалъ отказомъ.

25 мая отряды наши продолжали движеніе къ Хивѣ, а на слѣдующій день мы уже стояли лагеремъ въ 10 верстахъ отъ столицы ханства. До 28 числа непріятель нѣсколько разъ пробовалъ нападать, но каждый разъ былъ обращаемъ въ бѣгство. Наконецъ генераль Веревкинъ рѣшилъ сдѣлать осмотръ мѣстности, лежащей подъ Хивой, и, чтобъ уронить духъ жителей, обстрѣлять городъ. Но едва наши войска подвинулись версты на 3—4 къ столицѣ, какъ изъ-за садовъ, ее окружающихъ, стали появляться всадники въ значительномъ числѣ. Нѣсколько мѣткихъ гранатъ разогнали ихъ и дали возможность отряду выйти на большую дорогу безпрепятственно. Когда же главные части колоннъ показались изъ-за стѣнъ домовъ, находившихся на пути,—на насъ посыпались ядра. Начальникъ отряда, приказавъ орудіямъ открыть огонь, продолжалъ наступленіе, подвигаясь въ страшной пыли по узкой дорогѣ, извивавшейся между садовъ, стѣнъ и домовъ.

Въ это время войска наши неожиданно подверглись дѣйствію баттарей, расположенной за каналомъ передъ городскими стѣнами, саженьхъ въ 200 отъ нашей цѣпи. Откомандированныя роты бросились впередъ, взяли мостъ и находившіяся за нимъ орудія; тогда Хивинцы открыли сильный ружейный и фальконетный*) огонь со стѣнъ столицы. Прибывшій на мѣсто сраженія генераль Вережкинъ былъ раненъ пулею въ лицо, около лѣваго глаза. Принужденный удалиться, онъ поручилъ начальство полковнику Саранчеву. Въ это время изъ города прибылъ одинъ изъ важныхъ хивинскихъ сановниковъ для мирныхъ переговоровъ. Ему были предложены слѣдующія условія: 1) дѣйствія наши прекращаются на три часа, 2) по истеченіи которыхъ изъ столицы должна прибыть депутація почетныхъ лицъ и привести съ собой, для выдачи, сколько успѣютъ собрать, орудій и другаго оружія; 3) такъ какъ генераль Вережкинъ не уполномоченъ прекратить совершенно военныя дѣйствія, то старшее въ городѣ лицо (по случаю бѣгства хана, удалившагося наканунѣ къ Іомудамъ) немедленно должно отправиться къ главнокомандующему, генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, за рѣшеніемъ своей участи; 4) если по истеніи трехъ часовъ не послѣдуетъ отвѣта, то городъ будетъ бомбардированъ.

По окончаніи условленнаго срока явился изъ столицы новый посланный и объявилъ, что жители просятъ не возобновлять дѣйствій до утра; видя въ этомъ уловку, командующій отрядомъ открылъ огонь съ мортирной баттарей, не прекращая его въ теченіе цѣлаго часа, но за-

*) Фальконетъ—артиллерійское оружіе, короткое и малокалиберное, которое употреблялось въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Теперь это орудіе употребляется въ Европѣ только въ морской артиллеріи.

тѣмъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ явившейся изъ города депутаціи, далъ отсрочку еще на три часа.

Вскорѣ получено приказаніе отъ главнокомандующаго приостановить стрѣльбу, если непріятель, съ своей стороны, тоже не будетъ стрѣлять. Но, черезъ нѣкоторое время, непріятель, задѣлавъ пробоины въ стѣнахъ и перемѣнивъ подбитыя орудія, открылъ пальбу. Это произошло, впрочемъ, отъ того, что въ столицѣ одержала верхъ воинственная партія Туркменъ. Поэтому генераль Верекинъ далъ разрѣшеніе полковнику Константиновичу овладѣть городскими стѣнами, если онъ найдетъ это необходимымъ для обезпеченія вступленія нашихъ войскъ въ городъ.

Утромъ 29 мая открытъ былъ огонь съ баттарей, расположенной въ 90 саженьяхъ отъ ограды Хивы. Послѣ 25 выстрѣловъ были сдѣланы пробоины какъ въ самой стѣнѣ, такъ и въ воротахъ. Тогда полковникъ Скобелевъ бросился на штурмъ и вмгъ овладѣлъ валомъ, взявъ съ боя три непріятельскихъ орудія, и первымъ вошелъ черезъ проломъ въ столицу. За храбрымъ полковникомъ ворвались нѣсколько ротъ... Въ это время получено было совершенно неожиданное приказаніе отъ главнокомандующаго — прекратить вступленіе.

XXIV.

Для объясненія распоряженія генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, обратимся къ движенію Туркестанскаго отряда.

26-го мая къ главнокомандующему прибылъ второй посланный съ письмомъ отъ хана, въ которомъ тотъ просилъ остановить наступленіе и объявить условія мира. Главнокомандующій отвѣчалъ, что движеніе войскъ

не остановить и переговоры будетъ вести не иначе, какъ въ самой Хивѣ.

На послѣднемъ ночлегѣ передъ столицей, въ лагерь Туркестанскаго отряда явился съ письмомъ отъ хана двоюродный братъ его Иртазали. Ханъ писалъ, что сдается со всѣми своими владѣніями Бѣлому Царю и уполномочиваетъ посланнаго выслушать всѣ условія мира и дать на нихъ соотвѣтствующіе отвѣты. Вручивъ письмо, Иртазали просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы генераль Веревкинъ прекратилъ стрѣльбу, такъ какъ ханъ передаетъ себя, Хиву и все ханство на милосердіе Государя Императора и просить пощады.

Генераль Кауфманъ отвѣчалъ, что условія мира онъ лично передастъ хану, а потому и приглашаетъ его выѣхать на встрѣчу, когда Туркестанскій отрядъ будетъ подходить къ Хивѣ.

На разсвѣтъ 29 мая Туркестанскій отрядъ выступилъ съ бивуака и около 8 ч. утра вошелъ въ сады, непосредственно прилегающіе къ г. Хивѣ. Здѣсь генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ встрѣченъ былъ выѣхавшими изъ города высшими сановниками ханства: дядею хана (второе послѣ хана лицо), среднимъ братомъ его, инакомъ Иртазали (двоюродный братъ хана), пріѣзжавшимъ къ нему наканунѣ, и другими почетными лицами, со свитою. Они явились къ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману съ подарками и съ заявленіемъ, что такъ какъ Ханъ, не выждавъ наканунѣ его отвѣта, выѣхалъ съ Юмудами и съ нѣсколькими приближенными, въ томъ числѣ съ диванъ-беги Мать-Мурадомъ, изъ города въ сторону, откуда дѣйствовалъ отрядъ ген.-лейт. Веревкина, и затѣмъ уже не возвращался въ него, то жители города, освободивъ бывшаго арестованнымъ ханомъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, средняго брата его, Ата-Джана, провозгласили его ханомъ, подъ регент-

ствомъ дяди и тестя бывшаго хана, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара. Эта послѣдняя личность, весьма почтенныхъ, за 70 уже, лѣтъ, въ настоящее время, представляя изъ себя слабаго, хилаго старца, издавна, еще при отцѣ настоящаго хана и во все время ханствованія Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-хана, былъ всегда представителемъ мирной партіи въ Хивѣ, настаивавшей у хана на необходимости жить въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ съ Россіею. Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара былъ, вслѣдствіе этого, постояннымъ врагомъ ближайшему совѣтнику и любимцу хана, диванъ-беги Матъ-Мураду, который, напротивъ, всегда, и въ послѣднее время въ особенности, подстрекалъ хана на враждебныя дѣйствія его по отношенію къ Россіи. Подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара, особенно въ послѣднее время, былъ въ большой немилости у хана. Сановникъ этотъ, здоровье котораго разрушено, лишенъ теперь всякаго значенія, хотя и пользуется въ народѣ почетомъ и уваженіемъ, главнымъ образомъ, за его мирное настроеніе по отношенію къ Русскимъ. Наоборотъ, диванъ-беги Матъ-Мурадъ ненавидимъ народомъ, который, вынеся на себѣ всѣ бѣдствія войны, въ настоящее время клянетъ и презираетъ его. Въ то время, какъ генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ велъ переговоры съ выѣхавшею къ нему на встрѣчу депутаціей отъ города, состоявшею изъ поименованныхъ выше лицъ и присоединившагося еще къ нимъ диванъ-беги Матъ-Ніаза, со стороны, гдѣ расположенъ былъ отрядъ ген.-лейт. Веревкина, снова послышалась орудійная и ружейная перестрѣлка. Находя нужнымъ остановить военныя дѣйствія Кавказскаго и Оренбургскаго отрядовъ, такъ какъ хана съ Матъ-Мурадомъ и Юмудами, которые, собственно, и составляли воинственную партію въ городѣ, уже не было въ немъ, главнокомандующій тотчасъ же послалъ

ген.-лейт. Веревкину приказаніе прекратить огонь, такъ какъ городъ, въ лицѣ явившихся его представителей и уполномоченныхъ, сдавался безусловно, молилъ о пощадѣ и открывалъ войскамъ ворота. Вскорѣ канонада прекратилась и ген.-ад. фонъ-Кауфманъ отдалъ приказаніе о вступленіи въ Хиву соединенныхъ войскъ изъ трехъ отрядовъ: Оренбургскаго, Кавказскаго (Мангышлакскаго) и Туркестанскаго. Въ исполненіе его предписанія, посланнаго наканунѣ, 28 мая, съ бивуака у Янги-арыка, ген.-лейт. Веревкинъ, для возстановленія связи между туркестанскими и подчиненными ему войсками, выслалъ къ мосту Сарра-Кутрукъ, на Полванъ-арыкѣ, двѣ роты, два конныя орудія и четыре сотни, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Саранчева: самъ же ген.-лейт. Веревкинъ не могъ выѣхать къ ген.-адъют. фонъ-Кауфману на встрѣчу съ этимъ отрядомъ, такъ какъ наканунѣ, 28 мая, во время производства подъ стѣнами Хивы усиленной рекогносцировки, онъ былъ раненъ и потому оставался у себя въ лагерѣ. Въ 2 часа дня, 29 мая, войска туркестанскія (7¹/₂ ротъ, 8 орудій, три сотни), оренбургскія (одна рота и двѣ сотни) и кавказскія (рота Ширванскаго полка, сотня линейныхъ казаковъ и сотня конно-мусульманскаго иррегулярнаго полка), подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Головачева, торжественно, съ музыкой, вступили въ столицу ханства.

Въ побѣдѣ надъ варварскими скопищами нельзя было сомнѣваться ни минуты. Главная заслуга была — въ преодолѣніи трудностей, противопоставляемыхъ тысячеверстными пространствами степи, при едва переносимомъ климатѣ, — трудностей, которыя въ продолженіе цѣлыхъ полутора вѣковъ преграждали путь къ обузданію хищничества.

Главнокомандующій, прибывъ въ городъ, поздравилъ доблестныя войска, именемъ Государя Императора, съ по-

бѣдою и успѣшнымъ достиженіемъ цѣли экспедиціи и благодарилъ ихъ за славную, честную, вѣрную долгу и присягъ службу. Мощное русское „ура“, широко и громко раздавшееся въ стѣнахъ ханскаго дворца и цитадели г. Хивы, было отвѣтомъ войскъ на привѣтствія главнаго ихъ начальника. Занявъ карауломъ дворецъ хана и поставивъ часовыхъ для охраны части не вывезеннаго ханомъ имущества и тарема, въ которомъ оставалось еще ханское семейство, ген.-адъют. фонъ-Кауфманъ пробылъ во дворцѣ около двухъ часовъ времени, гдѣ принималъ разныя депутаціи отъ жителей города, торговцевъ, нѣкоторыхъ служащихъ лицъ, и затѣмъ отправился съ своимъ конвоемъ черезъ городъ въ противоположныя Хазарь-Аспскимъ, сѣверныя, Шахъ-Абатскія ворота, которыя къ этому времени уже были заняты отрядомъ отъ кавказскихъ и оренбургскихъ войскъ. Черезъ Шахъ-Абатскія ворота ген.-ад. фонъ-Кауфманъ проѣхалъ въ лагерь соединенныхъ Оренбургскаго и Мангышлакскаго отрядовъ, гдѣ осмотрѣлъ войска и ихъ расположеніе, и посѣтилъ раненыхъ и больныхъ. Войска, подъ начальствомъ ген.-майор. Головачева вошедшія въ городъ, занимали его 30, 31 мая и 1 іюня, а утромъ 2 іюня перешли въ свои лагери, оставивъ въ городѣ занятыми только Хазарь-Аспскія, Шахъ-Абатскія и крѣпостныя ворота. 30 мая, въ день годовщины рожденія Императора Петра I, отслушавъ утромъ, въ войскахъ Оренбургскаго и Кавказскаго отрядовъ, молебствіе за здравіе Государя Императора и панихиду за упокой Петра I и сподвижниковъ, убіенныхъ на войнѣ съ Хивой, ген.-ад. фонъ-Кауфманъ отправился оттуда по дорогѣ вдоль Полванъ-арыка, внѣ городской стѣны, и выбралъ, вблизи Хазарь-Аспской дороги, мѣсто подъ лагерь туркестанскихъ войскъ. Оренбургскій отрядъ оставленъ былъ въ прежнемъ своемъ расположеніи на Шахъ-Абатской до-

рогъ, а кавказскія войска переведены въ центральное расположеніе между Туркестанскимъ и Оренбургскимъ отрядами, на дорогъ изъ Хивы въ Новый Ургенчъ.

Войскамъ, выступившимъ изъ Красноводска, не пришлось участвовать во взятіи Хивы, — они принуждены были вернуться съ половины пути. Начальникъ отряда, полковникъ Маркозовъ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ съ Туркменами, достигъ 10 апрѣля колодцевъ Игды. Дальнѣйшій переходъ, верстъ въ 75, приходилось совершить по безводной степи. Для движенія по ней отрядъ былъ снабженъ пятиведерными боченками, по 40 на роту, и кромѣ того почти каждый рядовой имѣлъ воду при себѣ, въ бутылкахъ и манеркахъ. Путь отъ Игды до колодцевъ Орта-Куй пересѣкался высокими буграми, состоящими изъ известковой пыли, въ которой люди и лошади вязли по колѣна.

18 апрѣля, раннимъ утромъ, полковникъ Маркозовъ оставилъ съ частью отряда, бивуакъ у колодцевъ Игды. Остальныя войска должны были слѣдовать эшелонами. Жара была невыносимая. Пѣхота, пройдя немного болѣе 10 верстъ, принуждена была остановиться. На привалѣ въ 11 часовъ было 52°, а въ полдень зной былъ выше 55°. Бѣлая пыль стояла въ воздухѣ неподвижно, совершенно затрудняя дыханіе. Изъ 5-ти ведерныхъ боченковъ воды испарялось въ сутки по 1½ ведра. Несмотря на то, начальникъ отряда рѣшилъ продолжать движеніе, но съ каждымъ шагомъ положеніе войска становилось невыносимѣе, — люди и лошади безпрестанно падали. Даже наступленіе ночи не принесло облегченія, такъ какъ духота почти не уменьшилась.

Очевидно было, что при такихъ условіяхъ отрядъ не могъ дойти до мѣста назначенія, тѣмъ болѣе, что предстояли еще большіе переходы по безводнымъ степямъ;

а зной грозилъ сдѣлаться еще сильнѣе... Принявъ все это въ расчетъ, полковникъ Маркозовъ повернулъ назадъ.

Въ военномъ отношеніи дѣйствія Красноводскаго отряда принесли ту выгоду, что лишили возможности племя Текке подать помощь Хивинцамъ.

XXV.

Послѣ установленія порядка въ столицѣ ханства, жители возвратились къ своимъ обыденнымъ занятіямъ. А затѣмъ вскорѣ открылись лавки и началась торговля, тѣмъ успѣшнѣе, что все необходимое для войска покупалось на базарѣ на наличныя деньги. Депутаціямъ, являвшимся къ главнокомандующему непрерывно изъ разныхъ мѣстъ и городовъ ханства, ген.-ад. фонъ-Кауфманъ объявлялъ, чтобы населеніе жило мирно, спокойно; чтобы жители возвращались вездѣ къ своимъ жилищамъ, имуществу, къ полямъ и спокойно занимались дѣломъ. Именемъ Государя Императора ген.-ад. фонъ-Кауфманъ объявилъ также всему населенію ханства милосердіе Его Императорскаго Величества, съ непремѣннымъ условіемъ мирной, спокойной жизни и занятія дѣломъ и полевыми работами. О ханѣ, между тѣмъ, опредѣленныхъ свѣдѣній, гдѣ онъ находится и куда скрылся, сначала не было никакихъ. Извѣстно было только, что онъ въ средѣ Юмудовъ, которые, будто бы, собираются въ значительномъ числѣ около Казавата и Ташауса, съ цѣлю, имѣя во главѣ своей хана Сеидъ-Мухамедъ-Рахима, продолжать, во что бы то ни стало, борьбу съ нами. Не довѣряя вполнѣ этимъ слухамъ, ген.-ад. фонъ-Кауфманъ рѣшился самъ написать хану письмо, въ которомъ совѣтовалъ ему явиться къ нему. Письмо ген.-ад. фонъ-Кауфмана

было послано утромъ 1 іюня, а 2 числа вечеромъ ханъ, согласно требованію, не заѣзжая въ г. Хиву, прямо прибылъ въ лагерь Туркестанскаго отряда и тотчасъ же представился главнокомандующему.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ принялъ хана съ подобающимъ его сану почетомъ и допустилъ его къ управленію страной. Изъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на веденіе дѣлъ въ ханствѣ, главнокомандующій назначилъ въ совѣтъ управленія диванъ-беги Матъ-Ніаза, который одинъ изъ всѣхъ бывшихъ ближайшихъ совѣтниковъ хана обратилъ на себя вниманіе умомъ, пониманіемъ и вѣрною оцѣнкою совершившихся событій; Матъ-Ніазъ и въ населеніи пользуется почетомъ и уваженіемъ. Онъ представился ген.-адъют. фонъ-Кауфману еще до вступленія войскъ въ Хиву и до возвращенія хана; все трудное, смутное время, когда жители города Хивы были въ сильно напряженномъ состояніи и не могли еще опомниться отъ постигшей ихъ катастрофы, Матъ-Ніазъ былъ единственный разумный, толковый человѣкъ изъ всѣхъ сановниковъ и приближенныхъ хана, съ которымъ можно было говорить, имѣть дѣло и который помогъ до нѣкоторой степени успокоить населеніе.

По изъявленіи хивинскимъ ханомъ покорности и по возстановленіи его на престолѣ, учрежденъ былъ для управленія дѣлами ханства особый совѣтъ, на время пребыванія русскихъ войскъ въ хивинскихъ предѣлахъ. Цѣль образованія упомянутаго совѣта, или дивана, заключалась въ облегченіи хану веденія административныхъ и финансовыхъ дѣлъ страны, занятой нашими войсками. Въ составъ членовъ этого совѣта вошли частью лица русскія, по выбору главнаго начальника русскихъ войскъ въ ханствѣ, частью же хивинскіе сановники, по назначенію самаго хана. Однимъ изъ первыхъ и важ-

нѣйшихъ вопросовъ, представлявшихся для разрѣшенія по вступленіи русскихъ войскъ на территорію Хивинскаго ханства, былъ, безъ сомнѣнія, вопросъ о рабствѣ, такъ какъ, съ одной стороны, достоинство русскаго имени не допускало возможности терпѣть существованія невольничества и торгоа людьми въ странѣ, занятой войсками Русскаго Государя; съ другой стороны, не только сами рабы-Иранцы ждали себѣ свободы и возвращенія на родину отъ прихода Русскихъ въ Хиву, но повсемѣстно, въ Средней . Азіи, господствовало убѣжденіе, что если Русскіе явятся въ Хиву, то настанетъ конецъ рабству. Поэтому, когда ханъ былъ возстановленъ въ своемъ званіи, признано было необходимымъ немедленно обсудить этотъ вопросъ, дабы онъ могъ быть окончательно разрѣшенъ до оставленія Хивы главнымъ начальникомъ всѣхъ экспедиціонныхъ войскъ. Скорѣйшее разрѣшеніе этого важнаго дѣла становилось тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что рабы, бѣжавшіе уже отъ своихъ хозяевъ,—а такихъ было очень много,—начали производить грабежи и разбои, а сами хозяева, боясь лишиться своихъ рабовъ, хотѣли привести ихъ къ повиновенію самыми жестокими мѣрами наказанія. 11 іюня генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ пригласилъ къ себѣ Сеидъ-Мухаметъ-Рахимъ-хана, которому подробно разъяснилъ необходимость освобожденія невольниковъ въ его владѣніяхъ. Ханъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился съ доводами командующаго войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ускорить это дѣло, чтобы покончить съ нимъ, пока войска наши будутъ оставаться въ предѣлахъ ханства. На слѣдующій день, 12 іюня, въ присутствіи Мухамедъ-Рахима, состоялось постановленіе совѣта управленія ханствомъ, утвержденное генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, въ силу котораго провозглашено было безусловное освобожденіе рабовъ и установленъ порядокъ отправленія ихъ на ро-

дину. По этому поводу ханъ издалъ, для повсемѣстнаго обнародованія, слѣдующее объявленіе:

«Я, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ, во имя глубокаго уваженія къ Русскому Императору, повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу Русскому.

«Эту волю мою повелѣваю исполнить въ точности, подъ опасеніемъ самаго строгаго наказанія. Всѣ бывшіе рабы, отнынѣ свободные, должны считаться на одинаковыхъ правахъ съ прочими моими подданными и подлежать одинаковымъ съ ними взысканіямъ и суду за нарушеніе спокойствія въ странѣ и безпорядки, — почему я и призываю всѣхъ ихъ къ порядку.

«Бывшимъ рабамъ предоставляется право жить, гдѣ угодно въ моемъ ханствѣ, или выѣхать изъ него, куда пожелаютъ; для тѣхъ, кои пожелаютъ выѣхать изъ ханства, будетъ объявлена особо принятая мѣра. Женщины-рабыни освобождаются на одинаковыхъ началахъ съ мужчинами; въ случаѣ споровъ замужнихъ женщинъ съ мужьями, дѣла разбираются по шаригату».

Чрезъ два дня послѣ разсылки этого объявленія ханъ послалъ приказаніе о сборѣ рабовъ, желающихъ отправиться на родину. Имъ приказано было соединиться въ базарныхъ пунктахъ, выбрать изъ среды своей старшинъ и отправиться, при назначенныхъ отъ хана провожатыхъ, къ границамъ Персіи.

Остальныя важнѣйшія условія мира заключались въ слѣдующемъ:

1) Ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго и отказывается отъ заключенія какихъ-либо договоровъ безъ вѣдома и разрѣшенія высшей Русской власти въ Средней Азіи.

II) Границею между Русскими землями должна служить

р. Аму-Дарья, до отдѣленія изъ нея самаго западнаго притока и до впаденія его въ Аральское море. Далѣе граница направляется по берегу моря на мысъ Ургу, а отсюда по старому руслу Аму-Дарьи.

III) Русскимъ судамъ предоставляется свободное плаваніе по Аму-Дарьѣ.

IV) Въ тѣхъ мѣстахъ, на лѣвомъ берегу, гдѣ окажется удобнымъ, Русскіе имѣютъ право устраивать пристани.

V) Русскимъ предоставляется имѣть на лѣвомъ берегу для склада товаровъ факторіи (конторы), которыя должны находиться подъ непосредственнымъ покровительствомъ ханскаго правительства.

VI) Всѣ города и селенія ханства открыты для русской торговли.

VII) Русскіе купцы освобождаются отъ всякаго рода торговой повинности и имъ предоставляется право безплатной транзитной *) торговли. Кромѣ того они могутъ имѣть повѣренныхъ во всѣхъ городахъ, для сношенія съ мѣстными властями и для наблюденія за ходомъ торговыхъ дѣлъ.

VIII) Русскимъ подданнымъ предоставляется право пріобрѣтать въ ханствѣ недвижимую собственность.

IX) Ханское правительство не принимаетъ къ себѣ выходцевъ изъ Россіи и выдаетъ бѣжавшихъ русскихъ преступниковъ.

X) На ханство налагается пеня въ 2.000.000 рублей, съ разсрочкою на 20 лѣтъ.

И такъ, мы, сравнительно съ ничтожными потерями, достигли громадныхъ и существенныхъ результатовъ. Впрочемъ, покорность Хивинцевъ крайне не нравилась Туркменамъ. Они хорошо понимали, что могущественною Россіей

*) Транзитъ—перевозъ товара изъ одного государства въ другое чрезъ третье.

имъ не придется помыкать, какъ они помыкали властью хивинскаго правительства: сила ихъ въ ханствѣ, до прихода Русскихъ, была такъ велика, что ихъ не осмѣливались даже подвергать наказаніямъ за воровство, набѣги и грабежи, совершаемые въ хивинскихъ предѣлахъ. Туркмены, обольстясь своею силою, и послѣ покоренія Хивы не унимались и по прежнему продолжали грабежи, вслѣдствіе чего генералъ-адъютантъ Кауфманъ наложилъ на нихъ пеню въ 300.000 рублей и приказалъ начать сборъ ея съ самаго многочисленнаго и буйнаго рода Юмудовъ, Байрамъ-Шалы.

Тогда Туркмены вздумали дать намъ отпоръ и огромными скопищами напали на отрядъ генерала Головачева. Въ битвѣ 15 іюня съ обѣихъ сторонъ дрались жарко. Никогда еще въ Средней Азіи, по словамъ очевидцевъ, туземцы не бились съ такою смѣлостью и настойчивостью, какъ въ день 15 іюня. Надвинувъ шапки на глаза, они съ саблями и съкирами въ рукахъ устремлялись на штыки, несмотря на гибельный огонь пѣхоты. Въ атакѣ участвовали и пѣшіе Туркмены, вооруженные исключительно холоднымъ оружіемъ. Босые, въ однѣхъ рубахахъ, съ засученными рукавами, они подскакивали къ фронту, сидя на крупахъ лошадей всадниковъ и, быстро, соскочивъ на землю, бросались на нашъ отрядъ, закрывая лѣвою рукой глаза и стараясь прорвать нашъ строй, чтобъ облегчить нападеніе всадниковъ.

Они такъ сильно стремились избавиться отъ нашего вліянія, что, накануне описываемаго боя, обрекли себя на смерть, пили кровь козленка и передъ самою битвой муллы прочитали надъ ними отходныя молитвы... Но всѣ ихъ усилія были напрасны; несмотря на значительное преобладаніе ихъ въ количественномъ отношеніи (Туркменъ участвовало до 10.000), они въ концѣ-концовъ отступили и потеря ихъ была громадна: одними убитыми они лиши-

лись около 900 человекъ, число же раненыхъ было еще значительнѣе.

Вскорѣ послѣ этого дѣла стали являться къ главнокомандующему старшины бѣжавшихъ Тумудовъ и просили милости и пощады, общая полную покорность и уплату пени.

Послѣ усмиренья Туркменъ отряды наши съ первыхъ чиселъ августа начали выступать изъ Хивы. На обратномъ пути въ Россію было выстроено, въ 4 верстахъ отъ Шурахана, укрѣпленіе Петро-Александровское для небольшого отряда, оставленнаго на правомъ берегу Аму-Дарьи, съ тѣмъ, чтобъ онъ наблюдалъ за исполненіемъ заключенныхъ съ ханомъ условій. Позднѣйшія событія оправдали такую мѣру: покорность Туркменъ была непродолжительна. Едва войска наши отошли на значительное разстояніе отъ Хивы, какъ они снова взялись за разбой и перебили множество освобожденныхъ рабовъ — Персіянъ, возвращавшихся въ свое отечество. Главными зачинщиками этихъ беспорядковъ на этотъ разъ явились Туркмены-Текинцы. Тогда оставленный въ Петро-Александровскомъ укрѣпленіи отрядъ выступилъ противъ мятежниковъ и, достигнувъ шайку Текинцевъ, истребилъ ее; только 8 человекъ успѣли переплыть Аму-Дарью.

XXVI.

Въ заключеніе нашихъ краткихъ очерковъ Хивы, приведемъ двѣ легенды *), созданныя воображеніемъ полудикихъ Хивинцевъ; эти сказки отчасти обрисовываютъ ту легковѣрность, съ которою сыны Средней Азіи усваиваютъ самые нелѣпые вымыслы, когда дѣло идетъ о Русскихъ.

*) «Русскій Инвалидъ» за 1873 г., сентябрь мѣсяцъ.

Еще до выступленія Туркестанскаго отряда съ р. Клы, хивинскимъ ханомъ получено было отъ какого-то самаркандскаго жителя письмо, которое, извѣщая хана о движеніи Русскихъ на Хиву, вмѣстѣ съ тѣмъ уговаривало его не бояться этого, потому что русскихъ немного. Далѣе, письмо объясняло, что изъ каждаго десяти верблюдовъ русскаго отряда на одномъ только сидитъ живой солдатъ, а на девяти остальныхъ чучела, которыя двигаются, какъ будто бы стрѣляютъ, и кричатъ; точно также, на одну изъ десяти лошадей приходится одинъ солдатъ, а на девяти остальныхъ сидятъ чучела. Молва объ этихъ чучелахъ была распространена по всему ханству. На сколько въ нее вѣрили, сказать трудно; но фактъ тотъ, что Хивинцы слишкомъ самоувѣренно надѣялись на успѣхъ. О Туркестанскомъ отрядѣ они даже сначала и не беспокоились, не допуская, чтобы можно было пройти чрезъ Адамъ-крылганъ. Они считали погибшими всѣхъ Русскихъ, идущихъ въ этомъ направленіи, и еслибы даже Туркестанскому отряду удалось кое-какъ, выбиваясь изъ силъ, добраться до Сардаба-куля, то, по мнѣнію Хивинцевъ, Мать-Мурадъ долженъ былъ непременно доканать его. Только 14 числа, когда Хивинцы увидѣли съ лѣваго берега нашу колонну, двигавшуюся сосредоточенно по правому берегу, они упали духомъ. Съ этой минуты всѣ упованія свои они возложили, исключительно, на святыхъ—защитниковъ Ховарезма.

Другая легенда, еще болѣе курьезная, получила начало, благодаря высылкѣ въ туркменскія кочевья отряда, подъ начальствомъ генераль-маіора Головачева. Дѣло въ томъ, что когда получено было въ Хивѣ извѣстіе, что Туркмены уклоняются отъ уплаты наложенной на нихъ контрибуціи (пени), то стали также говорить, что эти воинственные кочевники собираются на томъ же урочищѣ, близъ котораго, лѣтъ

17 тому назадъ, имъ удалось одолѣть хивинскаго хана Абдуллу, который и былъ тамъ же зарѣзанъ. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ и высылкою отряда противъ Туркменъ, между хивинскими Узбеками стала распространяться молва, что генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ не русскій человѣкъ, а чистый мусульманинъ, и вотъ на какомъ основаніи. Послѣ битвы на сказанномъ урочищѣ, гласить эта легенда, Абдулла-ханъ не былъ зарѣзанъ Юмудами, а бѣжалъ въ Россію и тамъ поступилъ на службу Русскому Государю. Абдулла очень понравился Бѣлому Царю и ему удалось выпросить себѣ войско для похода на Хиву, а главное—для наказанія Юмудовъ, желавшихъ его зарѣзать. Бѣлый Царь далъ Абдуллѣ войско, и вотъ онъ явился подъ Хивою въ качествѣ русскаго генерала. Для подтвержденія этой нелѣпицы, Узбеки указываютъ на то, что еслибы генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ не былъ мусульманиномъ, онъ, какъ побѣдитель, вырѣзалъ бы и лишилъ имущества всѣхъ жителей ханства, а не сталъ бы такъ кротко обращаться съ мусульманами. Желаніе же его наказать Юмудовъ за ихъ непокорность вполне естественно: вѣдь они хотѣли его зарѣзать. Отсюда очевидно: генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ никто другой, какъ Абдулла-ханъ, правившій Хивою съ 1855 по 1856 годъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ОЧЕРКАМЪ ХИВЫ *).

Одинъ изъ лучшихъ русскихъ живописцевъ нашего времени, В. В. Верещагинъ, нарочно ѣздилъ въ Среднюю Азію, чтобъ изучить тамошнюю природу и людей. Послѣдствіемъ этой поѣздки былъ цѣлый рядъ картинъ изъ жизни обитателей Туркестана, выставка которыхъ, находящаяся теперь въ Москвѣ, по отзывамъ знатоковъ, можетъ быть справедливо названа зеркаломъ, въ которомъ отразилась средне-азиатская жизнь, въ ея домашнемъ, военномъ и общественномъ быту, съ поразительною вѣрностью. Сообразно этимъ тремъ сторонамъ ея, и самыя картины можно раздѣлить на три отдѣла: къ *первому* отнести виды разныхъ мѣстностей Средней Азіи, городовъ и построекъ; ко *второму*—характерные портреты тамошнихъ обитателей; къ *третьему*—картины изъ исторіи послѣдняго похода русскихъ войскъ въ Хиву.

Отличительную черту картинъ перваго отдѣла составляетъ необыкновенная яркость, непривычная для глазъ большинства изъ насъ, пестрота: почти всегда безоблачное, лазуревое небо; громадныя вершины, покрытыя вѣчными снѣгами **), точно цѣлыми городками прозрачныхъ, хрустальныхъ дворцовъ; нѣсколько ниже—снѣжныя поляны, обрывистые уступы, опорошенные снѣгомъ; темная синева низовья горъ, окруженныхъ густыми абрикосовыми рощами, переходящими выше въ чернолѣсье, еловый и пихтовый боръ; серебри-

*) За сообщеніе этой статьи приношу благодарность Н. П. К -- ву.
Е. Ж.

**) На вершинахъ очень высокихъ горъ, какъ извѣстно, снѣгъ никогда не таетъ.

стыя полоски падающихъ въ глубокіе овраги водопадовъ и горныхъ родниковъ; огромныя глыбы, разбросанныхъ по долинамъ, обломковъ гранита; пестрыя стада барановъ и верблюдовъ; нарядные, затѣйливо раскрашенные храмы и плоскокрышіе глиняные домики: наполненные всякимъ товаромъ и съѣстными припасами, крытыя хворостомъ, войлокомъ, соломой или камышомъ, лавчонки базаровъ; яркихъ цвѣтовъ халаты мужчинъ и «бешметы» женщинъ, — представьте все это, облитое яркими, палящими лучами южнаго солнца, — и вотъ вамъ, въ общихъ чертахъ, тѣ условія, изъ которыхъ складывается любой изъ туркестанскихъ видовъ Верещагина.

Прежде всего, здѣсь поражаютъ величественностью своей высокія, снѣговыя горы. Долины ихъ служатъ для кочевниковъ пріютомъ на лѣтнее время, — это такъ называемая *перекочевка*, повторяющаяся не разъ на картинахъ Верещагина. Пестрою змѣей извиливается чрезъ Алатаускія горы караванъ Киргизовъ, съ ихъ семействами и домашнимъ скарбомъ. Вотъ, согнувшаяся подъ навьюченную на нее тяжелою ношею, идетъ женщина, съ прищипившимися къ ея платью дѣтьми, и сзади верхомъ, на любимой ослицѣ, преспокойно ѣдетъ мужъ, глава семьи, словно погоняя передъ собою стадо барановъ... Далѣе — верблюдъ, съ разукрашенною шелковыми и шерстяными кистями головою, выступаетъ твердой и осторожною походкой, мѣрно покачиваясь всѣмъ тѣломъ и звеня нацѣпленнымъ промежъ его горбовъ оружіемъ. Затѣмъ — стада, снова верблюды, двухколесныя телѣги (арбы) и опять стада. Но вотъ картины, на которыхъ не видно человѣческихъ фигуръ: это или степи, или заброшенные развалины храмовъ и сооружений. Богъ вѣсть, когда и кѣмъ построенныхъ; вотъ развалины моленъ въ Чугучакѣ, съ ихъ рядами тонкихъ, словно выточенныхъ, столбиковъ; вотъ развалина огромной кумирни по дорогѣ къ Кульджаѣ; вотъ остатки Чугучакскаго театра и т. д. Постройки затѣйливы и нарядны. Сохранившіяся (преимущественно въ городахъ) и до сихъ поръ составляютъ предметъ удивленія путешественниковъ. Самые города окружены обширными и тѣнистыми садами, изъ-за густой зелени которыхъ поднимаются стройныя, красивыя башенки церквей (минареты). Общій видъ города необыкновенно заманчивъ; но посмотрите кар-

тины, изображающія обыкновенныя улицы, безъ дворцовъ и храмовъ,—и всякое очарованіе исчезнетъ; вы видите либо грязныя, либо пыльныя стѣны, по обѣимъ сторонамъ идущія иногда на довольно большое пространство, безъ оконъ и дверей, — только изрѣдка видны ворота или калитка, да высоко, высоко надъ головою, крошечное окошечко, защищаемое отъ взора любопытныхъ частою сѣткой.

Изъ-за этихъ сѣтокъ поднимаются кудрявыя маковки абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, или свѣшиваются толстыя грозди виноградныхъ лозъ. Изрѣдка, въ этомъ окошечкѣ, или изъ-за высокаго забора, виднѣется пугливое лицо женщины. Попадающіеся на улицахъ средне-азіатскаго города фигуры—почти исключительно мужскія; это—серьезныя, сдержанныя фигуры горожанъ съ огромными кисейными чалмами, наверхенными на головахъ. Тѣ же части города, на которыхъ встрѣчаются дворцы и минареты, носятъ уже совершенно иной отпечатокъ, нежели болѣе отдаленныя улицы. Такъ напр. «дворецъ эмира» въ Самаркандѣ, входныя ворота во дворецъ коканскаго хана, мечеть въ г. Ходжентѣ, Самаркандская мечеть, Сауранскій минареть, лѣстница въ мечети Шахъ-Зинда и т. п.,—здѣсь площадь покрыта пестрой и разнообразною толпой народа. Повсюду разбросаны полосатые навѣсы походныхъ лавочекъ, въ которыхъ продается все, начиная съ туземныхъ лакомствъ и кончая сапогами...

Этого рода картины въ собраніи Верещагина незамѣтно переходятъ въ картины бытовыя. Сюда относится, напр., *продажа ребенка-невольника*: купецъ привелъ къ богатому Сарту мальчика раба, котораго предлагаетъ купить, выхваляя его красоту и смысленность. Другая картина изображаетъ двухъ Сартовъ, которые, по дорогѣ на базаръ, поссорились между собою. Одинъ изъ нихъ тычетъ пальцемъ въ другаго и, повидимому, разражается самой несдержимой, задорною бранью. Другой выжидаетъ потокъ оскорбленій, чтобы, въ свою очередь, отвѣтить на нихъ еще большими. Вотъ, далѣе, *хоръ дувановъ* (нищихъ), просящихъ милостыни. Впереди—вожатай, заткнувъ пальцами уши, кричитъ изо всѣхъ силъ; ему вторять прочіе, облокотясь къ стѣнѣ дома, изъ-за которой вы-

глядываетъ голова любопытной горожанки. Еще сцена: въ лавочкѣ, гдѣ собираются туземцы курить опиумъ *), нѣсколько Сартовъ разсуждаютъ о распространившихся слухахъ о походѣ Русскихъ на Хиву, одинъ изъ нихъ горячо разсуждаетъ по этому поводу, другіе внимательно слушаютъ его. Замѣчательна картина, изображающая такъ называемый «Зинданъ» — подземную тюрьму, въ которую опускали осужденныхъ по веревкѣ, чрезъ небольшое отверстіе сверху. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ лежитъ, распростертый на полу, умирая ужасною смертью. Дѣло въ томъ, что въ этой тюрьмѣ находилось безчисленное множество земляныхъ клоповъ, облѣплавшихъ тѣло и производившихъ такой зудъ въ немъ, что бѣднякъ прочесывалъ тѣло до внутренностей и умиралъ. Нынѣ, по распоряженію русскихъ властей, этотъ «клоповникъ» засыпанъ и сравненъ съ землею.

Въ числѣ прочихъ картинъ Верещагина, весьма немногія (13—20) посвящены военнымъ дѣйствіямъ Русскихъ въ Хивѣ; всѣ же прочія суть не болѣе какъ портреты туземныхъ жителей разныхъ племенъ и рисунки изъ ихъ домашнего быта (внутренній видъ сартскихъ жилищъ, домашняя утварь, нарядъ женщинъ и т. п.). Что же касается военныхъ дѣйствій, художникъ умѣлъ, не пріурочивая ихъ къ дѣйствительнымъ событіямъ, дать полное наглядное понятіе о томъ, какъ произошла война наша съ Хивой. Въ этомъ смыслѣ, г. Верещагинъ представляетъ намъ многія подробности, имѣющія значеніе отнюдь не художественное, а только исторически-бытовое. Такъ, напр., нѣсколько портретовъ русскихъ солдатъ и офицеровъ даютъ намъ понятіе о военно-походной дорогѣ Оренбургскаго отряда, а съ другой стороны—портреты и непріятельскихъ отрядовъ въ полномъ вооруженіи. Затѣмъ, идутъ картины, такъ сказать, въ немногихъ словахъ живописующія самый походъ. Вотъ «парламентеры»—два туркменскихъ воина, посланные для переговоровъ съ русскимъ отрядомъ: «Сдавайся!» кричатъ Туркмены. «Убирайся!» отвѣчаютъ Русскіе. И вотъ Хивинцы *высматри-*

*) Опиумъ—сокъ изъ головокъ особаго рода мака, который на Востоку курятъ, какъ у насъ табакъ: это производитъ опьяненіе, сильнѣйшее нежели то, которое происходитъ отъ употребленія вина.

ваютъ: кучка ихъ засѣла въ густой и высокій бурьянъ, чтобъ удобнѣе высмотрѣть расположеніе непріятельскаго лагеря. Какъ видно, тамъ не ожидаютъ нападенія, — все спокойно. Тѣмъ лучше, думаютъ хищники и *нападаютъ въ-расплахъ*. Тревога, произведенная въ русскомъ лагерѣ этою неожиданностью, изображена Верещагинымъ превосходно. Справа, съ горъ, несется пестрая, нестройная толпа конныхъ и пѣшихъ Туркменъ. Въ облакахъ пыли и порохового дыма, видѣнъ цѣлый лѣсъ копій... Слѣва—палатки русскаго лагеря: изъ нихъ торопливо бѣжитъ горсть солдатъ, рѣшившаяся лучше умереть, нежели сдаться. Они набѣгу хватаютъ, сложенные было, ружья, выстраиваются и дѣлаютъ залпъ. Передній солдатъ уже убитъ: его тѣло падаетъ на руки товарищей. Другіе отчаянно дерутся съ хищниками. Пные лежатъ на землѣ, или убитые на-повалъ, или смертельно раненые. Въ томъ же родѣ и еще двѣ картины—«у крѣпостной стѣны». Одна изъ нихъ называется «Тес! пусть войдутъ»,—засада; другая: «свошли!»—жаркая сѣча между застигнутыми врасплахъ Русскими и подстерегшими ихъ Хивинцами. Здѣсь, на выставкѣ картинъ Верещагина, небольшой перерывъ. Далѣе двѣ картины (*удача и неудача* *), которыми художникъ остался недоволенъ, а потому и сжегъ ихъ. Дальнѣйшія представляютъ, какъ Хивинцы приносятъ своему повелителю отрубленные головы враговъ**). Ханъ, окруженный своими сановниками, съ любопытствомъ разсматриваетъ мертвыя лица. На этой картинѣ замѣчательно хорошо исполненъ ханскій дворецъ: мраморный помостъ окруженъ крытымъ переходомъ, поддерживаемымъ длиннымъ рядомъ мраморныхъ столбовъ. Средина (ханскій дворъ) есть небольшое пространство, безъ потолка, надъ которымъ раскинулось синее безоблачное небо. А вотъ побѣдители *торжествуютъ побѣду*: передъ ними обширная площадь, на которой возвышается величественный, роскошный

* По каталогу № 4, 1 и д.

** Къ сожалѣнію, г. Верещагинъ въ сценахъ побѣды изобразилъ исключительные случаи, когда перевѣсъ оставался на сторонѣ Хивинцевъ: какъ извѣстно, эти побѣды были „каплею въ моръ“ сравнительно съ успѣхами русскаго оружія.

храмъ. Вокругъ него идетъ полукругомъ рядъ высокихъ древесныхъ копій, на которыя насажены мертвые головы непріателей. Площадь занята народомъ въ живописныхъ, пестрыхъ халатахъ и нарядныхъ праздничныхъ чалмахъ. Въ срединѣ, передъ главнымъ входомъ храма, *дервиши* (монахи) образовали изъ себя, сидя на землѣ, большой кругъ, въ срединѣ котораго *мулла* (священно-служитель) говоритъ проповѣдь и призываетъ благодарить Всевышняго за дарованную имъ побѣду: «Такъ повелѣваетъ Богъ!» восклицаетъ онъ.—«Нѣтъ Бога, кромѣ Бога!» Наконецъ и еще сцена благодаренія Творцу, приносимаго ханомъ и важнѣйшими сановниками ханства: они стоятъ у гробницы своего святаго, воспѣвая «Бога войны». Здѣсь снова поражаетъ величіемъ и необыкновенною красотой внутренность храма. Стѣны покрыты мраморомъ и затѣйливыми рисунками. Вообще, какъ уже сказано выше, на картинахъ Верещагина встрѣчается множество великолѣпныхъ зданій, и понынѣ иногда, хотя очень рѣдко, встрѣчающихся въ Средней Азіи. Сюда слѣдуетъ отнести, напр., и двери Тамерлана („желѣзный хромецъ“), поражающія необычайно-мелкой и мастеркою рѣзбой по дереву. Кое-гдѣ въ рѣзбѣ сіяютъ драгоценные камни, посаженные прямо въ деревянные гнѣзда.

А вотъ и заключительная картина, производящая на зрителя тяжелое впечатлѣніе: называется она *Забытый*. Передъ нами поле, на которомъ произошло сраженіе. Тѣла уже убраны,—забыто одно, молодого солдата, застывшее въ томъ широкомъ размахѣ рукъ, какъ онъ боролся съ непріателемъ. Художникъ весьма удачно выставилъ внизу извѣстные слова пѣсни:

...«Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать мать сыра земля...»

